

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КЫРГЫЗСТАН 2/2016

Художественный и общественно-политический
журнал писателей Кыргызстана

Издается с января 1955 г.

Главный редактор А.И. ИВАНОВ

Редакционная коллегия:

В.В. КАДЫРОВ

Б.Т. КОЙЧУЕВ

Т.Т. МУРАТАЛИЕВ

С.Г. СУСЛОВА

(зам. главного редактора)

В.И. ШАПОВАЛОВ

Представляем картины народного художника Кыргызстана
Алексея Каменского.

На первой обложке: фрагмент картины «Натюрморт на красном фоне».

На четвертой – фрагменты картин «Кара-Баткак. Гляциологи» и

«Монастырь Святого Николая. Старый колодец». Болгария.

Адрес редакции:

720301, ГСП. Бишкек, ул. Пушкина, 70

Телефон 62-16-05

ПРОЗА

Владимир Федоров. Хорошо летим. Глава из романа-ахиней «Анахерат»	5
Константин Караханиди. Возвращение. Дедушка Георгий. Велосипед. Я всегда буду с тобой. Рассказы	33
Диана Светличная. Рыбы в банке. Уроки музыки. С видом на Неву. Короткие рассказы	60
Вячеслав Александров. Аризонские ковбои. Рассказ	74

ПОЭЗИЯ

Эпос Манас. <i>Отрывок из главы «Рождение Манаса». Перевод С. Сусловой. Предисловие В. Шаповалова</i>	91
Иван Волосюк. <i>Стихи</i>	117
Дмитрий Сагайдак. <i>Стихи</i>	122

ПУБЛИЦИСТИКА

Эрнст Акрамов. Врач: если я заболею...	130
Александр Иванов. Верный муж медицины	140
Александр Зеличенко. Наркосцена	151
С. Дудашвили. Природы дивной волшебство. Эссе	158

КУЛЬТУРА

Г. Хлыпенко, Б. Койчув. Профессия - литературный критик. Творческий портрет в диалогах и научных отступлениях ..	172
Евгений Колесников. Ход конем	191
Коротко об авторах	201
О Талипе Ибраимове. Памятник, сотворенный словом	207

ПРОЗА

Владимир ФЕДОРОВ

ХОРОШО ЛЕТИМ

Глава из романа-ахиней
«Анахерат»

Хоронили Александра Дмитриевича Дрозда узким кругом достойных, серьёзных людей. Человек двадцать, не больше. В основном мужчины. Дорого одетые – длинноносые лакированные туфли, итальянские пиджаки, элегантные галстуки, белые тонкие рубашки от LouisFabel и Giovanni, золотые перстни, бриллиантовые запонки. Солидным господам соответствовало и престижное, даже пафосное место упокоения: Волковское кладбище на Благовещенском взгорье в Сергиевом Посаде, рукой подать от Лавры. Роскошью форм и отделочных материалов мемориал возвышался над простонародными надгробьями обширного города мертвых. Втоптаный в грязь, свергнутый с профессионального олимпа Александр Дмитриевич в самых смелых своих мечтах не мог представить себе такого торжества амбиций на переходе из этого мира в иной. Он возлежал в окружении массивных черных крестов, куртуазных мраморных изваяний, гранитных художеств по эскизам модных дизайнеров. Гроб был из ценного дерева, с ручками, с бархатной обивкой. По счастливому стечению обстоятельств /или по знаку свыше/, погребение состоялось под звон колоколов Лавры. Отпевание совершал отец Михаил из кладбищенской церкви Воскрешения Лазаря. Прощальную гражданскую панихиду на краю могилы начал Петр Николаевич, человек высокого роста, очень худой, с наколками на запястьях крупных кистей под белоснежными манжетами. Наблюдательный человек без труда мог догадаться, что руки Петра Николаевича, как и всё его большое тело, были носителями специфического культурного слоя строго охраняемых

северных галерей. Такой охране могла бы позавидовать даже галерея Уффици.

Петр Николаевич сказал, что хотя Александр Дмитриевич не был человеком их близкого круга, партнеры взяли на себя ритуальные процедуры, выделили место на своем приватизированном участке из уважения к особым заслугам усопшего перед страной, народом, а последний год и перед их авторитетным сообществом. Товарищ Дрозд в недалеком прошлом был настоящим генералом, в смысле, генеральным директором Токтогульского каскада электростанций, который вырабатывал несметное количество киловатт-часов низкой себестоимости, был заслуженным изобретателем СССР, руководил беспрецедентными /правильно сказал, без «н» перед «д», как это сплошь и рядом говорят нынешние хозяева высоких кабинетов/ операциями по сборке крупногабаритных турбин и доставке их самолетом «Руслан» из Харькова на военный аэродром в Андижане с последующей транспортировкой через горные перевалы армейскими тягачами «Ураган». Заводская сборка гигантских металлоконструкций, требующая микронной точности, избавляла технологию от доводки кувалдами на строительной площадке и обеспечивала Родине миллионы рублей экономии, а народнохозяйственному комплексу страны – полугодовой выигрыш во времени.

Затем Петр Николаевич дал слово другому солидному господину, с мужественными чертами лица, украшенному шрамом на шее, – Сергею Васильевичу.

Сергей Васильевич сказал, что лично он знал Александра Дмитриевича не так много времени, но зуб дает /зря он так, подумал Петр Николаевич/, что гений производства электроэнергии был конкретным порядочным человеком, не выёживался /тут Сергей Васильевич нашел соответствующий месту действия синоним/, содержал в идеальном порядке рубильники, розетки, наружную и внутреннюю проводку, проводники и полупроводники их загородной резиденции. Короче, генерал был свой в доску, неожиданно и очень кстати оказался толковым лепилой, умело перевязывал, если чё, ставил клизмы, компрессы, врачевал самодельной мазью, гидравлической системой дыхания по методу академика Неумывакина, и очень прискорбно, что такой человек скончался преждевременной смертью от тромба, закупорившего его собственную кровеносную систему. Мир праху его! Мертвые сраму не имут. Сергей Васильевич повертел головой вправо и влево, ослабляя

давление галстука на шрам. Позже Вареник узнал, что этот нервный тик остался с того времени, когда нехорошие бородастые люди в горах пытались взять Сергея Васильевича, по их выражению, за красный галстук. Не успели, подфартило – пришли свои, хорошие, безбородые. Взяли за красный галстук нехороших.

Третий оратор, Гиви Кондратьевич, деликатно поправил предыдущего оратора насчет «срама», мол, Александр Дмитриевич и при жизни срама не имал, не то что другие генералы и федеральные князья нашего Отечества, по уши погрязшие в сраме. Гиви Кондратьевич сокрушался, что покойник не успел осуществить планы по строительству «гидрушки» на ручье, протекающем близ резиденции. По замыслу Александра Дмитриевича, микрогэс гарантировала резиденции надежное автономное электроснабжение, и зимой освободила бы голову от мороки с дровами для буржуйки. Пусть земля ему будет пухом.

Следующий спикер, Эммануил Генрихович, не удержал слезу, вспомнив, как Александр Дмитриевич читал ему вслух страшную книжку одного стрёмного итальянца про город Солнца. Типа, город особого режима. Как в шизо, но с сексом. По строгому государственному плану и физиологической необходимости. От сих до сих. Ни одна женщина не могла вступать в сношение с мужчиной до девятнадцатилетнего возраста, а мужчины не назначались к производству потомства раньше двадцати одного года или даже позже, если они имели слабое телосложение. «Прикинь – а!» – оглядел собравшихся у гроба господ Эммануил Генрихович. Господа, прикинув, скорбно кивали головами: беспредельщики. А Эммануил Генрихович / для своих – Эмма / продолжил цитировать жестокие правила сексуального поведения в городе Солнца. Некоторым юношам позволялось и до двадцати одного года сочетаться с женщинами, но только с бесплодными или же с беременными, чтобы не доводить дело до запретных извращений. Пожилые начальники и начальницы заботились об удовлетворении половых потребностей более похотливых и легко возбуждающихся, узнавая об этом или по тайным их просьбам, или наблюдая их во время занятий в палестре. Однако же, разрешение давал только авторитет службы деторождения – опытный врач, подчиненный непосредственно правителью Любви. Тем же, кого уличат в содомии, делали выговор и заставляли носить на шее башмаки в знак того, что они извратили естественный

порядок сочетания полов. При повторном преступлении наказание увеличивали вплоть до смертной казни.

– Ты слушаешь? – закричал Андрею в ухо Вареник.

– Слушаю. Плохо слышно.

Они уже полчаса летели в вертолете, позади осталась Чуйская долина, впереди чернела теснина Боомского ущелья, в которой вертолет застучал и стал набирать высоту. После унылых колхозных пейзажей разворачивалась яростная, режущая глаз картина первозданного Хаоса. Господь то ли недоработал, то ли специально оставил первоначальную природу, как космический заповедник, или шабат пришел раньше времени.

– До меня очередь так и не дошла, – прокричал Вареник. – Нас там человека три было каракульских. Еще четверо москвичей, из гидропроекта. Организаторы обзванивали по записной книжке Дрозда. Кого-то не было, кто-то проигнорировал, суета заела. Я Александра Дмитриевича последний раз видел – кто бы догадался! – в лесу. Зимой, в Москве, на Варварке. Там комнату выделили им, ветеранам, от главка. Совет мудрецов. Дрозд был мудрецом по Нарыну, пытался впарить РАО Верхне-Нарынский каскад. Тему переносили из года в год, чувствовалось: дохлый номер. Хотя про запас держали. Может, пригодится в геополитических играх. Встретились случайно. Он говорит, поедем ко мне, посидим по-человечески, у меня в распоряжении целый дом отдыха. А рядом, говорит, если захочешь, Загорская ГАЭС. Наши построили, каракульские, под началом Толкачева. Интересное сооружение. Миллион двести тысяч киловатт мощности, как Токтогулка. На электричке добрались до Сергиева Посада, там машину раздобыли, внедорожник. Заехали в лесную, богом забытую глушь. Какой-то заброшенный пансионат. Окна выбиты, крыша деревьями прошита. Он себе директорский номер приспособил. Рамы застеклил, буржуйку раздобыл, дров напилит, наколот. Бойлер поставил, душевую кабину. Каждый день брился. Обязательно костюм, свежая рубашка, обязательно галстук. Рассказывает: как-то ночью шум-гам, стрельба. Оказалось, бандитская малина. Пять звезд. Серьезные люди, в авторитете, в законе. И ничего, обошлись без хамства. С понятием, с уважением к возрасту и заслугам. Погоняло дали – генерал-камердинер. Типа, смотрящий по камере. Продукты, снабжение – как в Средмаше. All inclusive. «Александр Дмитриевич, – говорят, – хочешь – рыбку доставим, хочешь – зажигалку, или батончиков. Бу-

дешь жарить, сколько эрекции хватит. Ты не стесняйся – живое дело». Эх, ма, ротор – статор. Лучшие годы жизни!

На сороковой минуте полета под вертолетом открылась нескончаемая, пронзительная синь Иссык-Куля и в восходящих потоках над ним стало сильно потряхивать. МИ-8, взбудораженный крупной дрожью, то и дело проваливался в глубокие воздушные ямы, в желудках пассажиров холодело, руки искали опоры, голова жаждала приюта в Божественном провидении. Канадский инженер Жан, летевший с коллегой Джеком на очередную рабочую вахту, шевелил губами, читал Книгу Бытия.

«И сказал Бог: да будет твердь посреди воды, и да отделяет она воду от воды. И стало так.

И создал Бог твердь, и отделил воду, которая под твердь, от воды, которая над твердь. И стало так».

– Гарно! – восхитился второй канадец Джек, разглядывающий Киргизию через иллюминатор.

Канадцы были украинского происхождения, в недавнем комсомольском прошлом Ваня и Женя, вращались в кругах патриотической диаспоры, кокетничали знанием мовы.

– А що це там? – интересовался Жан.

– А цэ сэло Полтавка, – подыграл Жану Вареник. – А ось там сэло Тарасовка. А дальше Червоный прапор, Кызыл-Диканька, Покровка, Сретенка, Преображенское.

– Що? Заблуканы? Мабуть, цэ нэ Кыргызстан, а нэзалэжна Украина? – троллили канадцы. – А дэ ж аборигены?

– Ще будуть. Ще понайдуть, – успокоил Вареник.

Андрей приник к иллюминатору. На вертолете летел первый раз в жизни. Правду сказать, большого удовольствия не испытывал. От железной бочки, занимавшей четверть пассажирского отсека, попахивало керосином, подташнивало. Картина, лишенная крупных планов, деталей, после первых минут полета над озером стала просто нейтральным открыточным фоном.

– Не Айвазовский, – констатировал Вареник.

– И не Левитан.

Виссарион высунул ус из своей отолярингологической темницы. Как всегда, гундосил, вытирал сопли. При ОРВИ и даже обычной простуде они скапливались в местах его постоянной дислокации, в сообщающихся тоннелях, штрехах, пазухах, гайморовых полостях.

– И не Левитан, – подозрительно покосившись на Андрея, подтвердил Вареник. – Никакой драматургии. Тишь да гладь, и Божья благодать. Окурок некуда сплюнуть.

– Токтогульское море с перевала Сабыра круче, – втиснулся в обмен впечатлениями Андрей. – Дедушка Акматалы был бы разочарован.

– Я плохо помню Дрозда, – прокричал Андрей Варенику. – Когда я приехал в Кара-Куль, его уже не было.

– Его обидели. Скверная история. На втором агрегате случилась какая-то мелкая авария. Он сам полез ремонтировать, не туда сунул руку, отрезало палец, уехал в Бишкек на операцию. Его за глаза обвинили в аварии и на место генерального срочно поставили товарища Иманалиева. Заодно оттяпали коттедж на Пойме: мол, служебный. Александр Дмитриевич сгоряча уволился, уехал в Нурек на рядовую работу.

– Он звонил отцу из Нурека. Они поддерживали связь. Отец переживал, что на похороны не успел. Был где-то в командировке. Чем, кстати, там дело закончилось?

– Ужас-ужас! Силовой операцией. На словах Эммануила Генриховича про содомию и смертную казнь раздался выстрел, и Петр Николаевич, простреленный в голову, аккуратно упал в яму, предназначенную для Александра Дмитриевича. А рядом пали еще двое участников прощальной церемонии. Господа в итальянских костюмах, бриллиантовых запонках и галстуках залегли на могилы, за мраморные изваяния, откуда ни возьми стволы появились. Батюшка, поп из церкви Воскрешения Лазаря, повозившись под рясой, достал пистолет Макарова. Оказался очень умелым стрелком – до пострига, выяснилось, воевал в Афгане, десантник, без пяти минут Герой России. Хотя причем тут Россия? Вернулись без ног, без рук, без глаз – а Россия говорит: я вас не посылала. Это Советский Союз. Афганцы обиделись, пошли по вагонам с концертами, на гонорары церковь построили. Пришибут кого по профессиональной привычке, по динамическому стереотипу руки – покаются. Батюшка отпустит грехи. Что им смерть? Привычное дело, бытовуха. Кровь за кровь, смерть за смерть. Это я в штаны наложил. К счастью, бой был скоротечный. Два трупа с нашей стороны, три трупа – со стороны понаехавших из Махачкалы. Петра Николаевича из ямы достали, Александра Дмитриевича в яму положили, землей засыпали, крест поставили. Новопреставленных воинов батюшка перекрестил: «Афганы вы мои, афганы! Пасынки мачехи-родины!» Велел

по-быстрому перенести к нему в нижний придел для совершения положенных процедур. А Эммануил Генрихович, зажимая кровь на рукаве, всё пытался привлечь слушателей к печальной повести о невыносимом сексуальном режиме, который ввел начальник Любви города Солнца.

«Когда мужчины и женщины на занятиях в палестре, по обычаю древних Спартанцев, обнажаются, то начальники определяют, кто способен, а кто вял в совокуплении, и какие мужчины и женщины по строению своего тела более подходят друг другу; а затем после тщательного омоложения допускаются к половым сношениям каждую третью ночь. Женщины, статные и красивые, соединяются только со статными и крепкими мужами; полные же – с худыми, а худые – с полными, дабы они с пользой уравнивали друг друга. К совокуплению приступают, только переварив пищу и помолвшись Богу небесному».

Пассажиры уткнулись головами в иллюминаторы, углубились в созерцание амбициозной киргизской земли, напичканной ураном, радоном и мелкодисперсным золотом. Вертолет отклонился от морской синевы, ушел вправо и стал набирать высоту, поднимаясь над твердью Терской-Алатоо по узкому каньону с риском задеть винтом скальные борта. Порой простор расширялся, горы оставались внизу хаотическим лежбищем окаменевших динозавров и ящеров. Геликоптер вписывался в изначальный космический контекст, in potentia, в образе птеродактиля.

– Я люблю речи у гроба, – сообщил Андрею Вареник. – Говорящий на Краю, на Пороге концентрирует мысль на главном, на смыслах, на том, чего не может или стесняется сформулировать в будничной суете.

– Например? – попытался сдвинуть мозги с тормоза Андрей.

– Например, Эммануил Генрихович. – Утерев слезу, он сформулировал сокровенное: – НУ ЛАДНО – СТАЛИН. ВЕРНИТЕ ХОТЯ БЫ БЕРИЮ.

А на кой хрен Эммануилу Генриховичу Берия – линейной логикой не осилить. Тут, скорее всего, диагноз. Психотерапевт сказал бы: когнитивный диссонанс, вызванный столкновением конфликтующих идей, ценностей, эмоциональных реакций. Верований, наконец. Возможно, такой же диссонанс угнетал сознание Зосима Львовича Серого, когда он, как Дух над плотью, восходил на Гору, которую именовал Синаем. В

завихрениях диссонанса плотина из гидротехнического сооружения преобразовалась в синагогу /это забито в гены/, секретарь райкома Абдрахманов – в равнина, а планерка на участке освоения склонов – в молебен. Общий ход мыслей товарища Серого затейлив, но расшифровать можно. Он переводит Быт в контекст Бытия, жизнь – в контекст Жития, слово – в чистый лист, на котором творил Создатель. Выходило: ГЭС это наш Бог, СТРОИТЕЛЬСТВО – ЭТО НАША МОЛИТВА. Плотина не железобетонный истукан, а материальное воплощение души. Планы, сроки, соцобязательства – всё это ритуал. Исполнил и забыл. А имманентное, психофизиологическое – это сладкое витание в облаках, удовольствие. ОТБЛЕСКИ СЧАСТЬЯ, если хотите.

Большой, глубокий человек Зосим Львович /как тот же Эммануил Генрихович/ способен был на неочевидный ребрендинг смыслов. На дуэли противоположностей стрелялись Кампанелла с его «Городом Солнца» и Зосим Львович со своей Кастрюлей без крышки. Кастрюля, естественно, одерживала верх. Но то была Пиррова победа. Серый не спешил плясать на прахе Кампанеллы. Он сам был ранен в сердце, прикрытое партбилетом. Бывало, с таблеткой валидола под языком журил своих, стреноженных СНИПами градостроителей: «Что ни делает наш человек руками, получается автомат Калашникова, что ни строит наш человек – получается барак». «Технология» у него была бранным словом. Ему милее были поэты, с которыми он жаждал сочинить небывалую, утопическую страну – социализм с человеческим лицом. А на деле, по СНИПам, получалась издевательская гримаса. Социализм не выходил рожей.

Ни с того ни с сего у Андрея вспотели ладони. Руки вспомнили раньше глаз. Вот этот самый полуостров, отделяющий залив с санаторием «Киргизское взморье» уранового комбината от залива с домом отдыха Академии Наук. Полуостров пустынный, заросший облепихой, аконитами, населенный фазанами, змеями, ящерицами, километров пять шириной. Вид сверху открывал плоскую безмятежную картинку, раскрашенную в жовто-блакитные цвета украинского флага. Трудно было представить, что в этом лишенном видимой драматургии местечке они едва не отдали концы.

Генеральный директор комбината Ежов подарил отцу на две июльских недели свой санаторский коттедж. Отец взял с собой Андрея, влачившего унылые будни архитектора горпро-

екта во Фрунзе. Коттедж поразил Андрея, привыкшего к убогой обстановке ведомственных пансионатов, буржуйской роскошью: две спальни, просторная гостиная с импортной югославской мебелью, какой-то особый японский телевизор, гигантский немецкий холодильник, хрусталь в баре, ванна и туалет с хромированной сантехникой, бильярд с огромным столом. До той поры слово «Средмаш» мало что говорило Андрею. Нечто абстрактное, далекое, секретное – «Почтовый ящик» с запахом цитрусовых, особое снабжение, копченая колбаса, «шпроты», красная икра, мандарины не только на Новый год. Территорию здравницы украшали роскошные розарии, павлины на лужайках, теннисные корты, эллинг, яхты. Отец, любитель гребли, получил в полное распоряжение капроновую двухвёсельную лодку, легкую в управлении, ходкую. Ни до, ни после ничего подобного в жизни Андрея не было. И про отцовский статус он здесь кое-что понял. Корреспондент ЦТ даже для генерального директора уранового комбината был персоной, с которой выпивают шотландское виски в приватной комнате отдыха, соединенной с рабочим кабинетом.

Через неделю Игорь нагрязнул: у них, у сборной по современному пятиборью, лагерь в соседней Долинке. «Ах, вы, буржуи! Я тоже так хочу». Помахали теннисными ракетками, погнажи шары на бильярде, потом втроем сели в лодку, поплыли на веслах в дом отдыха Академии – там у отца куча приятелей, позвали на пиво с вяленным чебачком. Обогнули мыс, и тут он догнал – «горняк», всегда внезапный, неподвластный прогнозу. Дует с гор в сторону моря. Сначала отнеслись легко: ну, дует и дует. Неужели не справимся? Три мужика, гребцы с детства. И – раз! И – раз! Весла погружаются в упругую плотную толщу воды. Отец на веслах, меняет галсы. И – раз! И – раз! Приятное сопротивление воды, координация сил: спина, ноги, плечо. Лодка слушается, скрипят уключины. Но что-то странное нарастает. Берег уходит. «А ну, дай-ка я». Андрей сел на весла. И – раз! А вот уже и белые гребешки появились, волна накатывает, несет в открытое море. Игорю не терпится: дай-ка я. Игорь на веслах с трех лет. В те ранние солнечные годы отец сажал его в лодку с утра, как проснется. Бабушка Паша варила ребенку манную кашу, отец брал кастрюльку и ложку, потом они вместе и по очереди гребли в тихом затоне, разглядывая длинные плети водорослей, причаливали для купанья, по малой и большой нужде, потом наступал час еды. Отец, как кочегар в паровозную топку, закидывал Игорю в от-

крытый рот кашу. Тот уминал её за милую душу и мгновенно засыпал на корме. Два часа сна на воде, полдник и снова на веслах. В четыре года Игорь уже плавал и управлялся с лодкой самостоятельно. В пять лет отец определил его в секцию пятиборцев. Тренер Мирошников подавал команды группы в воде у бортика: по порядку номеров – рассчитайся! Первый, второй, третий, четвертый.... Шеренга по росту. Игорь в конце, самый младший. Когда на первой тренировке очередь дошла до него, разревелся: считать умел только до десяти, а тут был восемнадцатым. К окончанию школы стал мастером спорта. Короче, в лодке сидели не слабаки. Однако же, и «горняк» пёр, как танк, напролом. Отец принял весла от Андрея – что-то липкое, красноватое. Кровь! «Чего у тебя? – Мозоли лопнули». У отца мозоли старые, задубели. В прямом смысле. Он с пятиборцами в дубовой роще у физкультурного института по деревьям обезьянничает, на ветке подтягивается. Весла на воду! И – раз! Вода барашками вскипает, недружественная, холодного бутылочного цвета. Как же так! Мы же свои. Нас четверо: трое в лодке и за бортом Иссук-Куль, родная с детства стихия. И вот уже лодку захлестывает, и надо вычерпывать воду. А нечем. Беспечность, легкомыслие, никаких спасательных средств. Вся одежда – плавки. А ну-ка Сидоровы – раз, два – взяли! Еще раз. В четыре руки. Или мы не мужики? Или мы не Сидоровы? И уже грозовой темной тучей надвигался вопрос: за что?

Да, был грех – Андрей запомнил ту историю на всю жизнь. Иссук-Куль, пансионат Минздрава, где работал дед Гриша. Андрею десять лет, Игорю три года. Приехал министр Петросянец с годовалым внуком. Все тетки, естественно, бросились к министерскому семейству: ах, ах, какой ребенок! Какое чудо! Сироп умиления, сопли подхалимажа. Отец куда-то отлучился: Андрей, присмотри за Игорем. А его, Андрея, в толпу подхалимствующих занесло. Младший, оставшись без присмотра, с пирса в воду бултых! Шум, гам... Отец тут как тут. Окончание инцидента прошло без свидетелей. Старший брат был бит за младшего. Как подхалим, как предатель. Отец лупил больно, расчетливо. Укреплял ремнем братские узы, семейный моральный кодекс. По сути это был тот же СНИП.

Игорь гребет, из сил выбивается. Ему поминать Господа еще не по возрасту. Но и его догоняет вопрос: за что? Да, был грех – запомнился. Отец порол его всего один раз в жизни. Так сказать, ничего личного – чисто воспитательная акция,

симметричная, показательная порка за брата. Ему лет шесть было, прибегает домой: «Во дворе большие мальчишки Андрея бьют!» Отец – во двор, Андрея отстояли. А дома младший получил выволочку за старшего. Почему не вступился за брата? Ну, и что ж, что они большие! Надо было камнями, палкой, зубами!

А «горняк» гонит лодку от берега – тупо, равнодушно, предательски. Обидно. Как же так! Мы одной крови. Да, мы знаем: ты можешь! Когда навстречу друг другу задуют ветры из Боома и Кара-Кола, такой смерч поднимается! Конец света. И как раз в этом месте, в срединной части акватории. Титаническая схватка волн и ветров. «Горняк» по баллам умеренней, без завихрений. Но упертый, как бык. Они не собирались бросать вызов этому зверю, хотели просто покататься на легкой капроновой лодочке. Два весла, три пары рук, три головы. Концентрат Сидоровых.

Струхнули, честно сказать. Вроде край почуяли. Далеко ли? Пустяк – с печи на полати. Еще шаг и «Прощайте, товарищи, все по местам, последний парад наступа-а-ет». Пришел час в парадную одежду переодеться, да нет одежды. Античная композиция. О, Провидение! О, Боги! Как его, главного по морской стихии, по сожительству стихий моря и гор? Посейдон? Пока Игорь с отцом рвут жилы, у Андрея в виске стучит: за что? за что? Из каких-то утробных глубин прорезался идиотский комплекс вины: мертворожденный братишка-близнец, тот самый, что весил кило триста. Первый раз явился. Черной тенью завис. Ну, это кара его персональная. А им-то за что? Отец вне дозрений. Правильный. С незапятнанной репутацией. В детской поликлинике, куда носил Игоря в первые годы жизни, висел на Доске почета лучших родителей. У него даже греха прелюбодеяния не было. Хотя... А Римма? Римма уже была? «С печи на полати» – это от её мамы, нижегородское словечко. Она Там, рано ушла. Всё видит, дочку жалеет, молится. Рано Сидоровым уходить, еще пригодятся.

Канадцы, между тем, затеяли собственную дискуссию над журналом с картинками НЛО, гуманоидов и неких архитектурных мечтаний.

– Вот, смотрите, – прокричал канадец, показывая Варенику и Андрею журнальное фото. – Проект какого-то вашего парня, из России. Егор Орлов, Казанский архитектурно-строительный университет, дипломная работа «Cybertopia». Сочетание цифровых и физических миров, город, который мгновен-

но изменяется в зависимости от потребностей его жителей. Аналоговые города, по мнению автора, должны исчезнуть, а на их место придут города цифровые, виртуальные. Пейзажи компьютерных игр вплетаются в городское пространство. Это будет карта кибермиров с внутренней географией, со своими законами физики.

– Хочется уважать себя, а не получается, – глубокомысленно подытожил тему Вареник. – И до пенсии еще двадцать лет. Что делать будем?

– Реально, в системе прямоугольных проекций, представить трудно, – Андрей никак не мог выбраться из паутины ночных дебатов с Виссарионом.

– А если по методу Гаспара Монжа?

– Тут эллипсы, – оправдывался Андрей. – Нужны изометрические проекции окружностей. Сам знаешь, эллипсы строить трудно.

– Это вызов, мой друг Снайпер-Чехов, – откручивая пуговицу на Андреевой куртке, прокричал Вареник. – Вызов здравому смыслу, природе и даже Городу Солнца. По большому счету, весь мир – это посланный нам вызов. Ключевой вызов начала 21 века – это вызов неопределенностей.

– Что вы говорите? Плохо слышно, – подключается к разговору канадец Жан с Книгой Бытия.

– Я говорю о скорости перемен. Главное – меняются сами изменения. И найти себя в этом перепаде изменений, в нарастающей информационной неопределенности невероятно трудно. Куда идем?

– Этот вопрос не имеет ответа в принципе, – стало ясно, Жан сел на любимого конька. – Человек слаб. Нет ни одной астрологической эпохи, когда бы человечество справилось с вызовом Творца. Не напрасно конец Эпохи Рыб назван Концом Света. Вся Библия полна предсказаний близкого крушения. «Силы небесные поколеблются», «земля и все дела на ней сгорят». И у всех пророков предсказания о падении Вавилона: «Пал, пал Вавилон...»

– Кюн бюттю, – поддержал тему Вавилона Вареник.

– Что это значит?

– Конец света. Кокустан болгон бюлгюн. Армагеддон.

– Истинно Армагеддон. В обращении Христа к ученикам астрологи видят символ: «При входе вашем в город встретится человек с кувшином воды; последуйте за ним в дом, в который войдет он, там приготовьте Мне пасху». Кувшин воды

– созвездие Водолея. По пророчеству Захарии, две третьих человечества будут уничтожены. А это четыре миллиарда. Из трех человек останется только один. Это круче, чем крах империи инков.

– Круче, – согласился Вареник. – Анахера тогда всё?

– Что это такое – анахера? – спросил Жан.

– Ну, это такой синоним слова «смысл». Анахера значит, в чем смысл.

– В чем смысл – это хороший вопрос, – догнал, наконец, канадец Джек. – Мы улетаем из одних слоев социальной атмосферы в другие, и проявляется одно из высоких свойств личности – строить мир вокруг себя. Человек бросает вызов: мне ваша реальность надоела и я хочу, чтобы мое воображение стало реальностью. Я строю свой мир в книге, в музыке, живописи. Я строю вокруг себя свою персональную экологию, «personal space» – личностное пространство. И я в нем живу.

– Вот мой друг Андрей тоже строит свое пространство, – подхватил тему Вареник, – мечтает от СНИПов рвануть за флажки. Одни называют таких маргиналами, другие – странными людьми, в XIX веке их называли лишними людьми. Они были во все времена. Люди, которые рвут паутину привычных связей и отваживаются, быть может, на самое сложное в жизни – на собеседование с самим собой. Так сказать, тихо сам с собою.

Вареник был явно доволен собой. Андрея подташнивало. Виссарион сказал бы: от СНИПа, который в тебе сидит. От СНИПа не убежишь. Он прорастает, как трава сквозь асфальт.

Терской заполнял географию между Иссык-Кулем и Китаем фантазмагорией горных хребтов, поражая пассажиров вертолета пейзажами Страны Хоббитания из Голливудских блокбастеров.

Из кабины вышел командир экипажа Грязнов.

– Кто тут Сидоров?

Андрей сознался: я Сидоров.

– Привет отцу передай. Мы с ним много летали на съёмки. На леднике Голубина зависали, они с камерой спускались на внешней подвеске. На ретранслятор «Баубаш-ата» – в шаге от пропасти. Чуть с работы не выгнали за нарушение техники безопасности. Он где сейчас? Последний репортаж, что я видел, из Кирилло-Белозерского монастыря. Мы щас чутьок отклонимся от стандартного маршрута. Есть на что посмотреть. Потом расскажешь отцу. ЗИККУРАТ. Космодром инопланетян

а ля Спилберг. Мы его облетим по круговой – через две минуты.

Зиккурат предстал отдельно стоящей конструкцией в виде гигантского ведра вверх дном с отполированными, абсолютно неприступными базальтовыми гранями. Макушка срезана, как ножом, ровная площадка размером с футбольное поле, проколотое черными дырами. Вне всяких сомнений, рукотворный модуль.

– Поразительно! – запричитали канадцы. – Точно такое же сооружение стоит в штате Вайоминг. – Один в один. Престол Дьявола посреди равнины. Высота 400 метров, диаметр основания 300 метров, диаметр вершины 80 метров. Всё в тумане легенд – НЛО, трехглазые гуманоиды из Иных миров. Нашли органику внеземного происхождения. Якобы этот занесенный из Космоса гумус дал начало Земной жизни. Якобы в пещерах скрыты лаборатории, откуда пришельцы наблюдают за землянами.

Командир Грязнов поддержал канадцев.

– Это точно. Жизнь упала с неба. Академик Спиринов докazuje: жизнь была занесена из Космоса. И все мы немножко инопланетяне. Сто тысяч лет назад произошел ГРАВИТАЦИОННЫЙ КОЛЛАПС в молекулярном облаке. Образовалась ПРОТОЗВЕЗДА, окруженная сгустками вещества. Из них потом сформировались Меркурий, Сатурн, Юпитер и прочие планеты, включая Землю. В космических реакторах появился мир РНК, зародилась жизнь. На Землю органику занесли метеориты, четыре миллиарда лет назад.

Грязнов был серьёзен, будто пересказывал увиденное собственными глазами.

– На этот престол наши поднимались: Мамасалы, Балинский, Аксенов, – сообщил Вареник. – Там тоже слой биомассы. Толстый. На штык лопаты. Взяли пробу – оказалось, птичий помет. Экскременты ястребов. Академик Алтымышев использовал эти экскременты в бальзаме «Тяньшань мюрёгу». Вытяжки входят в рацион космонавтов.

– А как вы объясняете, что такие же сооружения существуют и в других точках планеты? – наседали канадцы.

– СНИПы. Типовые сооружения Всемирного Разума. У него всё строго по СНИПам. Даже отдельные Недоразумения. Тот же Хаос.

– Я же тебе говорил, – пропищал в ухо Андрею Виссари-

он. – Формула Хаоса. Догматы Разума. Я еще тогда понял это, на лодке, когда мы чуть концы не отдали.

Андрей прикинул в уме, когда в его жизни появился этот зануд Виссарийон. Точно! Как раз в той истории плавания против «Горняка», когда очутились на Краю, голышом, чуть-чуть – и кранты. И не умели молиться. Тогда и прорезался внутренний голос. А что он мог? Какие такие особые слова знал? Только «мама»! Все слова на Краю в двух слогах: «Мама!» Но вслух ни один из троих не произнес. Ладони в кровище, нестерпимо саднят от соли, а они гребут, гребут...

Оно пришло в один миг – избавление. Будто лопнула пружина. Или Он услышал: «Мама»! И не обиделся, что не Его, Господа, призывают. Потому что «Мама» – это и есть Творец, Создатель. Это одно из Его имен. Может, самое главное. «Если чё, говорит, так и молитесь: Мама! Хоть в голос, хоть шёпотом, хоть про себя. Я услышу».

Вёсла хлопнулись в воду и, лодка, до той минуты бывшая игрушкой в руках Морского дьявола, вдруг прыгнула каким-то невероятным реактивным манером, перескочила через волну, плюхнулась носом в провал между гребнями и рванула к берегу. Легкая, счастливая, как баба, опроставшаяся от бремени.

Героического эпоса типа «Прощайте, товарищи» не случилось. Господь решил: не сегодня. Потом, как-нибудь в другой раз. А пока – по заданной формуле, по учрежденному в Небесах распорядку. «Горняк» дул, дул и сдулся. Обмяк. Он дует ровно час сорок. Такой его личный СНИП. Через час сорок сдувается, увядает. Как доблестный орган Геракла на исходе легендарной ночи, когда он сочетался с пятьюдесятью дочерьми гостеприимного царя Феспия в награду за первый из знаменитых двенадцати подвигов – убийство Немейского льва в горах Киферона.

Из последних сил догребли до берега, до отцовских приятелей, перегрузили лодку на бортовую машину и отправили к месту приписки, а сами, в плавках, по-тихому прошмыгнули в директорские апартаменты на «Москвиче» кандидата наук Эмилия Шукурова с пакетом вяленого чебачка в утешение.

Андрей почувствовал боль за грудиной, ощущение инородного тела, изжога явилась. Пытался нашарить в карманах таблетки нитроглицерина, которые навязала ему в дорогу Ирина. Причитала: с ума сошел! Куда тебе с грудной жабой на этот Кумтор! Там вообще кислорода нет, пять тысяч метров над уровнем моря. В принципе она была права: лететь сюда

было верхом легкомыслия. Мало гастрита, так последнее время участились приступы стенокардии. Даже в покое, по ночам Андрея мучило удушье, нехватка воздуха. Майрамка пыталась потчевать зельем вечной молодости от академика Алтымашева. Стенокардия Андрея, похоже, не верила академикам.

– По мне, так лучший аналог жилого модуля – юрта, – пошевеливая усами, талдычил в ухо Андрея Виссарион. – И вообще, в принципе, по характеру, мне архитектура противопоказана. Я бы сказал, это чистое недоразумение. И виноват в этом отец.

– А что отец? – огрызнулся Андрей. – На художника, куда-нибудь в Суриковское, в Москву я бы не потянул. Единственное, что было рядом, более-менее по нутру, это политех с архитектурным факультетом.

Разговор был беззвучный, но Вареник словно услышал. И конечно, не мог не вставить свои три копейки.

– Ты же резко начал. С дипломной студенческой работой сходу попасть в список реальных, юбилейных объектов – это круто. «Ай пери», салон красоты на улице 22-го партсъезда, центр столицы. У нас в Гипрострое прикалывались: Сниппер-Чехову повезло с прорабом. Сам Усубалиев, первый секретарь ЦК. Каждую неделю отчет на планерке: как план, как график? Чуть что – секир башка.

– Чач тарач. Парикмахерская.

– Не скромничай. Салон! Мрамор розовый, мрамор белый, зеленый, гранит, лестница, как в оперном театре, зеркала... Увидеть свой проект не в панелях от ДСК, а в мраморе – это несбыточная мечта девяти архитекторов из десяти. Кстати, Усубалиев знал, что ты сын Сидорова из телевизора?

– Вряд ли. Просто повезло. Но отец не был в восторге: как можно сравнивать Плотину и парикмахерскую! Ему подавай масштаб, высоту замысла, Город Солнца. Это же он меня Хуриеву сбаврил. В хорошие руки. Для них, мол, СНИПы не писаны. Потому что никто никогда ничего подобного не строил. Нет аналога. Сами пишут нормы и правила. Говорил, Токтогулка дала ему другие измерения в жизни, другое мироздание. Там бульдозеры летают, как херувимы. Там боги горшки обжигают. Он верил в светлое будущее.

– Размер имеет значение! – подытожил Вареник. – А если по телу судить, вроде неглупый.

Тема Андрею была неприятна, но и спорить с Вареником не хотелось. Тем более, что он был прав: мир, который строил

для себя Андрей, меньше всего походил на Пирамиду Хеопса. Куда ближе ему было эфемерное, дурашливое пространство кукольного театра. Оно поглотило его в раннем детстве. Так случилось. Свердловск, 1961 год, гастроль театра Сергея Образцова, самый знаменитый кукольный спектакль XX века «Необыкновенный концерт». Комическое кукольное ревю, в котором куклы пародируют артистов разных жанров: певцы и певицы, танцоры, цирковые дрессировщики и фокусники. Отец, студент УрГУ, проходивший практику в газете «Вечерний Свердловск», получил задание написать рецензию. На спектакль взял с собой Андрея. Служебное место в первом ряду, право прохода за кулисы, по ту сторону, за грань. Образцов не прятал кукловода за ширму, в зазеркалье, он манипулировал марионетками на виду, на сцене, вместе с куклами танцевал, пел, погибал, если требовалось по сценарию. «Необыкновенный концерт» вошел Андрею в подкорку. Он полюбил игру в куклы. Отец разглядел в спектакле некий подтекст, фигу в кармане, рецензию назвал «Люди – куклы», акцент в тексте на слове «марионетки».

– Уж не хочешь ли ты сказать, что стал марионеткой в руках отца? – врезал ниже пояса Вареник. – Или стал заложником судьбы? Между прочим, мужчина, названный Андреем, по натуре мечтатель, человек увлекающийся. Не последователен в поступках, никогда не знаешь, что ему придет в голову в следующую минуту. Импульсивен и непредсказуем. Что скажешь?

– Да пошел ты! – попытался уйти от темы Андрей.

– Ну, ладно, мечтатель. Не хочешь, как хочешь. Как твои питерские? Пишут?

Питерские писали. Последнее письмо было от Татки.

«Пап, привет! Живем мы хорошо. Растем не по дням, а по часам, весим уже почти семь кило, что для наших трех месяцев многовато. Но педиатр сказала, что рост у нас тоже не маленький (выросли на 10 см с рождения), потому мы гармоничное создание гераклического сложения. Сходства с Гераклом также добавляет наше раннее умение переворачиваться. И пока остальные трехмесячные крохи еще мирно полеживают на спинке, мы уже активно переворачиваемся на живот. И хоть дается нам это с трудом, мы упорно отказываемся смотреть на мир снизу вверх».

Андрей уперся глазами в облако, возникшее перед геликоптером по закону Хаоса. Тьма и туман делали картину

мутной. Энциклопедист Вареник попытался прояснить муть формулой синоптики. Мол, хотя климат Земли – чрезвычайно сложное явление, в основе его лежат простые законы. Солнечный нагрев вызывает испарение воды с поверхности моря, в результате чего образуются облака и может пойти дождь.

– Этого еще не хватало! – запротестовали канадские пассажиры Жан и Джек. – В Ветхом завете про дождь не сказано. Там ясная погода.

И Вареник подтвердил, хоть и с неохотой.

«И сказал Бог: да соберется вода, которая под небом, в одно место, и да явится суша. И стало так.

И назвал Бог сушу землею, а собрание вод назвал морями. И увидел Бог, что это хорошо.

– Как тебе это нравится? – проскрежетал над ухом Андрея Виссарион. – Мы с тобой, оказывается, лишние люди. Ветром надуло. Полагаю, космическим. С Альдебарана.

– Шел бы ты, альдебаранец, за ширму. По сокращению штатов, как аппендикс. За ненужностью.

– Сам ты аппендикс, антигерой нашего времени! – обиделся Вися.

Свернул рыжие усы в трубочку, ушел в темный мир гайморовой пазухи, включил тараканье радио. По радио пели: «Этот мир придуман не нами, этот мир придуман не мной». Что-то колело в бок, хрящик какой-то сложной носовой перегородки. Иной мир, мир иной. Надо вписываться, а не получается. Хотя... Хотя с Салоном красоты «Ай пери» вроде вписались. Улица 22-го партсъезда, центральная, раньше была улицей Сталина. Здесь положили первый во Фрунзе асфальт, пустили первый троллейбус. Отец вспоминал, как они, пацаны, цепляясь железными крючьями за троллейбус, катались по улице на коньках «снегурках», прикрученных веревками к валенкам. Случайно ли, что именно здесь, на этой улице, в тесной застройке между Домом быта и ЦУМом вписался его дипломный проект? Пройдет наше время, придет не наше, иное, придут иноземные, может, с Альдебарана, небритые, бородатые, лысые под Гошу Куценко, или косматые, как Перельман, – спросят: а где здесь постричься, побриться, соорудить «ирокез»? А вот она, пожалуйста, парикмахерская, «чач тарач», здесь делают «секир башка» опасной бритвой, точенной на кожаном ремешке.

В церках у седьмого гипандрия загрохотала кастрюля. Стало быть, пролетаем урочище Алтын-Арашан, золотой род-

ник. Там они с отцом останавливались на ночлег, в палатке. Вечером, в темноте, на костре варили уху из радужной форели, котелок не убрали, оставили на перекладине над кострищем, там же кружки, походные тарелки, алюминиевые ложки. А под утро грохот и ржание. Вскочили с перепугу – ущелье в тумане, трава в инее, зуб на зуб не попадает, табун лошадей кастрюлями гремит. На другом берегу речки юрта табунщиков. Зовут чай пить. Этот мир придуман не нами. Зазеркальный. С иными СНИПами.

– Хуриев приехал из Москвы с пустыми руками: денег нет и не бу... – кричал Вареник Андрею. – Говорят, переходите на самофинансирование, ищите покупателя электроэнергии, продавайте, если сможете. Никаких соплей, никаких голубых городов, никаких Кара-Кулей, – жилые модули, вахтовый метод. Верхний Нарын практически на той же высоте, что и Кумтор.

– Мы давно отказались от городов, – подхватили тему канадцы. – Неэкономично, неэкологично. Теперь новая напасть: женщины.

– Еще десять лет назад главной проблемой были «зеленые», – возмущался Жан. – Сейчас на первый план вышли гендерные проблемы. Женщины рвутся в Космос, в Океан, на шельф. Подашь ей руку – она на тебя подаёт в суд: покушение на её права.

– Французы провели исследование, – поделился наболевшим Джек. – В ходе опроса 75% респондентов мужского пола заявили, что в моменты интимной близости над ними доминируют их партнерши. Также 15% французов заявили, что они стесняются заниматься сексом при свете.

– Что за протестный смешок? – выражение лица Андрея показалось Варенику неадекватным.

– Да так, глупости. Майрам из своего медучилища занесла: «Пиндос-миндос, кишен тухес и взасос»!

Пиндосам доставалось! Майрам как-то принесла из их шпионской юрты честно заработанный чаевой доллар. Андрей увеличил рисунок на бумаге, сделал из неё кораблик и пустил по Токтогульскому морю. Вся военная команда во главе со слепым главнокомандующим Акматалы прыгала под кричалку: «Америка России подарила пароход – огромные колеса и ужасно тихий ход».

Услышав про американцев, канадцы перевели гендерную тему из бокового притока в мейнстрим. Вспомнили аме-

риканских мормонов. Их Церковь Иисуса Христа Святых Последних Дней процветает. У них полигамия. Сорок тысяч мормонов живут в полигамном браке. Сам основатель Церкви Джозеф Смит имел одновременно восемьдесят жен. Причем мормоны берут в жены девочек в возрасте 13-15 лет. И, что главное, эта тенденция набирает силу, мормоны захватывают кабинеты власти в Белом доме, в Пентагоне. Старейшина мормонов Брюс А. Карлсон – директор службы космической разведки США.

– А как у вас? У вас есть мормоны?

– У нас, мусульман, в матрице – шариат, – не моргнув глазом, пристроился к тюркам Вареник. – Мы придерживаемся минимума: каждый мусульманин может иметь четырех жен. Про открытые гаремы пока не слышно. Но это дело времени. Вот разбогатеет начальство на золоте Кумтора и возродит старые добрые традиции ханов и падишахов. Так что наши люди с вашими мормонами легко найдут общий язык. Правильно я говорю? – Вареник предательски перевел стрелки на Андрея. – Его подружка Майрам – интернейшнл выиграла тендер невест на американской авиабазе «Манас» и выходит замуж за афро-американского красавца. Там свадебный флэш-моб, двенадцать пар. Американские солдаты и киргизские красавицы. Посмотрим, чья генетика круче. Можете не сомневаться: был Вашингтон, будет Нашингтон.

– Да, кыргызвумен совсем другие, – признали канадцы.

– Вот, вот оно! – Джек рылся в киргизско-русском словаре. – Нормативдерди иштеп белгилө. По требованию властей о привлечении местного населения к работе предприятия, мы проводим набор женщин-операторов посудомоечных машин, уборки пищевых отходов, официанток. В основном это вуменс из Кара-Кола и соседних айлов Иссык-Кульской долины. Мы разрабатываем нормативы поведения персонала в кухонной зоне. Пункт первый: запрещается выносить продукты за пределы пищеблока. Это абсолютно новая для нас проблема. Нигде прежде мы с ней не встречались. Каждый день охрана на шлагбауме фиксирует массовый вынос продуктов из ресторана. Каждый день скандалы с жулук уур, с воришками. Повесили таблички на их языке: Уурлук кылу болбойт – воровать категорически запрещается! Они говорят: мы не жулук уур, мы несуны. Всегда так было. А как иначе? У нас в каждой семье за дастарханом по двадцать ртов. Мы, говорят, не золото ваше выносим, а картошку, мясо, лапшу. Нас же еще и обвиняют в

гендерной дискриминации: ЦРУ, прекратите слежку, уберите ваши видеокамеры. В суд подадим! В Гаагу!

– Там, на видео, такой интим! – захихикал Жан. – На кухне, в подсобках, в прачечной.

– Живое дело, – философски заметил Вареник. – И никуда нам не деться от этого! Как ты считаешь, Андрей?

Андрей никак не считал, и вообще избегал диалогов на эти темы. Стеснялся, черт побери! Хотя Виссарион, спрятавшийся в гайморовой полости, подкрутил усы: «А ты говорил, модуль без тараканов. Таких модулей не бывает».

Вареника, между тем, понесло.

– Советская власть ликвидацией публичных домов породила проблему женской занятости. Отправила баб укладывать шпалы, валить лес. Это женское дело. А зарабатывать самым естественным, нормальным женским ремеслом – сексуальными услугами – нельзя. Бред. После революции в стране с этим делом был порядок: красноармейцам выписывали талоны на соитие с комсомолками. Никакого лицемерия. А теперь вот Хуриев вынужден ломать голову над проблемой занятости женщин, тратить деньги на завод для вторых рук. А надо бы не завод, а публичный дом. Легальный, с налогами в городской бюджет.

– Ну, не все же дамы Кара-Куля, например, готовы пойти в проститутки, – попытался возразить Андрей.

– Женщин не знаешь! Всё дело в цене вопроса, – спокойно парировал Вареник. – Какой будет тариф на секс-услуги. Совместным решением парткома и профкома можно установить такой тариф, что главный бухгалтер, скажем, или технолог, или проектировщица из нашего бюро в очередь станут. А если труженица публичного дома будет знать, что каждый третий рубль из дохода заведения идет на развитие отечественной энергетики, так это вообще прилив патриотизма! Не нужно ездить в Москву с протянутой рукой, кланчить бабло. Реальное самофинансирование.

Вареник победоносно оглядел пассажиров. Чувствовалось, это был не экспромт. Обдуманная, выверенная концепция.

– И волки сыты, и бабы целы. Это вам не шпалы заколачивать, не мешки с цементом на горбу таскать. Истинно женская работа.

Канадцы признали: их Кумтор проблему секса не решает, загоняет в тень. Компания мониторила проблему в разных

плоскостях. В частности, изучила статистику запросов мужчин на сайте знакомств за сутки:

- для создания семьи – нет запросов;
- для серьёзных отношений – три запроса;
- для секса без обязательств – 3590 запросов.

Обратились к Томмазо Кампанелле: как у него, в Городе Солнца, с запросами? Книга была под рукой.

«Они почитают недопустимым, если родители меньше чем за три дня до совокупления запятнали себя семенем. Ежели какая-нибудь женщина не понесет от одного мужчины, ее сочетают с другим; если же и тут она окажется неплодной, то переходит в общее пользование, но уже не пользуется почетом, как матрона, ни в Совете по деторождению, ни в храме, ни за столом. Это делается с той целью, чтобы ни одна не предотвращала сама беременности ради сладострастия».

Прав был Эммануил Генрихович: это нам надо? Зона строгого режима. Без сладострастия, без изнеможения. Живого, блин, человека потеряли. Слово «блин» Эммануил Генрихович старался избегать, но в тот раз сорвалось.

Вареник углубился то ли в зрелище из поднебесья, то ли в себя. Из себя вышло нечто из недавнего прошлого, когда советские люди ходили друг к другу в гости без предварительного звонка.

На привале портрет в рюкзаке откопая,

Положу на ладонь дорогие черты.

Пожелтело лицо, а любовь всё равно голубая,

Как земля, если глянуть с большой высоты.

– У тебя случайно не роман с санитаркой звать Тamarкой? – Вареник ткнул Андрея в бок.

– Театр у нас. Кукольный. Кстати, спектакль имел успех на районном празднике животноводов. Диплом второй степени.

– А сюжет?

– История солдата Василия Рябова. 1905 год, русско-японская война.

– Эх, вас занесло! А у санитарки твоей какая роль?

– Судьба. Судьба в маске царицы Нефертити.

– Судьбу лучше бы слепому отдать.

– Его тоже не обидели. Аж две роли дали: солдата и царя Николая Второго. У него, можно сказать, ключевая реплика.

Андрей пересказал мизансцену, которой гордился как режиссер. Размышляя, отчего японцам войну просрали, Государь собрал на плацу своих министров и генералов и, приравстав в стреленгах, с высоты любимого жеребца, как с трибуны, слово Царское молвил:

«Вы поняли, Ваши высокоблагородия, как поступать надобно? – Так точно, Ваше Величество, поняли», – хором ответили Их высокоблагородия. И по выпученным глазам и выпяченными подбородками подданных благородиев Государь понял: ни хрена не поняли. Потому что они про героического пензюка думали, а он, Государь, про японцев им толковал. Царственный Акматалы тронул шпорами палочку, которая изображала коня, и нервно повернул его крупом в лица министров и генералов. Конь пукнул, государь смахнул слезу: с такими молодцами Россию-матушку обязательно просрём. Не в четырнадцатом, так в семнадцатом году.

– Круто для кукольного театра, – осмыслив ситуацию, подобно государю Николаю Второму, признал Вареник. – Сам придумал или...

– Или, – признался Тимофей. – Мы на репетициях обсуждали эту мысль. Всё так и сбылось, как предвидел Государь. И в четырнадцатом, и в семнадцатом. Хотя насчет семнадцатого года Акматалы возражал: мол, если бы тогда не просрали Россию, не было бы независимой республики Кыргызстан. Но Майрамка сказала: историческая судьба такая. Против судьбы не поперешь.

Вареник рассмеялся: вот как иной раз рифмуются сюжетные ходы. Эммануил Генрихович рассказывал о сокровенной мечте Дрозда вернуть в Россию самодержавие. Мол, иначе с коррупцией не справиться. Хоть демократы, хоть либералы, хоть консерваторы, хоть православные патриоты, – ничего не получается, воруют без зазрения совести, потому что всё это временщики. Ни перед предками, ни перед потомками не отвечают. У них – ХОДКА во власть! Кому пятнашка досталась – доволен, кому семёрницу зарядили – счастлив. На уме одно: урвать побольше, пока при власти. Все мечтают о пожизненном сроке. Это хоть и близко к самодержавию, но все равно не то. Временщики во власти воруют у народа, народ – у государства. А царь может только у себя. Потому что он и есть государство, а народ его налогооблагаемая база. Может, имеет смысл вернуть его Величество Государя императора. Только не Николая Второго, а лучше Александра Третьего. А еще

круче – Ивана Грозного. В общем, ЖДЕМ 17-го ГОДА. В 17-м ГОДУ У НАС ОБЫЧНО УСТРАИВАЮТ РЕВОЛЮЦИЮ.

Эммануил Генрихович однажды застучал Александра Дмитриевича за вокализмом в сортире. Дрозд, в полной уверенности, что слушателей в доме нет, пел в полный голос.

*Боже, Царя храни!
Сильный, державный,
Царствуй на славу нам,
Царствуй на страх врагам,
Царь православный.
Боже, Царя храни!*

Александр Дмитриевич даже обсуждал тему возвращения царизма в Россию с Петром Николаевичем. Но тот не подержал. Сказал, что русский человек без воровства не может. Не идентифицирует себя как русский, потому что ворует не ради личной выгоды, а по зову сердца. И власть по менталитету просто не может быть другой, потому как народная, избранная большинством голосов. И хватит, мол, революций. Сказал, что именно сейчас, при этой власти, достигнут исторический консенсус, наступил золотой век криминала. Мы здесь решаем! Мы не позволим! Чуть не поссорились. Петр Николаевич вежливо так, но твердо сказал: «Вы извините, генерал, но вы идиот. Вроде как Иннокентий Смоктуновский в роли князя Мышкина». По словам Эммануила Генриховича, Петр Николаевич особо упирал на конфликт конфуцианской этики и демократических постулатов. Мол, конфуцианство и демократические институты плохо совместимы. Потому что для конфуцианской этики важно уважение к старшему, к пахану и прочее. Основная проблема, с точки зрения Петра Николаевича, это столкновение разных ценностных систем, разных смыслов. Александр Дмитриевич частично поддержал доктрину Петра Николаевича: сейчас, когда начался новый этап развития цивилизации, какие-то представления пора брать в других, неевропейских цивилизациях – китайской, японской. Сегодня они могут работать даже лучше, чем сто лет назад. От глобализации ни спрятаться, ни скрыться. Нужно формировать универсальный этнос, искать точки соприкосновения между культурами и религиями. При этом Александр Дмитриевич цитировал швейцарского католического мыслителя-теолога Иоганна Кюнка. А Петр Николаевич гнул свою линию: мол, между политикой и гуманизмом всегда были сложные отношения, и в особых обстоятельствах политик имеет право нарушать и

попирать какие-то нормы. Если человек думает о государстве, ему достаточно действовать по понятиям. С этим Александр Дмитриевич не соглашался, считая, что политические ошибки стали глобальной угрозой для человечества, и поэтому главной потребностью нашего времени – внедрение морали в политику. Гарантом морального очищения власти могло бы стать возвращение на российский престол Романовых. Александр Дмитриевич состоял в переписке с принцем Кентским Майклом, прапраправнуком Николая I, двоюродным братом королевы Великобритании Елизаветы II, внуком английского короля Георга V. Майкл Кентский еще не стар, родился в 1942 году, окончил военное училище, где выучил русский язык, получил профессию военного переводчика и служил в штабе военной разведки. После отставки в звании майора пытался заняться бизнесом. Разумеется, неудачно. Не царское это дело. Снял два телевизионных фильма – о королеве Виктории и о Николае II. Шептались, что Майкл Кентский масон и даже, по некоторым данным, глава Великой ложи Востока. После 1992 года неоднократно бывал в России, радуясь постоянству национальных нравов: «Ну, слава Богу! Воруют, как при прапрадеде Николае. Даже круче. Миллиардами!»

У Петра Николаевича с Александром Дмитриевичем были тёрки по поводу бизнеса на Нарынском каскаде. Александр Дмитриевич не советовал влезать в килватты: цена копеечная, ликвидности нет. Лучше заняться аквой. Засуха третий год, вода дорожает, идет нарасхват. Узбеки готовы платить налом или акциями золоторудного комбината в Навои. Кто крышует? Алмабек. Ну, с этим договоримся. Накрайняк лишим послевкусия жизни. Там у нас кореш с Афгана, министр вооруженных сил. Или с Быком порешаем, на люминь махнем, на Кольский ниобий.

– Кажется, подлетаем, – сообщил Джек, глядя в иллюминатор. – Видите? Вон наша тарелка, жилой модуль.

Сверху картинка была – в Лувр не ходи. Конструкция сияла каплей росы на осеннем, багряном листе брусники. Модуль элегантно, без вызова вписывался в рельеф, был как бы ровень с человеком, соразмерен его росту и естеству.

– Газ, горячая вода, тепло, сто программ телевидения – незачем городить города! – хвастались канадцы. – Рабочий поселок – это времянка, горы мусора, уродство, незаживающие раны земли. А тут пришли, построили, отработали, разобрали конструкции, мусор подмели, карьеры рекультивировали.

Солнечные батареи сложили – идем дальше. При каскадном строительстве – идеал.

Зря они, модульеры! Лучше бы жевали, чем говорить эти слова. Всем известно, слово материализуется. «Идеал» материализовался, быстро и каким-то парадоксальным образом. Вокруг божественной, сияющей на солнце капли росы образовалось кольцо черной, агрессивной движухи.

– Они тоже играют в поло? – дивился Джек.

– Улак тартыш, – объяснил Вареник. – Игра джигитов. Дерут козла.

Вскоре изображение прояснилось деталями: ни мяча, ни козла. Со свирепостью мамаевой орды конница атаковала жилой модуль. Джигиты, вооруженные камчами и палками, яростно громили идеальную конструкцию.

– Луддиты! – запричитали канадцы. – Луддиты 21-го века! Погромщики! Дикари!

Из пилотской кабины вышел Грязнов.

– ЧП у нас, непредвиденные обстоятельства. Местные подняли мятеж против «Камеко». Садиться нельзя, могут взять в заложники, покалечить машину. А керосин на исходе. Сядем на полигоне Рыжий Баран. Там российский торпедный завод.

Вареника как током пробило.

– Андрей, надо срочно связаться с отцом!

– Что такое? Почему срочно?

– Может, через военных на Рыжем Баране. Или вернемся в Кара-Куль – у Хуриева прямой московский телефон.

– Да в чем дело-то?

– Мятеж, слышал же! Это же предвестник. В 1916-м году тоже был бунт – кыргызы против царя. А через год, в 17-м русские спохватились. Царя – в отставку, штурм Зимнего, Ленин на броневике. Кыргызы всегда на год впереди. Если они в этом году бунт устроили, значит в России на следующий год.

Вареник потирал руки, будто открыл закон всемирного тяготения.

– Вот она – колыбель русской революции! Какой Петроград? Кара-Кол! У кого есть бинокль?

Бинокль оказался у Джека. Пошел по рукам: что там? Что там? Блокбастер! Куликово поле! Битва леса со степью. Напротив модуля, на возвышении красовалась ханская юрта под красным знаменем. На нем был текст, но из-за ветра, который

рвал, волновал полотнище, читался с трудом. Джек управлялся с чтением по складам: ИМ-ПОР-ТО-ЗА-МЕ-ЩЕ-НИЕ. КОН-СЕРВНУЮ БАНКУ – НА ПОМОЙКУ, КЫРГЫЗСКУЮ ЮРТУ – НА СТРОЙКУ!

– Луддиты! – вырывая друг у друга бинокль, кричали Джек и Жан. – Модуль им поперек горла. Консервная банка! Комфорт, чистое белье, гигиенические пакеты, all inklusiv... Юрту им подавай!

– А что? Юрта – в этом что-то есть. В принципе, с точки зрения архитектора, даже такого перфекциониста, как мой друг СНИПер-Чехов, действительно идеальная модель сборно-разборной конструкции, – провоцировал канадцев Вареник. – А если еще стены выложить сэндвич-панелями с прослойкой из овечьей шерсти, – это выбьет все козыри у «зеленых».

– Я же тебе говорил, – проскрежетал в ухо Андрею Виссарион. – Гениально вписывается в природу, адаптация по норвежскому варианту. Трехмерная Божественная недвижимость.

Грязнов выглянул из кабины: вы, мол, осторожнее, не налегайте на один борт. Мы еще один круг заложим, спустимся чуть пониже. Нам самим интересно, за что сыр-бор.

– «ХВАТИТ ЛАПАТЬ НАШИХ БАБ!»! А это они о чем?

– Это они о шмоне, который вы устраиваете на шлагбауме.

– Так они же воруют еду!

– Это по вашему закону они воруют. А по их понятиям, восстанавливают социальную справедливость.

– Между прочим, ваш Пржевальский писал про вороватость местного населения.

– Вот в 16-м году они ему это и припомнили: решили сбросить памятник неполиткорректного генерала в Иссык-Куль. Дело, конечно, непростое. Там гранитная глыба 350 тонн, бронзовый орел – три метра размах крыльев, шестьдесят пудов весом. Обмотали канатами, запрягли двадцать быков – тянут-потянут. Двух быков утопили – памятник ни с места.

– Ну, что-то там отвалилось.

– Два листочка с оливковой ветви в клюве орла. Зато тренд какой заложили! Щас по всей России война с памятниками идет. То Сталина свалят, то Ленина, то Дзержинского на Лубянке. А первые кто? Кыргызы! Еще в 1916-м! История...

– А чего отцу-то звонить? Что за срочность?

Вареник руками развел:

– Ну, ты – ботва! Он у тебя четвертая власть. Пусть огласит: с Городом Солнца полный облом. Не суйся в чужой монастырь со своими СНИПами. У них свой особый путь, у нас свой особый.

Приземлились на бетонном плацу в/ч Кой-Сары, Рыжего барана. Поужинали с моряками в воинской столовке, где в 1956 году потчевали Хрущева. В том же году, после посещения Иссык-Куля, его и скинули. Несварение желудка. Может, всё было бы иначе, если бы он читал Томмазо Кампанеллу:

«У них не бывает ни подагры, ни хирагры, ни катаров, ни ишиаса, ни колик, ни вспучиваний, ни ветров, ибо все эти болезни происходят от истечения и вспучивания, а они телесными упражнениями разгоняют всякую влагу и ветры. Поэтому позорно быть замеченным в плевании и харканьи: они утверждают, что это признак или недостаточных упражнений, или нерадивости и лени, или опьянения и обжорства».

Константин
КАРАХАНИДИ

РАССКАЗЫ

Возвращение

Я не был на этой улице уже больше полувека. Когда-то она была улицей моего счастливого детства, где жили родители моей мамы – дедушка Анастас и бабушка Феодора. Небольшая улица, похожая на сотни подобных ей на окраине Фрунзе начала 60-х годов прошлого века.

Воспоминания о моем детстве начинаются с дедушкиного дома... Я знаю, что родился в роддоме около центральной церкви, но не знаю, куда меня принесли после роддома. Однако первые воспоминания детства начинаются именно с этого уютного и родного места, где мне было радостно и вольготно жить, где меня очень любили и иначе как Котиком – производное от полного имени Константин – не называли. Я действительно был похож на счастливого и озорного котенка, облаканного всеми.

Мой коллега по университетской работе купил дом и пригласил на новоселье.

– Улица Кантемировская, 77, я объясню, как проехать, – говорил он.

– Спасибо. Не надо. Мне очень хорошо известно, где это находится.

Я без малейшего труда нашел улицу и определил направление, куда следовало двигаться. Она, казалось бы, совсем не изменилась, моя родная улица, только стала намного меньше, чем казалась в детстве. Нет, внешне она выглядела

иначе. Исчезла живая, теплая, пыльная и бугристая, похожая на деревенскую, дорога, которую заменило ровное асфальтированное мертвое городское полотно. Появились новые кирпичные двухэтажные дома индивидуальной застройки и заборы, закрывающие частную жизнь от посторонних любопытных глаз случайных прохожих и соседей. Мне кажется, эти заборы были предназначены для защиты именно от соседей. Они заменили открытые палисадники с множеством цветов. Стало меньше деревьев, разрастающихся своими кронами над проезжей частью. Исчезли простые деревянные лавочки, на которых летними вечерами собирались все – от мала до велика. Своеобразная культура человеческого общения на лавочках, которая позднее, в период массового переселения в хрущевские многоэтажки, переросла в общение на кухнях. Темами для разговоров на этих маленьких кухнях становилось все, о чем прочитать в газетах и говорить в общественных местах было невозможно и даже опасно.

В то же время, несмотря на внешние изменения, я узнавал неуловимые родные черты, проступающие маленькими, незаметными для чужого глаза штришками. Происходило медленное узнавание отдельных домов, углов и глухих аппендиксов маленьких переулков.

Дом, в который я шел на новоселье, по иронии судьбы, граничил общей стеной с местом моих воспоминаний. Я очень хотел и боялся этих воспоминаний, способных заставить болеть сердце и в бессоннице ворочаться ночи напролет. Это старый дом моего детства...

Строить его начали в середине 50-х годов, когда дедушка после многолетней отсидки в северных лагерях, наконец, воссоединился со своей семьей. Этот период жизни – отдельная история нашей семьи, материализованная только в маленькой официальной справке о реабилитации гражданина такого-то, восстанавливающей его в правах гражданина.

Улица моего детства была сколком того драматического времени... На ней жили люди многих национальностей и народов: русские, украинцы, белорусы, узбеки, чеченцы, немцы, киргизы. Нашими соседями справа и слева были немцы, и я часто слышал, как прабабка Анна разговаривала со своими внуками на немецком языке. В самом конце глухого переулка

ка был дом семьи чеченцев. Все дети были рыжие и очень воинственные. Напротив, через дорогу, жила семья белорусов. Глава семьи дядя Николай служил церковным старостой при центральной церкви, его жена тетя Ксения носила косу на голове в виде короны, а их белобрысый и голубоглазый сын Сергей был моим ровесником и закадычным дружкойм. Валерка, по разговорам, был из казачьего рода откуда-то с Кубани. Горячие лепешки с запеченным луком я ел в доме друзей-узбеков, живших чуть ниже по улице, и когда они пекли их, вся улица знала об этом. Моя первая любовь жила чуть наискосок, и это было очень удобно для моих ухаживаний и бабушкиной опеки. Звали ее Ольга. У нее были черные круглые глазки и очень модная прическа под ноль, или под Котовского. Я гордо носил звание жениха, и на фотографиях тех лет крепко и по-хозяйски обнимал ее, отчего панамка грязно-белого цвета вечно сидела криво. Улица никого не принимала и не проводила по национальной принадлежности, каждый оценивался и взвешивался по личным качествам.

Зимними вечерами мы с дедушкой часто сидели на кухне, где топилась кирпичная, очень теплая, с двумя кругами железных колец для кастрюль на верхней столешнице, печка. Разрезав буханку серого плотного хлеба на ровные квадратики, разложив их на железных кружках печи, мы ждали. На кухне было темно и тепло, и только отблески огня из приоткрытой створки пробегали по стенам. Постепенно хлеб нагревался, и начинал разливаться животворный и одурманивающий запах. Дедушка брал кусочек масла и, положив на разогретый хлеб, разминал ножом тонким ровным слоем. Я начинал нетерпеливо поерзывать и поскуливать. Дождавшись, когда я дойду до высшей точки нетерпения, кусок хлеба с маслом подносился мне как высшая награда. Сам дедушка собирал оставшиеся корочки хлеба, размачивал их в воде и ел с белой брынзой. Брынза была мягкой и очень соленой. Ее продавали в магазинах большими белыми прямоугольниками, доставая из бочек с рассолом. Только спустя годы я понял, зачем размачивался хлеб. После долгой лагерной отсидки у дедушки почти совсем не осталось зубов.

Хлеб, а вернее мастерство печь его, по глубокому убеждению деда, спасло ему жизнь в период северного лагерного сидения. После того, как пришло в начале двадцатого века перебраться из Турции на другую сторону Черного моря – в Грузию, он овладел мастерством пекаря. Тяжелые мешки

с мукой и многочасовая работа с тестом сделали его очень сильным. По семейным преданиям, в свободное время он выступал в качестве борца в цирковых представлениях. Цирк тех времен невозможно было представить без выступления и соревнования борцов. На них делали ставки, и в случае выигрыша борцу платили неплохие деньги. Появились средства, и дедушка, по заведенной на Кавказе традиции, начинал ими сорить. Нанималось несколько дорогих фаэтонов, запряженных хорошими лошадьми, которые вереницей медленно ехали за ним по набережной и везли по отдельности его шляпу, пальто, трость, янтарные четки и прочие крупные и мелкие вещи. Это был особый шик молодой кавказской и черноморской молодежи. Такое непролетарское поведение молодого человека, а тем более, иностранного происхождения, вполне могло стать причиной для анонимного доноса бдительного соседа и навлечь неприятности.

Обосновавшись после реабилитации во Фрунзе, где родилась третья, младшая дочка, моя любимая тетя Виолетта, он пошел работать на хлебобулочный комбинат. На свете не было человека, которого так ждали бы вечером все дети нашей улицы. Ко времени возвращения дедушки с работы мы собирались около нашего дома и с нетерпением смотрели туда, откуда он должен был появиться. Родителями была определена пространственная черта, за которую выходить нам, детям, было запрещено. Вот-вот должна была появиться коренастая, чуть сутулая фигура с черной сумкой в руках – предметом наших ожиданий. Сумка была сделана из так называемой плотной негнущейся рогожки с латанными брезентовыми ручками. В ней постоянно можно было найти какие-то вкусности. Дедушка набирал и приносил их из кондитерского цеха хлебобулочного комбината. Это были дешевые фруктовые карамельки или ириски без оберток, ломаное печенье или цельный кусок мармелада «лимонные дольки», который бабушка делила на маленькие тонкие полукружья. Я становился центром вселенной и раздавал эти богатства, подобно персидскому падишаху. Дедушка ненавязчиво следил, чтобы никто не был обделен, сохраняя мой статус милостивого и справедливого. Порой в сумке можно было найти толстые рулончики конфетных оберток с изображением фруктов и ягод, золотого ключика, маленького мальчика с длинным носом или забавного котенка. Они были яркими и приятно, свежо хрустели. Каждому из нас доставался рулончик, а то и два. Мы брали его за один конец и быстро бежали по улице. Рулончики мед-

ленно разворачивались и начинали виться по ветру. Улица сразу расцветала яркими серпантинами красок и наполнялась многозвучием детских голосов.

Дедушка долго болел и умер от онкологии. Сколько меня ни уговаривали, я не смог подойти и попрощаться с ним в день похорон, хотя был уже довольно взрослым мальчиком. В моей памяти он остался живым. Теперь мы свои семейные походы на кладбище начинаем с его могилки. На памятном камне вставлена удачная фотография, где он всегда улыбается, то весело и задорно, то грустно и печально, в зависимости от того, какое бывает время года и погода. В один год сливовое дерево, которое неожиданно выросло около его могилы, покрылось огромным количеством маленьких коричневых жучков. Они толстым слоем облепили дерево до самой макушки. Нам, живым, было очень неприятно. Мы суетились и боялись притронуться к нему. А дедушка смеялся. В больших выразительных глазах было столько понимания и знания жизни, которыми ему хотелось бы поделиться с нами...

С бабушкой отношения складывались несколько иначе. Ее жизнь прошла не менее трагично, чем судьба дедушки. Порой я думаю, кому из них досталось больше невзгод. Она по рождению была гражданкой иностранного государства и имела греческий паспорт. Таких, как она, было довольно много в Советском Союзе. В тридцатые годы в Советский Союз пришли пароходы из-за границы, и все, кто имел такой паспорт, могли уехать в Грецию. Все ее родственники воспользовались моментом и уплыли на этих кораблях на историческую родину, но дедушка Анастас был уже арестован, и она осталась ждать мужа. Второго случая в ближайшие десятилетия попасть к родным для ее семьи больше не было.

Молодая и красивая, с двумя маленькими дочками, она колесила по Грузии в поисках пристанища. Она свято верила в бога и надеялась на себя. В один из дней, когда нечем было кормить детей, она уложила их спать и в отчаянии обратилась к господу о помощи. Молилась долго и благоговейно, а ночью раздался громкий стук в дверь. Было очень страшно. Кто-то незнакомый называл фамилию мужа и искал его жену и детей. Незнакомцем был дальний родственник деда Анастаса, живший высоко в горах, который, узнав о бедственном положении его семьи, привез продукты и деньги, собранные близкими. Бабушка Феодора потом говорила, что нисколько не сомневалась в божьей милости и провидении. Трудности сыпались на

нее как из рога изобилия. Пережив войну на Кавказе, уже в 49-ом она вместе с детьми в 24 часа была погружена в теплушки и выслана в Среднюю Азию. Взять с собой могла только детей и то, что можно было унести в руках. Она шила огромные мешки и складывала в них непросохшие после стирки вещи. Осталась мебель и все тяжелое, что невозможно было увезти. Потом они с бабушкой еще не раз, попадая на новое место, все начинали с нуля, постепенно вставая на ноги.

Бабушка была швейей, шила на заказ женскую одежду. На ней держался дом: она вела хозяйство, воспитывала детей... Дом всегда был полон людей. В праздничные дни собирались люди, порой не знающие друг друга, но которым всегда находилось место за столом. Все три дочери без зазрения совести приводили в дом шумные компании своих молодых друзей. Бабушка накрывала стол и совершенно искренне кормила всех. Особенно памятливыми были для меня дни, когда готовили традиционный кавказский хаш, густой суп из говяжьих ножек и ребрухи. Приготовление хаша требовало очень много времени и сил. Надо было долго чистить и варить ножки и ребруху. Мне тоже находилась работа, которая считалась очень важной. Надо было толочь чеснок с кусочками красного перца и соли, которые были обязательным ингредиентом супа. Ступка была старая, желтая, металлическая, с толстыми стенками и тяжелым пестиком. Колотил я неистово, создавая много шума, зарабатывая авторитет и уважение родных и гостей. Считалось, что я не зря ем свой хлеб и у меня есть определенный талант.

Для бабушки долгое время я был не первым, но самым любимым внуком. Мой старший двоюродный брат Вадим жил на другом конце города и редко приезжал в гости. Она воспитывала, одевала, кормила и очень часто спасала, когда отец приходил меня забирать. Родители снимали квартиру через улицу, но расставаться с бабушкой и бабушкой, хотя бы ненадолго, было смерти подобно. Я начинал заранее прятаться по всем потаённым местам. Отец искал меня, то обещая все, что я захочу, то угрожая и проклиная день моего появления на свет божий. Я ждал и, наученный горьким опытом, не верил. Рано или поздно расплата настигала меня.

Меня тащили по улице, как беглого чернокожего раба. Улица ждала хлеба и зрелищ и получала их в полной мере, не хуже, чем народ в Древнем Риме. «Ба-буш-ка!», – начинал заводить я свою пробную партию по слогам, наподобие героев знаменитого детского фильма о Буратино. Улица чинно и

основательно рассаживалась по местам. В партере, на лавочках – взрослые, а на галерке, на заборах, мои друзья и подружки. Можно было, как дедушка в молодости, зарабатывать деньги на борцовских соревнованиях. Соседи любили меня, но спорить с отцом, мужчиной крупным, с густой черной шевелюрой, выдающимся греческим носом и темпераментом, никто не хотел, и только бабушка бежала рядом и умоляла отца оставить ребенка. «К ба-буш-ке хо-чу!», – орал я, беря всё более высокие ноты. Звал я только бабушку, потому что дед из мужской солидарности признавал право отца на волевые решения. Борьба за свободу шла ожесточенная, все средства были хороши и приемлемы.

Отцу было неприятно привлекать внимание всей улицы, и здесь главным было выдержать психологический накал и натиск. Чаще всего побеждал я. Отец отдавал меня в руки бабушки и стремительно уходил. Он не был тираном или жестоким человеком. Став взрослым, отцом двоих сыновей, я стал более или менее понимать мотивы его поведения. Отец очень любил меня и хотел общения, но он не мог дать того, что способны были сделать бабушка и дедушка. Они позволяли крутить собой и разрешали делать все, что я захочу. Старики умеют ценить время, которое безвозвратно уходит, и сознают, что прелесть общения с детьми может уже никогда не повториться.

Меня уводили домой, и начиналась терапия моей поврежденной детской психики. Если травмы были незначительными, мне выдавали две-три конфетки или пирожок, и я быстро затихал. В случаях, когда битва была более ожесточенной и продолжительной, применялись более действенные средства. Готовился любимый гоголь-моголь. Вы скажете, что гоголь-моголь – это просто взбитые желтки с сахаром – и будете триста раз не правы! Хороший гоголь-моголь – это песня, полет фантазии и высокое мастерство! Его необходимо делать только вручную. Современные гаджеты его только убивают. Правда, в моем детстве их почти не было.

Бабушка доставала граненый двухсотграммовый стеклянный стакан, сверкающий идеальной чистотой. Это был не бокал или кружка, а именно стеклянный стакан. Постановывая от якобы перенесенных мучений, я внимательно следил за бабушкой одним глазом. Затем наставляла очередь двух куриных яичек. Они были большие и коричневые. Над ними трудилась небольшая стая наших домашних курочек во главе с серым

петухом. Высшим проявлением любви было, когда яйца приносили еще теплыми из курятника. Скорлупу разбивали на две половинки и начинали отделять желток от белка. Яркие оранжевые шарики желтков, попадая в стакан, преумножались в объеме его многочисленных граней. Тонкая струйка сахара белоснежной горкой оседала поверх желтков. Чайная ложка делала два пробных оборота и застывала. Я начинал постанывать. Бабушка не торопилась. Постепенно наращивая скорость, ложка билась о граненые стенки стакана, желтки смешивались с сахаром и приобретали светло-желтый оттенок. Завершающей стадией приготовления была проверка на плотность. Ложка должна была стоять вертикально. Получив стакан с восхитительным «лекарством» и кусок хлеба, я чувствовал себя здоровым во всех отношениях. Счастье бабушки было безграничным.

Но иногда я совершал маленькие детские предательства по отношению к этому святому для меня человеку. Бабушка была прекрасной швеей и имела широкую клиентуру среди женщин нашего района и за его пределами. Дом был наполнен модными журналами, бумажными выкройками, лоскутками материи и кусочками мела, который я с удовольствием грыз. Видимо, молодой растущий организм требовал кальция. Запах мела я люблю и по нынешнее время.

У бабушки на вороте ее одежды всегда были закреплены булавки и иголки, необходимые для работы. Обнимая и тиская постоянно крутящегося рядом любимчика, она невольно колола меня. Я стоически переносил эти мучения, потому что потом следовали извинения, порой материального характера. Но однажды укол был особенно чувствительным, а извинений, ни словесных, ни материальных, не последовало. Бабушка очень была занята очередной важной заказчицей. Боль в скором времени прошла, но обида осталась. Месть не заставила себя долго ждать.

Спал я обычно в бабушкиной постели, на своем месте у стенки. Бабушка совершала ежевечернюю молитву. В спальне, справа в верхнем углу, располагался киот – полочка с иконой, лампадкой и свечой в светильнике. Мерно текла молитва на греческом языке. После беседы с Богом приближалась последняя фаза нашего общения: бабушка рассказывала сказки или поучительные истории перед сном. Зачастую они заканчивались бабушкиной коронной фразой: «Ты повзрослеешь, станешь большим, у тебя будет своя семья. Я стану старой и

больной, потом умру, и меня закопают в землю». Тут по сюжету мне полагалось широко раскрыть глаза, крепко обнять ее и сказать с высокой долей чувствительности: «Нет, я тебя выкопаю, открою глаза, поцелую и ты оживешь». Моя партнерша по вечернему спектаклю была полностью удовлетворена, и мы спокойно засыпали с чувством выполненного долга. Но в этот вечер все пошло как-то не так, как ожидала бабушка. Произнеся хорошо знакомый текст, старая актриса вдруг услышала: «Ты не переживай, на твоих похоронах я буду играть на барабане». Бабушка застыла. Новый поворот сюжета, безусловно, её поразил, но не менее интересным был выбор музыкального инструмента из похоронного оркестра. Отомстив таким образом, я мгновенно заснул сном праведника. К чести бабушки, утром всем родным, соседкам и своим клиентам она представила данную историю в комическом свете. Мир был восстановлен, а я отомщен.

Родители, как молодые специалисты, имеющие двух детей, получили государственную квартиру, и мы поехали осваивать новые земли микрорайонов города Фрунзе. Там у меня появилось много новых друзей, я пошел в школу, и связь с родной улицей, домом, старыми друзьями начала разрываться. Тот год вообще для нашей семьи считался очень удачным. Родился младший братишка Дима, мы стали обладателями дачного участка в одном из лучших мест Ала-Арчинского ущелья, и в завершение всего выиграли в лотерею холодильник со звучным названием «Мир».

Младшая тетя Виолетта вышла замуж и уехала в другой город, где вскоре появился ещё один двоюродный братишка. Бабушка уехала помогать ей в ведении хозяйства и воспитании. Благо имя ему дали такое же, как у меня, и ей не пришлось перестраиваться. В начале девяностых, когда вся страна Советов перестраивалась и двигалась в неизвестном направлении, бабушка все-таки уехала в Грецию с семьей младшей дочери. Обрела ли она там свое счастье? Не знаю...

Поздравив новосела и отдав должное его столу и гостеприимству, я засобиравшись домой раньше, чем остальные гости. Мне так хотелось постоять перед дедушкиным домом, а если посчастливится, то и попасть в него. Очередные хозяева в дом меня не пустили, сказав, что его уже несколько раз пе-

рестраивали и смотреть не на что. Может, они были и правы. Там была другая жизнь, другие люди, другая мебель и атмосфера. Мне совсем не было места в этом доме сегодня...

Я шел по улице моего детства. День, перевалив на вторую половину, уверенно приближался к вечеру. Окажусь ли я еще раз на улице моего детства, я не знал, но мои воспоминания всегда будут со мной. Вспомнилось вдруг Шпаликовское:

По несчастью или к счастью,

Истина проста:

Никогда не возвращайся

В прежние места.

Даже если пепелище

Выглядит вполне,

Не найти того, что ищем,

Ни тебе, ни мне.

Путешествие в обратно

Я бы запретил,

Я прошу тебя, как брата,

Душу не мути.

А не то рвану по следу —

Кто меня вернет? —

И на валенках уеду

В сорок пятый год.

В сорок пятом угадаю,

Там, где — боже мой! —

Будет мама молодая

И отец живой.

Строки стихотворения задавали ритм моим шагам, уводящим меня от улицы моего детства, где было тепло и вольготно, где мама была ещё молодая и отец сильным и живой.

Дедушка Георгий

С дедом Георгием я постоянно находился в состоянии тяжелой «войны». Он был дедом по отцовской линии. В его обязанности входило следить за мной, пока родителей не было дома, и не позволять делать то, что я позволял себе в доме бабушки Феодоры. Дед Георгий нарушал один из основных принципов педагогического воспитания, существовавший на Кавказе и в Средней Азии: «Ребенок может делать все, что он

хочет, до определенного возраста, и только потом происходит полноценный процесс его воспитания взрослыми и наставниками». По всей видимости, у нас были разные представления в определении возрастного рубежа.

Излюбленным местом его времяпрепровождения была лавочка перед подъездом или окно кухни. В одной руке неизменный мундштук с дешевой и очень невкусно пахнущей сигареткой, а в другой – традиционные четки черноморского фасона из оливковых косточек, нанизанных на крепкую толстую леску. Дедушка методично перебирал их своими длинными пальцами левой руки и молчал. У дедушки были удивительно красивые руки, и даже дешевая сигаретка выглядела как-то особенно благородно. Я не помню его многоговорящим, произносящим какие-либо речи или наставления. Даже наша «война» была какой-то немногословной и чаще всего заключалась в действиях – «преступления» и «наказания».

Первым моим преступлением в новой квартире был поджог. Согласно древнему изречению: человек может получать наивысшее наслаждение, бесконечно наблюдая за тремя вещами: горением огня, течением воды и работой других людей. Как работают родители, я видел каждый день. С течением воды тоже проблем не было, она мерно текла из крана на кухне или в ванной комнате. Огонь же был под запретом. Однако запретное – самое влекущее...

Я зажигал в спальне родителей спички и смотрел, как они постепенно превращаются в маленькие черные палочки. Неожиданно огонь перекинулся на занавески и начал перебегать все выше и выше. От испуга я забился в щель между пианино и шкафом. Огонь демонстрировал передо мной все свои возможности, но наблюдение за ним не доставляло мне особого удовольствия. Дедушка, почувствовав запах дыма, прибежал и начал голыми руками срывать горящие шторы. Сильно пострадавшие в огне руки были перебинтованы, поэтому возмездие пришло намного позже, и было не очень строгим.

Дедушка постоянно жил с нами. За свою жизнь я помню только два случая, когда были попытки уйти из семьи. В Москве жил его младший сын Николай. В молодости, уехав учиться из родного сухумского дома в Москву, он накрепко осел в столице, где женился, обзавелся детьми, квартирой и дачей. Женой его была тетя Анна, родом откуда-то с Кубани, в общем, как мы считали, казачьего рода. Женщина очень решительная и властная, обладавшая ярко выраженными лидерскими

качествами. Она была довольно высокой, статной, с гладкой и белой кожей. Дядя Коля был человеком мягким. Однажды дедушка решил, что поедет на месяц погостить к младшему сыну, а там, может, задержится и подольше. Собирали его в дорогу основательно. Мама заполняла чемодан майками, рубашками и прочей мужской амуницией. Входным билетом в семью младшего сына должны были служить многочисленные подарки и гостинцы для столичной родни...

Прошла неделя, и рано утром в дверь нашей квартиры кто-то позвонил. На пороге стоял неуверенно улыбающийся дедушка со своим потертым коричневым чемоданом, какого-то сиротливого вида. Поразительно было видеть дедушку неуверенным и сконфуженно улыбающимся. Входных билетов в нашу семью в виде подарков из Москвы не было видно. Дедушка напоминал персонаж картина Ильи Репина «Не ждали»... «Я не смог там долго жить. Здесь у меня все свое: комната, кровать, вещи. Мне не разрешали курить. Там воздух другой, вода невкусная и плохо пахнет, представляете, ее очищать надо, бабки противные!» – жаловался дед, озвучивая сразу весь список претензий и неудобств. Он был особенно красноречив, чего ранее за ним не наблюдалось. Конечно, основную причину такого быстрого отъезда, очень похожего на бегство, ему рассказывать не хотелось, и он уводил разговор в сторону. Папа с мамой ехидно переглядывались. Они прекрасно знали властный характер младшей невестки и склонность к неприятию всяких авторитетов и восточных этикетов.

Мама сориентировалась мгновенно. Дедушку она понимала с полуслова.

– Папа, что вы встали! Проходите! Будем завтракать.

– Хочу жить с тобой. Нет, – поправился он, – с вами!

Мама. Моя бедная мама. Ей было приятно желание дедушки жить с нами, но маленькое послабление, дарованное ей судьбой, так быстро закончилось. В семье было четверо мужчин, и она одна.

Он был из небогатой семьи, не имел образования, но удачно женился. Бабушка София была из благополучной купеческой семьи, которая торговала зерном и мукой по всему побережью Черного моря. Где-то у Улицкой я прочитал фразу, что «люди, торговавшие зерном и мукой, бедными быть не могли». По всей видимости, дед очень хорошо владел искусством обольщения и был покорителем женских сердец.

Мама тщательно следила за дедушкой, и многие, не знав-

шие нашей семьи, считали именно ее любящей и заботливой дочкой. Всегда чисто одетый, подстриженный и побритый, постарчески сухой и стройный, дед Георгий, с его особым разрезом глаз, напоминал породистого представителя отряда кошачьих. Нет, не крупных, льва или тигра, а очень легкого и элегантного леопарда или барса.

Вокруг постоянно вились соседские старушки, которых он, имея кое-какой предыдущий горький опыт, снисходительно одаривал своим вниманием, и изредка вступал в разговор. Мама с удовольствием вспоминает историю его второй женитьбы.

Дед Георгий довольно рано овдовел. Однажды, поддавшись чарам одной из многочисленных воздыхательниц, пришел к маме за советом. Отца он боялся за крутой нрав и категоричность в этом вопросе: «Если ты уйдешь, – говорил отец, – то уйдешь навсегда. Назад дороги не будет».

– София, я тут подумал и решил попробовать пожить с одной женщиной, – начал он неуверенно свою разведку. – У нее свой дом, земля. Да и тебе будет легче, все-таки в семье четверо мужчин, а их надо кормить, одевать, обстирывать. Поговори с Савелием.

Мама прекрасно понимала, что ожидает её вечером. Свекор, как всегда, бросал ее под танк сыновнего гнева.

– Я попробую его уговорить. Если ты думаешь, что так будет лучше.

Вечером отец бушевал и проклинал всех подряд.

– Стыдно сказать, старый человек и бегаёт как мальчишка. Как я буду смотреть в глаза твоим родственникам и соседям? В доме дети, и какой будет им пример?

Нам с братом такой поворот в жизни дедушки был не очень-то важен, но папа был убедителен в своем эмоциональном напоре.

– Пусть идет, если нас ему мало!

Собрав вещи, дедушка на время исчез из нашего дома. До нас доходили слухи о его житье-бытье. Новая пассия дедушки Георгия была женщиной простой и весьма практичной. Она считала, что в дом приходят мужские руки, которые будут копать землю, строить, прибивать гвозди и делать все, что положено делать мужчине. Мечтала-то она, но дедушка так не думал. Все ожидания и иллюзии новой подруги жизни он разрушил на корню и сразу. Ему хотелось быть чисто одетым, побритым, спокойно сидеть на лавочке перед домом, осматри-

вая все, что происходит вокруг, и курить свои дешевые сигаретки без фильтра, а пальцами левой руки мерно перебирать оливковые косточки четок.

Стратегические планы жизни двух пожилых людей кардинально не совпадали. Мама прекрасно понимала, что рано или поздно дедушка Георгий снова появится на пороге нашей съемной квартиры, и мужчин в семье по-прежнему будет четверо. И день этот, спустя две недели, настал.

Он стоял недалеко от нашего дома и явно не хотел, чтобы его, не дай бог, увидел отец или соседи.

– София, я не знаю, что эта женщина хочет от меня, – растерянно начал он. – Она говорит мне: «Копай огород, почини стул, сделай то, сделай это», – голос его начал набирать обороты, и сразу явно прорезался акцент.

Мама внимательно слушала.

– Я мужчина, а не слуга и рабочий. Ты же знаешь, у нас так не принято. Поговори с Савелием. Я хочу вернуться к вам, – неуверенно прозвучала просьба.

– Я попробую его уговорить. Если ты думаешь, что так будет лучше, но это будет очень нелегко. – Недавно эти слова звучали совсем в другом контексте.

Вечером за ужином мама начала операцию по возвращению свекра в семью. Первоначально надо было накормить мужа и дожидаться, когда он расслабится.

– Сегодня видела отца.

Папа не реагировал или упорно делал вид, что не слышит.

– Что ты сказала? – Как будто бы очнулся он.

– Я говорю, что видела отца. Похудел. Выглядит устало. И представляешь, говорит, что ему там плохо, она его мучает, и он плохо себя чувствует.

Она искоса поглядывала на реакцию отца. Тот отбил мяч.

– А мне какое дело? Он сам взрослый человек, и я его из дома не выгонял.

– Я так ему и сказала. И еще повторила твои слова о том, как мы будем смотреть в глаза родственникам.

Папа от неожиданности поперхнулся чаем и удивленно посмотрел на жену.

– Действительно, дома дети, два мальчика, для которых дедушка должен быть примером. Костя уже большой и все понимает.

Голос мамы наполняли гневные и обличительные нотки.

Мама любила театр и была прирожденной актрисой. Сегодня был ее день.

– Если он вернется – вот будет радость для соседей, обмоят нам все косточки, будут пальцем показывать. Допустить его возвращения нельзя. «У нее свой дом, земля. Тебе будет легче», – передразнила она интонации оболваненного дедушки Георгия.

Обычно чуть желтоватый цвет отцовского лица начал приобретать бледно-желтушный оттенок смертельно болезненного лимона, что было явным признаком его волнения и беспокойства.

– Все, решено. Завтра зайду и скажу, что мы против. А то, мне «плохо, я не сплю, возьмите назад». Решено! – Она стремительно встала из-за стола.

Губы отца предательски задрожали, и он неожиданно заплакал.

– Как же так? Это мой отец, и ему очень плохо. Мы не можем вот так его бросить. Он ошибся. Я прошу, сходи и приведи его назад.

– Ты хорошо подумал? Потом опять будешь меня во всем винить, – мама едва прикрито смеялась.

– Нет, нет! Сегодня забери домой от этой ужасной женщины.

Мир был восстановлен, и мы вновь обрели дедушку.

Летом, когда мы были на даче, ночью приехали родственники и сказали, что дед Георгий в реанимации. Спустя несколько дней он умер, но, говорят, и в эти несколько дней, проведённых в больнице, дедушка строил глазки медсестрам.

Это была первая потеря в нашей семье, когда я столкнулся так близко со смертью родных...

Спустя какое-то время на пороге нашей квартиры появилась женщина с ярко выраженной южной внешностью, живущая где-то по соседству. Лицом она старалась выразить скорбь, соответствующую моменту.

– Вы знаете, я разделяю ваше горе и соболезную об утрате уважаемого Георгия.

Манера говорить полностью соответствовала виду непростенной гостьи...

Мама внимательно слушала, и следующая фраза повергла её в шоковое состояние.

– Тем более, что мы не чужие друг другу люди.

По глазам было видно, что мама лихорадочно пытается вспомнить, каким боком эта женщина приходится нам родственницей.

– Я часто бывала в вашем доме. Уважаемый Георгий часто приглашал меня в гости. Вы, конечно, как женщина меня понимаете.

Она мечтательно закатила глаза, а голос приобрел бархатистость. Теперь уже я начинал понимать, что дедуля где-то нашкодил, и наострил свои уши.

– Мы с ним пили чай, обедали. Вы очень хорошо варите. Особенно мне нравились ваши котлетки. Как вы их готовите, поделитесь рецептом.

Становилось непонятно, пришла она выразить соболезнование или выведать рецепты особенно понравившихся ей блюд.

До мамы постепенно начал доходить смысл этого небольшого монолога. Наконец-то стало понятно, куда уходила такая прорва продуктов и приготовленных обедов. Мама не исключала возможности, что это была не одна дедушкина пассива и удалецкая шалость, а гуманитарная помощь оказывалась неоднократно.

– Иди погуляй, нечего взрослые разговоры слушать, – вы проводила меня мама.

Отцу рассказывать о последнем привете мама не решилась и, по-моему, правильно сделала. Дедушки Георгия уже не было с нами, а сюрпризы продолжали приходиться от него. Старшего сына мы назвали в честь деда Георгием.

Велосипед

– Твой младший братишка умнее тебя! – кричал мне мой закадычный дружок Шах, подбивая меня на очередную авантюру. – Он рисует, поет, пишет стихи, учится на одни «пятерки».

Его полное имя было Шахтыбек, но во дворе его звали либо Сашка, на русский манер, или Шах, так было короче и благородней.

Он говорил мне о вещах, которые я сам хорошо знал, и они не вызывали сомнений.

– Он даже на велосипеде умеет кататься, в отличие от тебя толстозадого, – продолжал он, провоцируя меня на «ве-

ликий подвиг», который он задумал, а я, как более разумный, подвергал его анализу и сомнению.

Я был старше на год, но в нем всегда было столько энергии и жажды действия, что мои мозги порой закипали от поисков аргументов в пользу того, чтобы сказать «нет».

Потом, когда афера раскрывалась и начинался суд, меня всегда ругали как старшего и считали зачинщиком.

– Нам надо научиться курить, – однажды заявил он.

– С фига ли, – тут же набылчился я.

– Ходим, как фуцины какие-то. Перед старшаками неудобно. Сходи, у деда стрельни сигаретку.

– Потом вонять будем, родители выкупят, – резонно заметил я.

Дед мой был заядлым курильщиком. Каждое утро мы просыпались от его надсадного кашля. Правда, курить ему разрешалось на улице или на кухне при открытом окне. Курил он простые сигареты без фильтра, «Памир» или «Астру» в красной пачке. Сигареты дед держал в железном портсигаре и курил их через мундштук. Дед Георгий в молодости был красавец, всегда благодаря маме чисто и аккуратно одетый, он сидел на лавочке перед домом с неизменной сигареткой в руках. Бабки в округе от него млели и слетались на ежедневные посиделки.

Шах тянул из меня душу. Добыть сигаретку было довольно трудно. Дед портсигар держал постоянно при себе. Пришлось ждать и следить.

– Давай, ты первый, потому что старший и толстый, – сказал изворотливый маленький провокатор.

От первой затяжки мне стало очень плохо, дым в легких не позволял дышать и с кашлем рвался наружу, слезы хлынули из глаз...

– Даже этого сделать нормально не можешь! Смотри. – Он смело взял на треть истлевшую сигаретку и начал затягиваться. Мне показалось, что он стал надуваться, как Пятачок из мультфильма «Винни-пух».

Вечером он с мамой стоял перед дверью нашей квартиры.

– Ваш сын заставил моего курить. Он постоянно учит его чему-нибудь плохому. Им надо запретить встречаться и дружить, – заявила тетя Шарипа.

Педагог по образованию, она работала в каком-то педагогическом журнале, и потому говорила очень уверенно и

громко. В дом заходить она категорически отказалась, и весь подъезд с интересом слушал о наших очередных «подвигах».

– От моего не пахнет табаком, – попыталась оправдаться мама, невольно принохиваясь ко мне.

– Ты курил?! – обратилась она ко мне. Я с искренностью в голосе сказал, что запах сигарет, наверное, от деда, потому что сидел рядом с ним на улице.

– Этот мальчик очень хитрый, – сказала тетя Шарипа высунувшейся из своей квартиры соседке.

Неделю мы сторонились друг друга. Потом в суете будней родители забыли о нас, и мы опять были не разлей вода. Тем временем у Шаха возникла новая идея.

– Мне нельзя идти на эту контрольную. Она министерская и повлияет на общую оценку. Надо срочно заболеть. Я все продумал. Сейчас пойдем и искупаемся в канале, вода холодная, и мы заболеем.

Была зима. Канал, проходивший прямо за нашим домом в микрорайоне, был затянут прозрачным и довольно плотным слоем льда. Было видно, как вода стремительно течёт, постукивая оторвавшимися ледышками. Никакая болезнь не могла исправить мои оценки, они с удивительным постоянством обитали в моем дневнике на одном и том же среднем уровне. В семье даже была шутка, которую папа постоянно повторял: я в школу хожу с двумя подушками. На одну голову кладу, другой прикрываюсь, чтобы не было так больно слышать, когда меня ругают за тебя. Папа, конечно, преувеличивал. В школе он был всего лишь раз. После этого посещения очень спокойная и милая классная руководительница Тамара Михайловна попросила маму его больше в школу не пускать. Подозревали, что папа устроил скандал в школе специально для отмазки от школьных собраний. Классное собрание обычно продолжалось дома и переходило в представление на тему: «Папа, мама, я – рабочая семья». Мне начинали выбирать рабочую профессию. Выбор был невелик: штукатур, кафельщик, рубщик мяса, грузчик, массажист. Как они мне могли предлагать такие профессии, если прекрасно знали, что руками я делаю всё ещё хуже, чем учусь? Не понимаю.

– Оценки по барабану, – было первым, что пришло мне на ум.

Во-вторых, я знал и другой способ заболеть, и он был намного эффективнее и приятнее для меня: купить много мороженого и съесть его за раз.

– Кретин, у нас денег нет, а заболеть нужно срочно к завтрашнему дню. Только о животе и думаешь.

Ну, как мне было о нем не думать, если он был всегда рядом – круглый, теплый и родной.

– Ты друг или не друг?

Наши споры всегда заканчивались одной и той же убийственной фразой.

– Идем или всем расскажу, как ты учился ездить на велосипеде. Всем в школе расскажу, и особенно девочкам. Так распишу, мало не покажется.

Это был удар под дых. Мнение девочек для меня было очень важно, а тут такой конфуз.

История эта была давняя. Мои родители постоянно беспокоились из-за моего излишнего веса. Когда мне было года три или четыре, я заболел дизентерией. От меня остался один скелет. Есть даже фотографии, где я сижу на руках у мамы. Она, молодая, цветущая и очень красивая, держит на руках меня с тонкой шейкой, ручками и ножками, а на лице видны только большие глаза. Контраст настолько сильный, что невольно испытываешь чувство страха за себя любимого. Кто-то из лечащих врачей или врагов нашей семьи посоветовал родителям для поддержания моих сил кормить меня икрой. Нет, не кабачковой, не баклажанной и даже не красной, а именно черной.

Враги семьи, потому что папа был молодым сотрудником академии наук, а мама вообще студенткой. Денег в семье постоянно не хватало, а тут самая дорогая икра, черная. Они купали ее и с регулярным постоянством впихивали в меня. В доме даже появилась небольшая стеклянная посудинка, сделанная в форме ракушки с плотно закрывающейся крышечкой.

Я быстро поправился и стал похожим на сытых советских детей начинающегося благополучного поколения времен застоя. Но, видно, съеденные мною в невероятном количестве детки осетровых рыб решили отомстить мне за своё не случившееся детство и бесславную смерть в моем желудке. Я начал невероятно быстро набирать вес. Теперь в нашей семье началась борьба с излишками. Родители ходили на красноармейцев продотрядов гражданской войны, когда каждый кусок хлеба, а особенно с маслом и, о ужас, с сахаром, изымался и карался по законам революционного времени.

Меня заставляли бегать вокруг дома, контролируя весь процесс, иначе я начинал сачковать, водили на плаванье в

бассейн «Дельфин», прилагались все усилия, чтобы я больше двигался. После физических нагрузок надо было внимательно следить, чтобы я не сожрал в два раза больше калорий, чем потратил. Борьба шла на уровне партизанской войны, когда все методы были хороши. Процветало наушничество и доноительство. Павлик Морозов кипел в крови каждого родного мне человека.

Кому пришла в голову идея посадить меня на велосипед, неизвестно. В то время популярными были передвижные цирки-шапито, где коронным номером было выступление дрессированных медведей на велосипедах. Медведи были большие, но очень ловкие и детям очень нравились. В семье появился велосипед «орленок» или «школьник». Сначала меня возили по двору, где папа поддерживал велосипед, а мои друзья и подружки бежали рядом.

Детей собиралось невероятное количество. В микрорайоне, в котором я жил почти с самого его основания, постоянно что-либо происходило. Первым об этом узнавали мы, дети буближников и огромных свободных земель. Микрорайон быстро застраивался. Появлялись школа, магазин, почта, детские сады, прачечная – всё это превращало некогда необжитое место в окультуренный фрунзенский микрорайон. Ребятам надо было везде поспеть и не пропустить интересных событий.

Бесплатное цирковое представление с дрессированным толстым мальчиком на велосипеде посмотреть хотели все. Поддерживаемый крепкой отцовской рукой, восторгом зрителей и огромным желанием жить, я медленно катил по дорожкам возле дома, вилляя из стороны в сторону. Прошла неделя. Особых успехов не наблюдалось. Мне казалось несправедливым то, что медведям после удачно проделанного номера давали кусочек сахара или что-то вкусное, а мне ничего... Было принято решение радикально ускорить процесс обучения.

Рядом с домом проходила небольшая дорога, которая шла под уклон вглубь микрорайона. По идее экспериментаторов проекта меня с велосипедом необходимо было пустить вниз и ждать результата – либо убьюсь или покалечусь, или выживу и научусь кататься. Я отбивался, как мог, но желание толпы было сильнее. Меня затащили и дружно выпустили как шар в боулинге. Я мог бы быть космонавтом, ну хотя бы на уровне своего микрорайона. Спасением был не парашют или специальная капсула, а только крепкая отцовская рука. Я вы-

жил, но кататься не научился. Велосипед был заброшен и продолжил свою жизнь в гараже.

– Да пофиг, рассказывай, и так все знают, – перешел я от защиты к нападению. – Отстань, а то пойду и сам расскажу, как ты заболел.

Мы были друзья и точно знали, что не сделаем друг другу ничего плохого. Шах немного покупался в холодной воде, а я стоял и орал с ним вместе от страха и озноба до мелких мурашек, пробегающих по коже. Но заболеть ему так и не удалось, как и мне научиться кататься на велосипеде.

Я всегда буду с тобой

Посвящается родителям

– Савелию и Софье!

С сыновьим почтением и любовью...

– Ты когда собираешься приехать? – слышу я в телефонную трубку мамин голос. – Я очень тебя жду, нам надо многое обсудить.

Мама говорит, напрягая голос, делая большие паузы между словами. Я знаю, что ей очень трудно после всех химий, уколов, операций. Все хвори, которые так долго в ней сидели и на которые она старалась не обращать внимания, вдруг неожиданно дали о себе знать после переезда с братом и его семьей на так называемую историческую родину. Все ведающие люди сразу сказали, что это от смены климата, воды, воздуха, качества еды. Но мы точно знали, что это родовая напасть нашей семьи. Бабушка, мамыны сестры пережили что-то подобное, и сегодня мама одна продолжала нести этот тяжелый крест.

Наши телефонные разговоры продолжались довольно долго. Они нужны были, в первую очередь, для нее, отвлекали от болезни и боли.

– Как там дети, работа, Марина? – она выстреливает обычный набор вопросов, объединяя в один общий узел всех объектов своей заинтересованности.

– Вчера были на даче, хорошо отдохнули, – рапортую я.

– Всей семьей ездили? Что будет в этом году из фруктов?

– Весной были заморозки. Есть немного яблок и груш, а слив и абрикосов совсем нет.

– А смородина? Ты помнишь, в углу, мы сажали черную смородину, которую привозила папина сотрудница Тамара с Иссык-Куля. Такая крупная была.

– Мама, со смородиной все нормально. Разрослась.

Сказать, что смородина давно высохла и ее уже нет, значит, расстроить маму. Дача для нее – что-то особое, связанное с лучшими днями ее жизни. Родители получили стандартный земельный участок в дачном кооперативе «Наука», в нём состояли в основном сотрудники Академии наук, в удачном для семьи 1966 году.

– Папа всегда ее удобрял и бросал остатки золы от костра вокруг. Ты не забудь, – голос мамы возвращает меня из воспоминаний.

– Да, мама, дети собирают золу и посыпают смородину, – пытаюсь убедительно соврать. Прошло столько лет, но мне все время кажется, что мама может по малейшей интонации моего голоса понять, где я начинаю говорить неправду, мягко определяя вранье как фантазию.

Мама всегда была со мной рядом. Родила меня она очень рано, когда была студенткой мединститута, семимесячным, и потому всю оставшуюся жизнь дрожала надо мной и старалась не выпускать из области своего внимания. Делать это было довольно трудно, так как в семье было еще трое мужчин, и каждый хотел быть первым. Папа по праву главного мужчины в ее жизни, дедушка, как отец подаренного ей богом и им мужа, брат, как самый маленький в семье. Кроме того, были ещё многочисленные родственники и друзья.

Мама все время жила с чувством, что она всем и всегда что-то обязана сделать, достать, принести, и это принималось как должное. Она любила бабушкин девиз: «Нет слова не могу, есть слово не хочу». Так и прожила с ним всю жизнь.

Они были идеальной семейной парой. По крайней мере, родственники, друзья и все, кто хоть мало-мальски знал моих родителей, так считали. Разница в возрасте составляла почти двенадцать лет. Где бы они ни появлялись, папа выбирал место поспокойнее, а мама бросалась в гущу событий. Она танцевала, пела, строила глазки, хохотала, помогала накрывать на стол и делала это одновременно, создавая бурление жизни. Папа гордо и спокойно смотрел на нее, ощущая себя обладателем драгоценности, принадлежавшей только ему.

– Мам, как ты себя чувствуешь? Каковы результаты анализов? Может, прислать что-нибудь наше, вкусное, – беру инициативу в разговоре в свои руки.

– Нет, ничего не надо, я мало ем, во всем ограничения. Как твое здоровье, глаза не болят?

С самого детства я носил очки, которые стали культовым атрибутом в нашей семье. Очкам поклонялись и перед ними благоговели. У меня был врожденный астигматизм, и потому стекла требовались какие-то особо сложные. С оправой тоже было не легче. День, когда я в очередной раз приносил домой обломки того, что недавно называлось очками, становился днём печали и скорби. Очки можно было заказать в неведомом месте под названием Боровое. Мама писала письма, вела переговоры, и мне присылали очередную партию этого очень важного предмета.

В один из годов мама неведомыми путями выбила направление на обследование в знаменитую на весь Советский Союз глазную клинику им. Филатова в Одессе. Времени и денег у нас было впритык... Запомнилось немного: общая панораму одесского порта с высоты полета самолета, маленькие кораблики, бесцветное зимнее море. Первые часы в городе пронесли стремительно – гостиница, запись на консультации, знакомство со специалистом и первые звоночки наступающего голода. Мы забежали в первый попавшийся небольшой продуктовый магазинчик рядом с клиникой. Дома, во Фрунзе, как и во многих советских семьях, были определенные недостатки в обеспечении продуктами. Прилавки одесского магазина ошеломили. Мне сразу захотелось остаться здесь жить. Нет, не в Одессе, а именно в этом магазине. Занять место у порожка и тихо, незаметно проживать всю оставшуюся жизнь. Было тепло, светло, и полные витрины колбасы и мясных деликатесов. Я, как ребенок советской страны, благополучие и благосостояние жизни воспринимал только через наличие колбасы, и чем больше ее видов, тем сильнее было ощущение счастья. Такого количества сортов колбасы я до того дня не видел. Открывали парад кругляши краковской, полтавской и чесночной, лежавшие, свернувшись, толстыми и аппетитными пончиками. Потом шли стройные палочки украинской, киевской, особой, московской, сервелата, саялями. Порезанные под углом, они, каждая по-своему, кто откровенно напоказ, кто

эротично-сдержанно, кто скромно и целомудренно, предлагали себя покупателю. Докторская, столичная, любительская, ветчинно-рубленая были дородными и неповоротливыми в своем обилии и постоянной готовности высколотить из натуральной оболочки. На горизонте возвышались холмы мясных деликатесов – ветчина, корейка, буженина, сальтисон и другие сводящие с ума копчености. Я был убежден, что это был первый тест на проверку для людей с проблемами зрения. К ним можно было смело присоединять и тех, у кого наблюдались недостатки и с обонянием. Воздух можно было резать ножом и есть ложками...

В школе мама слезно просила преподавателей не загружать меня работой, требующей особой напряженности зрения. Преподаватели шли навстречу. Особенно доставалось преподавателю рисования и черчения с удивительной фамилией Буденный. То есть, сама фамилия преподавателя недоумения не вызывала, но у него был сильно выраженный грузинский акцент и имя Вахтанг.

– У мальчика вся жизнь впереди, ещё столько надо учить, он старается, но черчение – это так сложно, все эти линии, схемы, сантиметры–миллиметры, – проникновенно говорила мама, подстраиваясь под манеру разговора, так хорошо ей знакомую с детства. Родилась она в Грузии, на берегу Черного моря, и грузин Буденный, судя по акценту, не так давно покинул эти края. Она взывала к его человеколюбию, отцовско-сыновним чувствам, уважению к ее статусу молодой и красивой женщины. Буденный держался не очень долго. Кавалерийские наскоки мамы отражать ему было очень сложно.

– Хорошо, поставлю я ему «четверку». Изменится от этого что-нибудь в этом мире? Да ничего подобного.

– Вот именно, – ликовала мама от ощущения приближающейся победы. – Маленькую «четверочку». Вы благородный человек.

– Поставлю я ему «четверку» за год, – убеждал самого себя герой педагогического фронта. – Но, уважаемая София, скажите, я не пойму, почему рисовать и чертить ему для глаз вредно, а читать в неудобном скрюченном положении книги под партой не вредно?

Мама смущенно замолкала и предоставляла возможность Буденному, как мужчине и педагогу, самому находить ответы на такие сложные жизненные вопросы.

Второе крупное путешествие мы с мамой совершили через год или два. Надо было срочно решать вопрос с моей излишней полнотой. Местные врачи, которых мы обошли, определенно сказать ничего не могли, и меня решили везти в Москву. Опять была долгая переписка с московскими врачами, длительные переговоры, и, наконец, мы поехали в Москву.

В Москве мы решили задержаться подольше, так как здесь были родственники, и мама наметила большую культурно-познавательную программу.

– До обеда по врачам, а после... – мама таинственно понизила голос, – мы с тобой пойдем в музеи, на выставки и на Бородинскую панораму. – Так я впервые услышал это проклятое словосочетание – Бородинская панорама, ставшее для меня ужасом ночи и дня. Что у мамы было связано с этим местом, я не знаю, но она с вождением произносила: «Бородинская панорама», и приберегала посещение её напоследок.

Обследования были завершены, анализы и рекомендации получены, подарки для многочисленной родни закуплены, оставалась панорама. Мама тащила меня, пытаюсь принорваться к московскому темпу жизни.

– Бородинская панорама – это чудо. Потом на уроках истории будешь рассказывать, когда придет время изучать войну 1812 года, – чуть задыхаясь от быстрого полубега, шептала она.

– В учебнике найду, – недовольно бурчал я, упираясь. – Мне значки и марки посмотреть надо. За столько времени ни одного значка не купили. Я пацанам обещал. Не хочу я на эту Бородинскую панораму.

Увидев ближайший киоск Союзпечати, я рванул к нему и прилип к мутному стеклу витрины, не скрывавшему от меня волшебного мира значков и почтовых марок. В маленьких прозрачных пакетиках висели по сериям марки: космонавты, птицы и животные, писатели, автомобили, самолеты. На мягкой черной подушечке были разложены значки. Значки особенно ценились и собирались мальчишками нашего двора.

Глаза мои сразу остановились на одном из них. Круглый диск закрывал прозрачный пластик, за которым прятался хоккейный вратарь сборной СССР. Маска, щитки, вратарская клюшка и форма с номером 20 были как настоящие. Владимир Третьяк только набирал силу и популярность и был кумиром всех, кто любил наш советский хоккей.

– Сынок, хочешь мороженое? Эскимо или, лучше, лакомку.

Удивлению не было предела. Мама сама предлагала мне мороженое, на которое даже смотреть было запрещено. Это был не пломбир или какое-то там фруктовое, а жирная и очень калорийная лакомка. Лакомка по 28 копеек, трубочка из шоколада, наполненная сливочным мороженым. Разворачивая обертку из фольги, не надо было ждать, чтобы мороженое хоть чуть-чуть оттаяло. Так бывало всегда с более дешевыми сортами мороженого, где добавлялось довольно много воды. Вкус лакомки обволакивал мои небо и гортань и приятно холодил язык и горло.

– Или, давай, две лакомки, – почувствовав, что я поплыл, и забыв про осторожность, мама продолжила, – а потом пойдем на Бородинскую панораму. Мама поторопилась, надо было быть чуть потоньше. Я рванул в сторону и, отбежав на безопасное расстояние, закричал:

– Ну, сколько можно говорить, я не хочу на эту чертову панораму.

– Идиот, стараешься как лучше, ведь столько красивого вокруг. Нет, значки и марки, марки и значки, – причитала мама. – Буратино какой-то недоделанный, деревянный, ограниченный. У других дети как дети, а этот... Иди ко мне, – и она сделала шаг вперед. Я отскочил.

– Иди, не бойся, – и опять шаг вперед. Шла игра, шаг вперед, два шага назад.

– Сейчас сниму ботинок и дам тебе по башке, – в бешенстве кричала она.

– Черт с тобой, оставайся со своими значками и марками, а мороженое я сама съем, – мстительно бросила она.

Мама развернулась и пошла. Я остался один и еще не верил, что мама могла меня бросить посередине большого города. Я начинал жалеть, что уперся, поругался с мамой и в результате остался один. Мужской гонор не позволял мне расплакаться. Потом она говорила, что зашла за угол и наблюдала за мной...

– Ты меня слышишь? Опять пропал, что за связь такая, – волнуется мама.

– Мама, я все слышу, просто помехи. Я скоро приеду,

– борюсь с собой, чтобы не сорваться и не сказать, что документы оформлены, билеты куплены, и даже почти собран чемодан.

– Поторопись, сынок, я жду тебя. И знай, чтобы ни случилось, я очень люблю тебя и всегда буду с тобой.

– Я знаю, мама. Еду...

Диана СВЕТЛИЧНАЯ

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

Рыбы в банке

За окном галдела кучка людей, перед которыми домком тряс мятыми бумажками и повторял «трубы», кастрированный кот не терял надежды и, урча, любил махровый халат хозяйки, с шипением на плиту из кастрюли выпрыгивал мясной бульон, пыль хлопьями оседала на поверхности, предупреждая о скором начале знойного азиатского лета. Суэта подменяла жизнь.

Николай Степанович сидел за большим кухонным столом, одной рукой придерживая костыль, а другой листая рекламную газету. С недавних пор он пристрастился к отечественной прессе и покупал все газеты, где имелись рубрики «требуется» и «сканворд». Когда именно страсть к информации овладела его рассудком – после увольнения или перелома, сказать трудно, но несколько неизвестных слов из сканворда дважды отвлекли его от мыслей о суициде.

После пышного юбилея в ресторане жизнь его словно пошла под откос. И, главное, так равномерно и последовательно пошла. Спустя неделю после высокопарных тостов про золотую середину жизни, отдел, где он числился начальником, упразднили, и тех, кто помоложе, раскидали по филиалам, а перед ним развели руками и, выплатив выходное пособие, дали пинка под зад. Он еще и очухаться не успел от этих впечатлений, как в отчий дом со словами «все мужики козлы» вернулась недавно ушедшая замуж дочь. Если бы закончилось все на этом, можно было бы попробовать удариться в религию или начать пить, но ни то, ни другое успеть Николаю Степа-

новичу не удалось, потому что еще через неделю сын разбил его машину, а через три дня Николай Степанович на ровном месте сломал ногу.

– Порча. – Авторитетно заявила соседка Галка, увидев Николая Степановича на костылях, и начала с удвоенной силой строить ему глазки.

– Что я, сметана? Портиться? – Ответил на ее заявление Николай Степанович, но зерно сомнения упало на благодатную почву, и ему стали сниться тревожные сны.

То идет он в порванной одежде по полю, и начинается дождь, а укрыться негде. И тогда он пытается бежать, но ноги не слушаются и вязнут в мокрой земле, а земля оказывается болотом, которое с жадностью голодного зверя пытается его поглотить. Он кричит, сопротивляется, но его никто не слышит и дождь усиливается, грязные ручьи текут по его щекам и тело все глубже погружается в трясину... То будто заходит он в свой гараж, а там не горит свет, он хочет поменять лампочку, подходит к шкафу, чтобы взять новую, открывает дверцу, а оттуда на него валятся куски человеческих тел. И вроде как он узнает их. Вот рука жены, нога дочери, голова сына. Он в ужасе пытается закрыть дверцу, но она не поддается, вместо этого закрываются ворота гаража, и наступает мрак, а из шкафчика на него все сыплется и сыплется что-то влажное и холодное...

Впрочем, заканчиваются все его сны одинаково: он получает под дых и просыпается. Это во сне жена обычно задевает его своей крупной мясистой коленкой. Николай Степанович открывает глаза и, чуть отдышавшись, начинает перебирать в памяти события последних лет. Все пытается понять, где допустил ошибку, что сделал не так, где был слишком мягок, где недопустимо тверд. Где оступился на работе, почему после стольких лет его так просто вышвырнули, с чем он не смог справиться, под кого не смог подстроиться.... А иногда уставится на спящее, припухшее лицо женщины, что лежит с открытым ртом на соседней подушке, и не может понять, что она делает с ним рядом. Приоткроет для верности одеяло, осмотрит обмякшее бесформенное тело, даже иной раз ноздрями как конь поведет, потом выдохнет, откинется на свою подушку и, не моргая, смотрит в потолок: «Как все это могло случиться с ним?»

– Что, так сложно окно открыть? – Услышал за спиной Николай Степанович высокий голос жены и вздрогнул от нео-

жиданности. Насекомое на «б», самка которого съедает самца сразу после спаривания, полностью овладело его сознанием, он даже не услышал, как кто-то вошел в квартиру.

— Обязательно нужно проникать в квартиру как ниндзя? Всю жизнь крадешься со спины. — Поговорил сам с собой Николай Степанович.

— Бульон весь выкипел, в квартире как в бане, а мы тут, как обычно, сканворды думаем. Я вообще не знаю, как тебя держали на работе, у тебя же мозг атрофирован! — Еще совсем недавно Ниночка, закатывая глаза и не без кокетства жаловалась подругам: «Знаете, какво это жить с человеком, который просто всем необходим? На работе же без него ни на шаг, все на нем на одном. И все эти заграникомандировки постоянные...» — Ну и что ты на меня уставился? Окно открой!

Николай Степанович встал и, направляясь к окну, задел ногой в гипсе табурет. Табурет упал на сидящего рядом кота. Кот метнулся на подоконник и снес с него цветок в горшке. Горшок разбился, цветок сломался, земля рассыпалась по всей кухне. Николай Степанович замер и, прислонившись к стене, решил, чтобы исключить дальнейшие разрушения, больше не двигаться. Стоя на здоровой ноге, он отчетливо ощущал дрожь в загипсованном колене.

— Чудовищное порождение Андерсена! И мать твоя оловянная ложка! — Выругалась жена и, сверкнув глазами, вылетела прочь из кухни.

Николай Степанович мысленно переварил ее ругательство и все-таки приоткрыл окно. Дышать в квартире становилось все труднее.

Не то, чтобы язвительные замечания жены были для него в новинку. Нет, острой на язык она была с юности. Но тогда все эти ее подковырки забавляли его, добавляли перчику в их отношения, он восхищался трезвостью ее мысли, метафорам и полету фантазии. Даже его мать, та еще мастер слова, иной раз не знала, что ответить снохе, и за глаза с чувством описывала ее родне: «Щупленькая, как птичка, но как рот откроет, спасайся, кто может. С виду ангел, внутри же чертовка». Молодой, добродушный Коля смеялся над словами матери и души не чаял в Ниночке. С годами Ниночка отяжелела и телом и характером. Одно дело, когда оловянным солдатиком тебя называет воздушное существо в прозрачной маечке, и совсем другое, когда стокилограммовое чудовище с беспощадным взглядом зовет тебя сыном оловянной ложки.

В дверь позвонили. Николай Степанович бросился на звук, как собака Павлова, и снова, забыв про гипс, налетел в прихожей на старое трюмо, с края которого слетела декоративная фарфоровая пепельница. Через секунду в тесной прихожей была Ниночка.

– Ты это специально, да? – Прошипела она и, открыв дверь, набросилась на стоявшую на пороге дочь.

– Вик, ну когда ты уже не будешь забывать ключи? Вот же они висят! Что, так трудно взять их? – Голос Нины срывался.

– Что тут у вас произошло? – Поприветствовала родителей дочь.

– Ничего особенного. Просто отец, разрушив свою жизнь, решил разрушить и мою. – Голос Нины взлетел, и она театрально заплакала. Увидев разгром на кухне и поняв, кому придется все это убирать, Виктория тяжело выдохнула.

– Все мужики одинаковые. – Приподняв носик, заключила она. Николай Степанович узнал в дочери молодую жену и, тряхнув, словно от наваждения, головой, зажмурился.

– Пожалуй, я пойду, прогуляюсь. – Неуверенно, словно отпрашиваясь, пролепетал он и, как был в старой застиранной футболке с дыркой на плече, так и пошел.

– Конечно, иди! Отдохни! Ты же не ставил полдня капельницы молодым засранкам... – Услышал он уже на лестничной площадке из-за закрытой двери голос жены.

Яркий свет ударил в глаза Николаю Степановичу, стоило ему только приоткрыть подъездную дверь. Запах цветущей сирени закружил голову. Он, словно старик, оперся о дверь и почувствовал потерявшимся мальчиком. Когда-то в детстве мама потеряла его на рынке, и он так же беспомощно стоял у мясного павильона и не знал, что делать.

Когда каждый день ходишь на работу или по делам и маршрут твой расписан по минутам, дорога из дома кажется ничем не примечательной и до боли знакомой. Но когда тебя никто нигде не ждет, не знаешь, как преодолеть и несколько метров. Просто не знаешь, в какую сторону идти, и все вокруг кажется чужим и враждебным.

– Николай Степанович, вам помочь опуститься? – Услышал он за спиной голос соседки Галки.

– Ниже уже некуда... – Пробубнил сам себе он и, словно солдат из фильмов о Великой Отечественной, опираясь о костыли, спустился с крыльца и заковылял вперед. Все равно куда, лишь бы подальше от дома.

Он шел, чуть опустив голову, потому как ему казалось, что все смотрят на его костыли, на его гипс, на его рваную футболку. Ему казалось, что над ним похихикивают две молодые девчонки, только что обогнавшие его. Ему казалось, что он вызывает у прохожих жалость и презрение. Он привык выглядеть сильным, успешным. Ходить с высоко поднятой головой, в костюме и галстуке, в неловкие моменты поглядывать на часы, торопиться, не замечать никого вокруг.

В кармане его штанов забренчал мобильный. Он остановился и с тревогой нажал на зеленую кнопку.

– Пап, привет. Слушай, у меня проблемы. Мне срочно нужны деньги. – Сын говорил, как обычно, сбивчиво и громко, из трубки шел гул общественного места.

– Привет, сын... – С какой-то безнадегой в голосе проговорил Николай Степанович.

– Па, я говорю, мне нужны деньги. – Выкрикнул из трубки требовательный голос.

– Ну, так заработай! – Крикнул в ответ ему Николай Степанович.

– Так у меня же институт! – Прокричал ему сын.

– Ну, брось его! – Ответил Николай Степанович и нажал на красную кнопку.

Навстречу ему ехал мужчина на спортивном велосипеде. Он показался Николаю Степановичу совершенно счастливым. Николай Степанович даже обернулся ему вслед и попытался вспомнить, катался ли он когда-нибудь после школы на велосипеде. Оказалось, что нет. Последний раз он крутил педали в десятом классе перед экзаменами. Мать его еще гоняла за это, боялась, что не сдаст русский язык...

«Вот срастется кость и куплю себе велосипед. Мужик-то седой почти, а в глазах азарт...» – Он в первый раз после того, как его уволили с работы, дрогнул губой и подумал о чем-то приятном. В кармане снова зазвонил телефон.

– Ты, я смотрю, на старости лет совсем с катушек слетел! – Кричала из аппарата жена. – Ты зачем заставляешь Димку институт бросить, а?

Николай Степанович отключил телефон и, обессиленный, присел на разбитую скамейку. Страшно захотелось есть. Он представил, как было бы замечательно сейчас взять кружку свежего пива и пару палок сочного шашлыка. Но в кармане, кроме выключенного телефона и счета за электричество, ничего не было.

И тогда он поступил, как настоящий забулдыга. Подошел к ближайшему магазинчику и предложил свой телефон. Продавец, молодой парень в яркой майке, долго смотрел сначала на телефон, потом на дырку на футболке Николая Степановича, потом на его залысины, потом на костыли и снова на телефон. Когда мальчишка выложил ему на прилавок несколько мятых купюр, Николай Степанович почувствовал, что черная полоса в его жизни закончилась и, с видом человека, выигравшего в лотерею, не чувствуя земли под костылями, вышел из магазина.

Дойдя до ближайшего кафе и выпив кружку пива, он немного расслабился, и пока готовился его шашлык, сидел и смотрел по сторонам. За соседними столиками люди сидели небольшими компаниями, по пять, четыре, три, два человека. Он единственный дождался своего шашлыка в одиночестве. Это его не смущало, но наводило на неприятные мысли.

«Когда я последний раз сидел так душевно с компанией? Не-не-не, ресторан и коллеги не в счет... Так, чтобы можно было поговорить... Чтобы послушали, поняли и разделили... Вот, мужик сидит с женщиной, вроде и не красавица она и мозгов, может, кот заплакал, а как смотрит на него, как слушает... Нинка бы щас тут устроила разнос официантам – и что долго не несут, и что столики с крошками, и что салфеток нет... Да и вообще, не зашла бы она сюда. Побрезговала бы. Не говоря о том, чтобы слушать меня».

Николай Степанович выпил еще кружку пива и разглядывал окружающих людей, вытянув ногу в гипсе во весь проход.

«Собственно, с кем бы я вообще мог прийти сюда?», – Николай Степанович напрягся, как перед прыжком, и не прыгнул. Оказалось, нет у него ни друзей, ни приятелей, ни собутыльников. Потому что для дружбы особый талант нужен, много эта дружба отнимает душевных сил, а он все свои силы истратил на угождение Нинке. Приятелей тоже не завел: кому же приятно с подкаблучником общаться, ну, а собутыльники еще в юности отпали: кто ж решится пить, когда все время рядом Нина?

Когда принесли шашлык, Николай Степанович уже был самим собой и улыбался официантке. И люди вокруг стали доброжелательнее, и на свой внешний вид ему было наплевать. Он со смаком жевал жареное мясо и руками ел лук, он не боялся ни капель соуса на своих штанах, ни общественного мнения, ни счета. Ему было хорошо.

Выпив еще одну кружку пива и впервые в жизни оставив

чаевые официантке, Николай Степанович вышел из кафе и направился домой. За углом он обнаружил небольшой зоомагазин, и с глазами ребенка вошел в него. В большом под-свеченном аквариуме плавала золотая рыбка, о которой он мечтал с детства. Животинка, на которую не было денег у его матери и которая не вписывалась в интерьер квартиры, по мнению его жены.

Глядя на висящих в воде рыб, Николай Степанович ощутил то, что в сканвордах занимает целых четырнадцать кубиков и, по мнению эрудитов-составителей, является синонимом пресыщения и довольства.

– Дайте мне эту рыбу. – Дрожа от волнения, сказал Николай Степанович продавщице. Он не мог в этот момент думать ни о том, что у него еще нет ни аквариума, ни всех этих приспособлений с трубками, ни корма, ничего. Он знал только одно – если он не купит эту рыбу сейчас, он не купит ее уже никогда.

– Я вам ее могу отсадить в банку. Но как же вы ее на костылях... – Девушка еще не успела договорить, как Николай Степанович отставил один костыль в сторону.

– Я один здесь оставлю, завтра сын за ним придет. И аквариум купит и все, что еще к нему нужно...

Когда Николай Степанович вошел в квартиру, у него перед глазами все поплыло, люстра закачалась, уши заложило.

– Господи! Коленька, что с тобой? Дай скорее сюда банку, пока не разбил. – Жена выглядела взволнованной и какой-то очень родной.

– Знаешь, Нина, я понял, из-за чего у нас все пошло под откос... Из-за нее... – Николай Степанович указал пальцем на рыбку в банке.

– Из-за рыбы? – Сморщившись, уточнила Нина.

– Из-за нее. – Ответил Николай Степанович, сползая вниз по стенке в зале, но при этом держа на весу ногу в гипсе. – Я же все для тебя жил, не пил, не гулял, на рыбалку даже с мужиками не ездил. А ты...

– Ну, что? Что я? – Как всегда перебила его жена.

– А ты меня даже мне не оставила. Все под себя, как клуша, подгрребла. Душу мою вытрясла. Кровь мою выпила. Сам виноват, конечно. Дурак. Влюбился в тебя и все тебе разрешил.

– Ну, а рыба-то тут при чем? – Взвизгнула Нина.

– А при том. Не помнишь уже, поди? Купить я ее хотел

на день рождения себе, через неделю после свадьбы. А ты посчитала, сколько аквариум стоить будет, разревелась. Сказала, что я только о себе думаю. И я поддался. И выпустил монстра на свободу... И ты и твоя мамаша... – Речь Николая Степановича становилась бессвязной и все более монотонной. Спустя пару минут он сполз по стенке окончательно и громко захрапел.

Нина подошла к мужу, беззлобно ткнула его кулаком в грудь, сняла с него обувь и накрыла старым пледом. Потом села на пол рядом со стеклянной тарой из зоомагазина и улыбнулась.

– Ну что, рыба? Добро пожаловать в нашу банку...

Уроки музыки

Длинный, мазанный синей краской коридор музыкальной школы как бы шепчет своим прихожанам скрипучими половицами рассохшегося пола: «Жизнь бессмысленна и темна». Единственный просвет в этом длинном, наполненном какофонией звуков тоннеле – небольшое грязное окно – заставлено пыльными полусухими растениями в потрескавшихся горшках и служит прибежищем для деятельных насекомых. Пауки здесь плетут невероятные сети, а глупые мухи трепыхаются в них, как распятые мученики.

Настя смотрит на них с пониманием и тоской. Ей близки их переживания. Всякий раз, приведя сюда на занятия свою дочь, она неизменно идет к грязному окну с мухами. Будто сила притяжения срабатывает. Хотя иногда ей так и хочется остановиться рядом с триндядцими мамашами-бабками, что сидят на скамейках вдоль стен в ожидании. Срастись с ними, попасть в тон, влиться в их реку бреда.

Быть может, между рассказами о борщах и болезнях они поделятся с ней тайной своей радости, расскажут, как не сошли с ума на своих кухнях, как не задохнулись от невежества рядом с полками великих авторов, как не оглохли от пошлости, льющейся из динамиков в общественном транспорте и с экрана телевизора, как справились с человеческим хамством, как остались уверенными в себе, как просто решили остаться здесь...

Настя устала жить. Вернее, как-то в один момент она вдруг поняла всю бесполезность утреннего пробуждения, общепринятого ритуала существования и всего того, что коротко и хлестко называют жизнью. Само слово ей даже вдруг опротивело – скользкое, аморфное, будто сквозь пальцы просачивается.

Окончив консерваторию по специальности «виолончель», она не специально вышла замуж за доброго и состоятельного человека, родила прекрасную девочку и навсегда разлюбила музыку. Просто разлюбила. Не было никакого душевного надлома, который в таких случаях ищут психологи, не было тяжелых жизненных условий, которые авторы приплетают в книжках к главным героям, ничего такого не было.

Просто однажды утром Настя проснулась и поняла, что сделала здесь все. А также она поняла, что она не гений, а посредственность. Серая, среднестатистическая женщина, каких на Земле миллионы... Да, у нее есть персональный мужчина, собственный ребенок, квартира, машина, побрякушки... Все... Да, это все... Больше у нее ничего нет. И никогда не будет. Потому что если есть что-то еще, то с этим рождаются, об этом знают изначально...

Стоя возле окна с мухами, Настя преображалась, она выпрямляла плечи, всматривалась в паутину и бессознательно вслушивалась в порхающие за закрытыми дверями мелодии. За первой закрытой дверью, сотрясая стены школы, гремел хор. Среди общего хорового многоголосья Настя выделяла один тонюсенький неровный голосок. Иногда он фальшивил и выводил ее из равновесия.

«Зачем я привела ее сюда? По привычке... Просто потому, что когда-то также привели сюда и меня? Просто потому, что мне страшно признаться ей, что она такая же обычная, как и я. И что гении больше не рождаются... И что мы пытаемся занять себя и своих детей каким-то подобием искусства... Просто чтобы казаться себе чем-то...»

Перед ее глазами плыл туман, и запутавшиеся в паутине мушки уже казались ей маленькими чертиками с трезубцами в лапках, они махали ей, приглашая в свою паутину, скалили зубы, подмигивали. Настя, держась за подоконник, попыталась закрыть глаза.

«Вот сейчас – инсульт или инфаркт, и никогда не возвращаться обратно. Никогда не возвращаться в этот дико синий

коридор, в это общество амбициозных лжецов. Не толкаться локтями в поисках живого и настоящего...»

Сколько раз Настя видела свой уход! Свое освобождение. Ей, как и любой женщине, хотелось, чтобы это было красиво и безболезненно. Чтобы закрыть глаза – и ни боли, ни крови, ни сожаления. Она ни на секунду не сомневалась в том, что муж и дочь справятся и поймут все правильно.

Муж, еще молодой и интересный мужчина, найдет достойную женщину, которая будет радоваться его цветам, вниманию, подаркам, будет фаршировать ему рыбу и правильно запекать цыпленка.

Дочь в свои шесть лет поймет ее как женщина женщину и простит. А еще запомнит молодой и красивой...

В сумочке завибрировал мобильный. Настя никогда не позволила бы мобильному «петь». С нее хватало всех остальных звуков в этом мире. Но телефон завибрировал весьма энергично и заставил ее снова остаться.

Простуженный голос из трубки сообщил Насте, что она может забрать свой плащ из химчистки и что, если она хочет это сделать сегодня, то у нее остался только час времени...

За второй дверью кто-то с остервенением повторял гаммы. И каждый новый удар по клавишам отзывался в Насте ужасом. Она снова и снова вздрагивала и пыталась все сильнее втянуть голову в плечи. От шепелявости в трубке у Насти свело зубы. Новые удары по клавишам показались ей звуками вбиваемых в крышку гроба гвоздей. Дышать стало трудно... Мухи уже не сопротивлялись и, безжизненно распластавшись, гроздьями висели на пыльных решетках паутины.

За грязным стеклом потемнело. Серая, почти черная туча повисла над маленьким двориком музыкальной школы. Настя улыбнулась своему отражению в замызганном окне, будто в предвкушении чего-то долгожданного и большого...

Она никогда не ощущала ничего подобного, так, наверное, дети ждут чуда, а заключенные – освобождения... Ветер ударил ветвями спиленного тополя по стеклу, и Настя ощутила холодок, ползущий по ее ногам вверх. Этот холодок сковывал движения и будто обволакивал ее сознание. Звуки становились все менее раздражающими, грязь на стекле – менее отчетливой... И вдруг дверь хорового зала с шумом распахнулась и из нее выбежал маленький круглый человечек – с гладкой блестящей лысиной и большими синими глазами.

- Настенька, боялся уже не застать вас. Как вы, дорогая? – Марк Моисеевич преподавал хор в этой школе почти шестьдесят лет. И был учителем еще родителей Насти. Именно он настоял на том, чтобы Настя «попробовала виолончель», и теперь вот учил ее дочь.

- Марк Моисеевич, я нормально. Ну, как всегда... – Глядя в глаза этому открытому и доброму человеку, Настя всегда немного смущалась. Он для нее был загадкой. Вопреки другим преподавателям, он не кричал на фальшивящих, не вскидывал к небу руки, не закатывал глаза, а просто говорил: «Зато как душа поет!» Иногда он казался Насте немного ненормальным, и она даже подозревала у него проблемы со слухом.

- Настенька, ваша девочка – просто чудо! Она гениальна! Вы хоть понимаете это! – Его добрый смех, вечно нараспашку душа согрели ее изнутри, и она зачем-то совершенно не к месту прослезилась и обняла его за плечи.

- Спасибо, Марк Моисеевич. Как же... Знаю я всех ваших гениальных учеников... – Он обнял ее, как делал это тысячу раз при встрече, но Насте почему-то вдруг показалось, что она не ощутила его объятий...

- Настенька, гений ты мой самый чистый... – Ответил ей учитель и, улыбнувшись, побежал вперед. – Тороплюсь, дорогая. А ты не спеши... – С этими словами он исчез в толпе голосащих детей и их родителей.

К Насте вышла из класса дочь, вечно несобранная, растерянная. Настя улыбнулась и взяла у нее из рук ноты.

В вестибюле, как всегда, толпилось много народу. С одной стороны шли дети и родители с занятием, с другой стороны входили люди с букетами цветов в большой зал на концерт. Среди всей этой суматохи и суеты вдруг с улицы вбежала бледная женщина и сиплым голосом прорычала: «Скорую! Марка Моисеевича сбил трамвай...»

С видом на Неву

На горизонте огненно-красно, будто разверзлась земля и наружу выплеснулось море раскаленной лавы. Адмиралтейская игла, как обгоревший шпиль среди зарева, торчит с вызовом, приглашает на казнь: «Лети ко мне, мотылек, насади

на мое острие свое легкое тельце». И снова трудно дышать, хочется задернуть штору, сменить картинку. Шторы тяжелые, плотные, густого оливкового цвета, их приятно трогать всей ладонью. На ощупь они словно мох – мягкие, ворсистые, теплые. Касаешься их в плохую погоду – и на Неву смотреть уже не так зябко. У Невы дурной характер, вздорная она. Настроение меняется неожиданно, темнеют воды, покрываются рябью, словно морщинами, и за какие-то пять минут может она из прекрасной девы обернуться в сварливую старуху. Кружевные деревья на набережной склоняют перед ней свои макушки, шепчут речи усмирительные, да только зря все, если уж выходит она из себя, никто с ней не справится. Бегите, спасайтесь! Мне отсюда, с шестого этажа, все прекрасно видно, сколько раз наблюдала нрав ее, сколько раз вздрагивала.

Шестой этаж в гостинице новый. Здесь все по последнему слову, здесь каждая деталь имеет смысл. В жизни смысла нет, не ищите зря, а вот в этом персидском ковре посреди номера столько смысла, что вам и не снилось: вон те завитушки в центре – гранатовые чащи, в которых прячутся золотые птицы. Ночью птицы оживают, парят над огромной кроватью и поют свои прекрасные песни. И сны вам снятся волшебные, цветные, яркие.

Картина на стене с питерскими крышами тоже не простая. Что вы знаете о пространстве питерских крыш? Это целый космос, это параллельная вселенная. Это особый воздух, это другой язык. Почувствовать себя кошкой, феей, ведьмой, звездной пылью. Просто почувствовать себя.

А эта лампа! Стиль ампир. Эволюция классицизма. Толстая ножка, на которую опираются прекрасные нимфы, несущие свет, как опора мироздания, выполнена из латуни. Полуобнаженные нимфы отлиты из серебра, их лица, улыбки – все дышит роскошью и любовью. Где-нибудь в «Золотом треугольнике» такую вещицу вам могут выдать за французский антиквариат, будьте осторожны. Хотя за любовь никаких денег не жалко. Любовь, даже отлитая из металла, всегда роскошь и стоит дороже денег.

О, а этот комод! Вы часто встречаете в гостиницах комоды? Вот, то-то же! Красное дерево, медные ручки, резные ножки. Он прекрасен! Я, бывает, представляю лицо мастера, округлявшего бока этому торо росо. Я вижу его смуглым, с высушенной солнцем кожей, кустистыми бровями над глубокими черными оливками глаз, сжатыми обветренными губами,

массивным подбородком. Он гладит большой рукой свое детище, целует его отполированную поверхность и плачет. Я бы плакала при расставании с этим комодом.

В своем чреве хранит настоящие сокровища. Сейчас я вам покажу их. Две полки женского кружевного белья. Полка с духами и кремами. Еще полка с украшениями. Вам, конечно, все это непонятно. Ведь гостиница – временная пристань. Вас бы устроил чемодан с распахнутой пастью посреди комнаты, носки, скрученные в шарики, пара вешалок в шкафу для пальто и костюма, какой-нибудь чайник на краю кособокого стола и рабочий душ. Ах, ну да, вам, конечно, еще вай-фай был бы необходим. Вы со своим чемоданом такие смешные!

Так вот, белье полупрозрачное, невесомое. Будто роса капнула на кожу. Вот это – телесного цвета – торжество великолепия. Признайтесь, вы ведь не сможете теперь его забыть? А про временную пристань – все чушь. Два часа бывают длинные и бесконечные, когда задыхаешься от нехватки воздуха, когда хватаешь руками пустоту, когда превращаешься в разъяренного зверя, меряющего шагами крошечное пространство, когда в висках гудит и стучит, когда сердце булькает, словно бросили его в кипящую воду, когда земля вдруг останавливает свой бег и чуть покачивается над космической пропастью. Или два часа счастья, когда вдруг замирают все звуки и движения, когда солнце превращается в большой раскрытый цветок, из которого можно пить вечность, когда сладко и больно в груди от сиропа радости, будто в один миг все люди Земли начали варить клубничное варенье, и ягода уже закипела, и густая пенка поднялась над варевом, и аромат ее заполнил все самые отдаленные уголки сонной планеты...

Да, про белье: тут еще черное и красное, невесомое и прозрачное. Конечно, духи и все эти баночки с ароматными смесями. До головокружения! Жасмин и мускус, розмарин и цитрус, кипарис и пачули, ваниль и орхидея.

Мы гуляли с ним по набережной. Он держал меня за руку и просил рассказать еще про Трезини, Растрелли, Росси. А мне было ужасно стыдно, что я знаю о них так мало. И я перекачивала их звучные имена по языку, говорила общеизвестные факты и краснела. А он слушал так, как никто никогда меня не слушал. И еще смотрел. Так ласково, так глубоко. Как я сейчас смотрю на дурацкий этот комод, на все эти безделушки. А потом развели мосты. И он спросил разрешения на поцелуй.

Ну, разве об этом спрашивают? И Нева тогда притихла. И я не нашла, что сказать. У меня очень плохо со спонтанной речью. Я когда волнуясь, заикаюсь. И выгляжу как идиотка. Тогда мне показалось, что этот город распахнул мне свои объятия. И я провалилась в них, утонула. И нельзя уже было возвращаться домой.

Я люблю здесь все. Каждую улочку, каждый вензель на зданиях. Вечером, когда невыносимо хочется плакать, я иду по Невскому проспекту от Аничкова моста до Мойки, сворачиваю на набережную и иду до Летнего сада. Такой смешной туристический маршрут. Он всегда меня спасает, оживляет, настраивает. Почему-то именно в Летнем саду мне всегда становится легче.

Сейчас я ненадолго вас оставлю. Ко мне, кажется, пришли.

- Айгуль! Сколько можно убирать один номер! Что ты здесь копошишься? Не дай бог тебе прикоснуться к вещам постояльцев! Я тебе обещаю, тут же вылетишь к своим ...! Да двигайся же быстрее! Берешь их как людей, а они ...

Вячеслав
АЛЕКСАНДРОВ

АРИЗОНСКИЕ КОВБОИ, ИЛИ ОСОБЕННОСТИ ВИДЕОСЪЕМКИ КОННОГО ПУТЕШЕСТВИЯ

Как упал в моих глазах имидж американского ковбоя, голливудского героя, крутого парня на лошади с двумя револьверами и в широкополой шляпе, когда на уроке английского языка выяснилось, что «ковбой» в переводе с английского – коровий мальчик, малолетний пастух, по-нашему – подпасок! А уж встреча с настоящими американскими покорителями прерий разочаровала совсем. Наши ковбои в основном были пожилыми людьми из города Феникс, столицы штата Аризона. Тут же по аналогии всплывала знаменитая красивая легенда о птице Феникс, которая сгорала в огне и неизменно воскресала из пепла. Однако ехидный всезнайка Интернет в лице Википедии утверждал, что столица Аризоны вовсе не потомок птицы Феникс, а правильно она называется «Финикс», хотя по-английски оба слова пишутся одинаково – «FOENIX». Каким способом компания «Киргизтуризм», внебрачная дочка Киргизспорткомитета, заманила группу богатых «фиников» в нашу горную страну, остается загадкой по сей день. В конце восьмидесятых годов прошлого века название «Киргизстан» путали с «Курдистаном», «Афганистаном» и прочими «станами», от которых за версту несло терроризмом, войной и прочими неприятностями.

И, тем не менее, вот они стояли прямо перед нами. Прямо в центре Азиатского континента, у истоков великой Аму-Дарьи. Их можно было даже пощупать. Возглавлял этот разношерстный эскадрон американских кавалеристов джентльмен двухметрового роста с весом настоящего мужчины, то есть за сто килограммов. Висячий пивной живот и сигара во влажных губах выдавали в нем добряка и жизнелюба. Звали его Джон, и как бы в пику своему облику он оказался шерифом полиции Финикса. Компания также состояла из врача, отставного полковника, двух дам бальзаковского возраста и матроны, которая не скрывала свой 70-летний возраст, хотя выглядела на 60. У нее была шикарная белая шапка волос, и я окрестил ее Одуванчиком.

С нашей стороны для проведения хосрайдинга – путешествия на лошадях – от Спорткомитета был выставлен гид Миша Загоруйко. Горный волчара, инструктор с большим стажем, который истоптал не одну сотню троп в наших горах. У него была хорошая экипировка для пешего путешествия и весьма сомнительная верховая подготовка. Он любил фотографировать лошадей. А вот лошади его не любили совсем. На снимках они в основном получались в одном ракурсе – вид сзади. Видимо, из его объектива телепортировались на лошадей какие-то отрицательные флюиды, и они дружно в момент спуска затвора поворачивались к нему задницами. Роман с английским языком у него складывался тяжело. Миша долбал язык с усердием дятла. И все бесполезно: то ли древо грамматики «инглиш лэнгвич» оказалось крепким, то ли клюв у дятла был мягким. Одно название простого времени «паст индефинит тенс» погружало его в глубокий, ничем не потревоженный сон. Спасение международных отношений между клиентами и представителями страны пребывания ожидалось в виде прибития профессионального переводчика.

Я был прикомандирован к этому путешествию в качестве режиссера-оператора снимать рекламный ролик для международных туристских ярмарок о конном райдинге американских ковбоев по нашей прекрасной горной стране. Заодно мне надо было сделать сюжет для новостей на киргизском телевидении. Последнее соответствовало моей прямой профессии снимающего корреспондента. Используя служебное положение режиссера в корыстных целях, ассистентом я выбрал собственную жену. Кроме того, что она хорошо готовила, Татьяна была геологом, в силу этого имела большой опыт конных по-

ходов. Она разбиралась в тонкостях конской сбруи, уверенно держалась в седле на горных тропах и не путала бег иноходца с благородным галопом английского скакуна.

Мой скромный опыт общения с парнокопытными друзьями человечества к тому времени ограничивался перевозкой грузов на лошадях в альпинистских экспедициях и съемкой конных скачек и народных киргизских игр на ипподроме во Фрунзе. Моя экипировка была хороша для катания на горнолыжном курорте: яркая красная куртка, цветастая шапочка, высокие вибрамы¹, лыжные палочки и горнолыжные очки. Вся эта демаскировка была взята для того, чтобы в кадре всегда было яркое пятно. Как правило, наши местные герои сюжетов были одеты, как серые мыши. Перед съемкой я обычно наряжал участников съемки в свой реквизит: кому куртка, кому рюкзак, кому очки. Но на этот раз подобный трюк не понадобился. Аризонские ковбои были одеты по высшему разряду лошадиной моды, начиная от сапог со шпорами и с высокими голенищами, кожаных брюк типа галифе и кончая куртками с множеством карманов, висюлек и рюшечек неизвестного предназначения. Венчала эту картину типичного американского всадника шикарная широкополая ковбойская шляпа а-ля Клинт Иствуд. Казалось, они сошли прямо со съемочной площадки очередного голливудского вестерна. В экипировке не хватало только револьверов и прекрасных скакунов. Кстати, о скакунах. Миша, как главный специалист в области коневодства, заявил, что нам обещаны лучшие представители новокиргизской породы. Гарантию дал второй секретарь Нарынского обкома партии. В те времена это был человек на уровне заместителя Господа Бога в Нарынском горном крае.

Оказалось, что днем раньше нашим ковбоям был устроен торжественный прием в стольном граде Нарыне. Той был организован по первому классу. Куратором выступал обком компартии, потому что местные жители впервые видели живых американских туристов в благословенных нарынских краях. Принимали американцев на уровне делегаций дружественных компартий в ущелье Салкын Тор, месте для встречи лиц, приближенных к императору. Судя по количеству гостей, не один жертвенный барашек сгинул в бездонных желудках почитателей бешбармака и куурдака, блюд, которые без «Столичной» ну никак не монтируются. А по загадочной местной традиции бешбармак, как бы рано его ни начинали готовить, раньше по-

¹Вибрамы – горные ботинки

луночи к столу не поспевал. Увертюра этого священнодействия – публичное заклание барана с пусканием крови и сдиранием шкуры – повергла наших дам в шок. А его апофеоз – торжественное подношение почетным гостям вареной бараньей головы, а также отрезанных ушей, языка и глаз – окончательно погасил слабо тлеющие остатки американского аппетита. Ковбои от этого кулинарного разврата выпали в осадок. После такой, по их понятию, обжираловки сил у них хватило только для того, чтобы тихо расползтись по кроватям гостиницы обкома партии.

А наши ребята не ударили в грязь лицом и не покинули передовых позиций за достарханом до полной победы над противником. Бились, как барсы, до утра. Водка кончилась, а бешбармак остался. На сухую он плохо переваривается. Утром весь аппарат обкома и служба конного трека оказались в нерабочем состоянии, и день был объявлен выходным.

У ковбоев на руках была программа конного трека, утвержденная Госспорткомитетом, и ее надо было выполнять. Но торопиться не надо! В Азии живем.

На второй день трепетного ожидания встречи с друзьями по путешествию в урочище Оттук мы получили полный конфуз. Моя вера в местных джигитов как истых кочевников, которые знают и любят лошадей, сильно пошатнулась. Лошадей привезли на двух раздолбанных грузовиках и стали разгружать на глазах у клиентов. Конюхи, молодые киргизские ребята, конечно, забыли сходни для животных. Они подогнали машину к холму и заставили лошадей прыгать на склон. Пара животных упала и побилась. На другой машине в кузове провалился пол, и лошадиная нога попала прямо под вращающийся кардан. Лошадь кричала от боли и молила о пощаде! Но джигиты стояли в полном ступоре, не зная, что делать. Здесь американский врач, шериф, я и Миша кинулись к лошади и вчетвером вытащили ее из дыры. Клиенты начали требовать скорой ветеринарной помощи, на что конюхи резонно отвечали, что в радиусе ста километров от центра местной цивилизации аула Он-Арча ветеринары не водятся. А если и есть какой залетный, приехавший на традиционный киргизский той, по причине воскресенья, так и тот валяется где-нибудь пьяный. Здесь Миша принял единственно правильное решение:

– Увозите лошада с глаз долой! Скажем, что к ветеринару. А там как Бог даст.

Клиенты были в шоке. Док нервно курил и повторял:

– Мексикано! Мексикано!

На мой вопрос, причем здесь Мексика, она далеко, док ответствовал, что все увиденное сегодня ему очень напоминает Мексику, где он много путешествовал. Происшедшее было шоком для него: те же бедность, безразличие и нелюбовь к животным. Он вытащил фотографии, где была изображена его конюшня в Финиксе. Все здесь было по последнему слову науки о животных. На снимке две дамы из нашей компании умильно поили больного жеребенка молоком из сосочки.

К вечеру гости заявили, что если завтра так дальше пойдет, то они собирают свои саквояжи и улетают восвояси. Назревал международный скандал.

Дальше – больше. Наутро оказалось, что наши конюхи имеют весьма специфическое представление о конном снаряжении. Половина седел оказались кавалерийскими, а другая половина – киргизскими. Ковбои таращили на них глаза, не понимая, что со всем этим надо делать. Стремена висели на каких-то полугнилых веревочках и узелках, не хватало нагрудников и подхвостников. А без этих нехитрых приспособлений при подъеме или спуске по тропе седло успешно сползло на голову или зад лошади, и лихой наездник мог иметь хорошую возможность проверить, насколько честно работает его страховая компания. От оплаты лечения перелома ноги до организации похорон. Но нашим конюхам подобные соображения даже не приходили в голову. Наконец, выяснилось, что они оказались городскими ребятами из Нарына и впервые сами седлали лошадей. Какая-то обкомовская шестерка, вместо профессиональных конюхов, собрала их по блату, чтобы они поработали с американцами. В те времена это было очень престижно.

Вот в такой стартовой позиции оказалась наша команда в забытом богом месте у речушки Он-Ача.

После первых попыток оседлать лошадей выяснилось, что лучшим конюхом была Татьяна. Геологические экспедиции дали ей хороший опыт кочевой жизни, и зря он не пропал. Она быстро разобралась со сбруей и седлами верховых лошадей и принялась за грузовой караван. Меж тем ковбои начали смычку с лошадьми. Все бы ничего, но когда подошла очередь нашего бравого Шерифа, название должности как-то незаметно превратилась для меня в имя собственное, произошел очередной конфуз. Едва предводитель ковбоев водрузил свое 120-килограммовое тело на седло, лохматая, невзрачная

лошаденка неожиданно рухнула на все четыре мосла и перестала подавать признаки жизни. Надо отдать должное копу. Ошарашенный Шериф не упал, а так и остался стоять во весь свой громадный рост с лошадьёю между ногами. Умное животное, очевидно, почувяло печальную участь летального исхода в конце долгого путешествия. Коняга категорически отказалась вставать, несмотря на угрозы, высказанные на чистом киргизском языке; она даже не соблазнилась на подачки в виде сахара от мягкосердечных туристок, уговаривавших ее на американском диалекте. Но пока Шерифу подводили настоящего аргмака, которого забрали у Миши, хитрая кобылка вскочила, как ошпаренная, и мгновенно скрылась в ближайшей роце. Я тут же проникся к ней симпатией, назвал ее Пронырой и решил, что она станет моей спутницей в опасном путешествии. Для работы на съемочной площадке мне нужна была маленькая, смиренная и послушная лошадка. И Проныра как раз подошла для этой роли. Тем более что мы с Шерифом выступали в разных весовых категориях: он в супертяжелом, более ста килограммов, – Бык, а я в первом полулегком, до шестидесяти пяти вместе с видеокамерой, – Мухач. У меня теплилась надежда, что Проныра с одного взгляда разберется в боксерских весовых категориях, полюбит меня, и мы легко найдем общий язык.

Утро ознаменовалось двумя событиями: хорошим и хреновым. Вначале о хорошем. Приехал наш местный проводник. Лесник из ущелья Он-Арча Сабырбек, абориген этих мест. Пятидесяти лет отроду, невысокого роста, с обветренным, загорелым лицом и кривыми ногами, он словно родился на лошади. Сабырбек всю жизнь прожил в горах, знал здесь каждую тропинку. А местное зверье из подотчетных ему ущелий: лисы, волки, шакалы – знало его в лицо, как жители спального микрорайона знают своего участкового милиционера. Лошадей он любил и знал. Теперь за лошадиную часть программы можно было быть спокойным. Готовил он просто, но вкусно. Мы облегченно вздохнули. Одним словом, наш караван-баши был достойным представителем киргизского народа и позже оказался спасательным кругом для всей экспедиции.

Вторая новость оказалась катастрофической. Это была пробоина в борту ниже ватерлинии – переводчика нет, и непонятно, когда будет. Мы обреченно выдохнули. На роль толмача наш бравый гид Миша явно не тянул. Дальше фраз «Май нэйм из Миша» и «Май фэмили из биг» из курса начальной

школы он не продвинулся. Мой английский язык на его фоне выглядел гораздо привлекательнее. У меня был некоторый опыт общения с иностранцами. Словарный запас составлял около пятисот слов. Но мои отношения с грамматикой английского нельзя было назвать дружественными, я лихо составлял английские слова в русском порядке, производя этим на собеседников ошеломляющее впечатление. Американцы, вероятно, думали, что я говорю на каком-то необычном диалекте языка великого Шекспира. Однако и сами наши «финики» говорили с крепким южноамериканским акцентом. Впечатление было такое, будто во рту говорящего находится жевательная резинка. Даже классические англичане не всегда понимают эту Бэби-гумовскую речь. Поэтому нам пришлось призвать на помощь язык глухонемых. Все бы ничего, но от активной жестикуляции к вечеру руки просто отваливались. Положение было аховое, но делать было нечего, и мы приняли ситуацию как данность. Как говорят у нас на Востоке: «Ин шаала! – Все в руках Господа!»

Первый же выезд на прогулку по окрестностям чуть не закончился катастрофой. Нашей почтенной матроне, по прозвищу Одуванчик, достался крепкий жеребец. Еще на кастинге он вел себя вызывающе: бил копытами в траву, пытаясь поколебать земную ось, дико вращал глазами и громко ржал, соревнуясь с дивным басом Федора Шаляпина в песне «Блоха». Мне это сразу не понравилось. Я мысленно нарек его Буцефалом. И на своем фрунзенском диалекте английского я решительно не рекомендовал Одуванчику брать в друзья для сложного путешествия потомка лошади Александра Македонского. Но, несмотря на свой благообразный вид, Одуванчик оказалась дамой с характером. Она заявила, что и не таким буйволам обламывала бока в своей далекой Аризоне, лихо вскочила на жеребца и загарцевала пред нами. Это была настоящая ковбойша.

Я сумел разыскать свою беглянку. Проныра быстро оценила все преимущества сотрудничества с телевидением: скромный вес и легкий нрав оператора, дополнительный паек от ассистента, возможность попасть на международный экран. Почему нет!? Соглашение было достигнуто, я аккуратно вполз на седло лохматой представительницы киргизской породы и двинулся, догоняя караван в надежде поймать хороший кадр. Проныра бережно и плавно несла меня навстречу приключениям. И долго ждать их не пришлось.

За очередным перегибом хребта открылась потрясающая картина. На горизонте, протыкая голубой небосвод, стояли величественные белоснежные пики хребта Джетым-Тоо. Ниже в дымке утопали леса тянь-шанской ели. Предгорья, которые переходили в альпийские луга, были покрыты кустами шиповника и барбариса. Еще ниже в долине паслись стада баранов, коров и табуны лошадей. Красивые кобылки мирно пощипывали травку. Идеальный райский пейзаж! Я снимал эту благодать прямо с седла. Проныра, как профессиональный супертехник, стояла на перевале не шелохнувшись.

Вот здесь-то и притаилась засада. Как только ветер дунул в нашу сторону, непутевый жеребец, потомок славного Буцефала, учуял парфюм от небесных кобылок. Ноздри его заработали, как кузнечные меха, глаза налились кровью, и он заржал так, что бас Шаляпина померк бы в его могучем реве. Аргамак с места в карьер рванул к райским куцам в виде кобыльего гарема. Я в ужасе закрыл глаза, понимая, что сейчас от Одуванчика останутся одни парашютики, и мы будем собирать их в виде остатков ковбойской амуниции и дивного седого парика. Но профессиональная привычка кинооператора заставила меня продолжать съемку. Я увидел крупным планом в объективе, что наша американская амазонка в седле держится вполне достойно. А шайтан в образе лошади прыгает и извивается, пытаясь сбросить Одуванчика наземь. Дело принимало серьезный оборот и грозило обратиться из приятного конного путешествия в похоронную процессию. Наш славный проводник бросился вдогонку Буцефалу на своем иноходце. Догнав беглеца, Сабырбек сумел схватить шайтана под уздцы и остановить. Бедная Ирэн – она же Одуванчик – медленно стекла с седла на землю. Конечно, она молодец. Не всякий опытный наездник удержался бы в седле на жеребце, одержимом любовным экстазом. Но дама, конечно, напугалась. Одно дело – скакать по бескрайним, ровным, как стол, прериям и пустыням Аризоны на своей верной лошади, другое – усмирить коня, удержаться на бешеном жеребце в ущелье Тянь-Шаня. Ведь в ее 70 лет наши обычные пенсионеры сидят на лавочке и греют свои косточки на солнце, не в силах отмахнуть от лица назойливую муху.

«Честь и хвала прекрасной амазонке!» – так думал я, не подзревая, что это только первый акт трагикомедии по имени «В чужие сани не садись».

Пока я увлеченно кружил с камерой вокруг живописной

кампании ковбоев, расположившихся на пикник, Миша и Сабырбек держали военный совет. Было ясно, что Одуванчику надо менять лошадь. Еще один такой номер от Буцефала – и все может кончиться трагически. Но проблема была в том, что в результате строгого отбора лошадей в нашей команде оказалась очень короткая скамейка запасных. Точнее, ее не было. Совсем. Забраванных лошадей отправили вниз, а свежие силы ожидалось через два дня вместе с переводчиком. Татьяна была оставлена в базовом лагере как завхоз и кухарка в одном лице, потому что вся остальная обслуга, почуяв ответственность, просто разбежалась.

Решение было принято. Миша и Сабырбек тяжелым шагом «римских легионеров» приближались ко мне. У меня засало под ложечкой от недоброго предчувствия.

– Ну, ты это, – коряво затынул Миша, – ну, в общем, ты видел, как этот черт понес, – иезуитски тянул резину наш командир.

Здесь простодушный проводник не выдержал:

– Слава-байке, если этот шайтан мадама Ирана сбросит на землю, туда-сюда, совсем плохо будет. Ты свою лохматую мадаме отдай. А с шайтаном справишься. Я тебя научу.

Вот так прямо и честно, по-военному. Перед буржуями лицо сохраним, а потери в собственных рядах не в счет. «Войны без жертв не бывает, товарищ Жуков!» – так говорил товарищ Сталин.

Теперь я имел все шансы выступить в главной роли этого спектакля в сцене «Боевые потери». Я мысленно и дотошно прошелся по своему кавалерийскому прошлому. Оказывалось, были там и пограничные караваны с переправами через бешеную горную реку Иркештам, и съемки кочевья киргизов на озеро Сон-Куль через перевал Моло, и заброска альпинистской экспедиции под пик Советской Конституции в Иныльчеке. Разные были у меня лошади, но с сексуально озабоченным жеребцом дела иметь еще не приходилось.

– Сабырбек, дорогой, ты тогда хоть выбирай тропу подалее от этих кобыл.

– А ты, когда на него залезешь, сразу покажи, кто здесь начальника, как райком партия. По шее похлопай. Камча покажи. А если он понесет, ноги в стремя упирай и уздечка натяни. Голову ему вниз тяни, он остановится. А если он на дыба вставать будет, к шее прижмись, рукой обнимай, воздух не давай. А то он взад упадет, задавить может, туда-сюда. Совсем.

После этих ободряющих рекомендаций настроение мое упало ниже копыт того самого Буцефала. А неторопливая Проныра оказалась мне теперь ангелом небесным во плоти. Но выхода не было. Вернее, был только один – следовать советам нашего мудрого проводника.

Одуванчик восприняла этот обмен одобрительно. Дальновидная предательница Проныра легко сменила хозяина, и они уже плавно удалялась вверх по тропе. Я ласково похлопал Буцефала по шее. Он подозрительно вперил в меня глаз, ожидая подвоха. Я показал ему камчу. Он ответил неодобрительным ржанием, прямо указывая на то, что я далеко не близкий родственник Александра Македонского. Наверное, здесь я и сделал роковую ошибку: угостил шайтана припрятанными для Проныры двумя кусочками сахара. Пока эта военная хитрость работала, я лихо вскочил на этого шайтана в образе красивого коня и стал следовать инструкциям Сабырбека с точностью до наоборот: отпустил поводья и камчой ласково ударил по крупу. На удивление Буцефал послушно тронулся с места и мелкой трусцой потянулся за караваном. Все бы ничего, но вести съемку на ходу с этого передвижного вибростенда было совершенно невозможно. Видеокамера торжественно лежала у меня в рюкзаке за спиной и терпеливо ждала остановки.

Дальнейшая поездка проходила довольно гладко. Тропа шла в еловом лесу, то пересекая мелкие речушки, то взлетая к перевалам, откуда открывались замечательные киношные пейзажи. Я предусмотрительно спешивался и вел съемку с плеча, стоя на собственных ногах. Наши ковбои были в восторге от окружающей природы и очень удивлялись отсутствию кемпингов, мотелей, дорог, бензоколонок, а также встречных туристов.

– Если бы в нашей Аризоне была такая природа, мы бы стали богатейшим штатом в Америке! – безапелляционно заявила Одуванчик. – К сожалению, у нас кроме Большого каньона ничего нет.

– Да еще Лас Вегас! Вот наша главная кормушка, – пошутил Шериф, не вынимая сигары изо рта.

– Наши депутаты хотят построить киргизский Лас-Вегас на Иссык-Куле, чтобы привлечь инвестиции, тогда и туристы поедут со всех сторон, – вбросил я свои пять копеек в дискуссию.

– Ну вот, тогда и ваша прекрасная природа накроется медным тазом, а деньги эти же депутаты по карманам раста-

щат, – недипломатично, с венной прямотой, отрезал полковник. – Я служил в Пакистане, там так же было!

Дело близилось к закату. Караван выехал на пригорок, и силуэты всадников классически красиво смотрелись на фоне заходящего светила. Не снять подобный кадр было бы просто преступлением. Я засуетился, чтобы запечатлеть этот шедевр прямо с седла. И напрасно.

Рюкзак, в котором я вез камеру, имел безобразно яркий красный цвет. Но я не учел этого, снял рюкзак и вытащил видеокамеру. «Хитачи» – мечта любого кинооператора 90-х годов, она стоила две тысячи долларов США – безумные деньги в те времена. Не успел я пристроить камеру к плечу, как почувствовал недоброе. Буцефал повернул голову и, увидев красный рюкзак, повел себя, как кастильский бык на корриде. На его глаза упала кровавая занавеска, он дико заржал и рванул во весь опор. Правда, быки на корриде нападают на красный плащ тореадора, а мой аргамак рванул от моего красного рюкзака, как черт от ладана. Все инструкции мудрого проводника полетели туда-сюда, к черту! В левой руке у меня была камера. Правой я выкинул рюкзак и вцепился в луку седла. Слава Богу, ноги были в стременах. А шайтан в образе Буцефала понесся к группе всадников и стал нарезать круги вокруг них. Все мои мысли были об одном: только бы не уронить камеру! Вместе с ней рухнет в тартарары и рекламный сюжет, и карьера, и семейный бюджет. Простая мысль о том, что мое брэнное тело может тоже пострадать под копытами бешеного аргамака, почему-то в тот момент меня не посетила.

Эта сцена напоминала уже не театр, а цирк. В центре манежа сгрудилась группа зрителей на лошадях и, открыв рты, наблюдала за клоуном, который носился вокруг манежа на диком жеребце и показывал чудеса эквилибристики. На втором круге, пролетая мимо Миши, я заорал:

– Держи камеру!

Но он был в ступоре и все делал, как во сне. На третьем круге я поймал уздечку, но слабые потуги остановить шайтана только раззадоривали его. К четвертому кругу Миша очнулся и был на изготовке. Каким чудом я перекинул драгоценный груз в его руки, до сих пор не понимаю. Теперь у меня были в деле обе руки. Я мысленно возблагодарил нашего проводника за советы, уперся в стремяна, натянул поводья и стал нагибать голову коня вниз. Но для Буцефала инструкции Сабырбека и

мои потуги были, что мертвому припарки. Он сделал еще четыре круга ада, то резко останавливаясь, то взбрыкивая, стараясь скинуть меня. В это время я неоднократно вспоминал лучшие моменты своей жизни и просил прощения за обиды, нанесенные друзьям и родственникам. Затем Буцефалу все это просто надоело. Соперник был явно недостоин его усилий. Аргамак стал умерять свой пыл и остановился. Слава Богу, до вставания на дыбы дело не дошло. Изображать из себя конную статую Петра Первого на Сенатской площади Санкт-Петербурга не входило в мои скромные планы. Но зато здесь на меня обрушился град аплодисментов и восторженных фанатских криков:

– Хай, Слава! Да ты настоящий ковбой! Мы и не думали, что ты так хорошо ездешь на лошади! – кричали восторженные «финики».

Они были уверены, что опытный всадник специально для них устроил заранее запланированное феерическое шоу. А я был уверен в том, что мой ангел-хранитель в это время вел в небесах над просторами Он-Арчинского заповедника бой с духом шайтана, который вселился в аргамака по имени Буцефал. Наши немножко победили.

На следующий день прибыла подмога в лице переводчика Тимура Досалиева. Я облегченно вздохнул. Тимур был профессионалом высшего класса, и теперь киргизско-американские отношения находились в надежных руках. Тем более, что он проходил стажировку в Штатах и быстро разобрался в жевательно-резиночном диалекте аризонских ковбоев. «Финики» были в восторге. Но если с лингвистической точки зрения Тимур был на коне, то с кавалерийской – был полным профаном, поскольку дальше умения кататься на лошадке детской карусели в парке он не ушел. Здесь я вмешался в ход событий, грозивших катастрофой. Моя работа была выполнена. Материала для двухминутного сюжета набралось уже достаточно, и нам с Татьяной нужно было возвращаться во Фрунзе для монтажа. Тимуру же угрожало близкое знакомство с Буцефалом, а это могло иметь самые пагубные последствия. Я предложил хитроумную комбинацию: Буцефала списать в штрафбат, как мину замедленного действия с неисправным взрывателем, Одуванчику предоставить более достойную лошадь, забрав ее у Татьяны, а Тимуру отдать спокойную и надежную Пройдоху.

Прощанье было трогательным. За эти дни мы успели

подружиться и понять, что, живя в разных странах и на разных сторонах планеты, мы гораздо ближе друг другу, чем об этом пишут газеты и показывает ТВ.

Но жизнь все равно – самый гениальный сценарист. И все потуги придумать что-нибудь сногшибательное, необычное, шокирующее разбивается о ее суровую реальность. Она круче. Едва я успел закончить монтаж сюжета для новостей, как раздался голос сверху. В телефонной трубке материализовался командир вертолета Алексей Павлович Кочерыгин:

– Там звонил нам в отряд зампреда Киргизспорткомитета. Заяву дал на спасработы: американцы где-то в Нарыне потерялись, неделю от них ни слуху ни духу. Метал гром и молнии, грозил до Масалиева дойти, если не найдем. Сказал, что ты был последним, кто с ними разговаривал. А у них послезавтра билеты «нахт фатерлянд»! Международный скандал может быть. Лететь надо!

– Не в «Фатерлянд», а в «Юнайтед Стэйтс», в Америку им надо, в Аризону, Палыч. В город Финикс, там тепло. «Финики» они.

– Да я в школе немецкий учил. Только вот и помню «хенде хох» да «Фатерлянд». На родину, в общем, в Финикию, но нам от этого не легче. Где искать-то будем?

– Заправляйся по полной. Нарынский край – земля бескрайняя. Лишь бы погода была, тогда найдем.

По моей шкале человеческой ценности командир вертолета Алексей Палыч стоял гораздо выше какого-то партийного функционера в лице зампреда спорткомитета, тем более, что тот еще и грозил первым секретарем ЦК Компартии Киргизии. А все будут решать погода и мастерство пилота. И не надо тут сотрясать воздух, пугать атмосферным электричеством и топтать ножками. Пилотом Палыч был высшего класса, лететь с ним можно было хоть к черту на рога.

Через три часа мы уже подлетали к стольному граду Нарыну. Дело принимало серьезный оборот. Уже были подняты по тревоге пограничники. Два высоко проходимых «Урала» с нарядами и собаками уже отправились в Он-Арчу по следам экспедиции, тем более, что в последние два дня в долине резко похолодало, шли дожди, а в горах лег снег. Мы же на короткой посадке прихватили с собой начальника штаба погранотряда и здесь же устроили военный совет. Пока майор тыкал пальцем в свою сверхсекретную карту и измерял расстояния

на ней сверхуниверсальным прибором по имени «курвиметр»¹, Палыч поскреб затылок и изрек:

– Ты реку и ущелье, куда они поехали, знаешь?

– Я ж там три дня гарцевал так, что джигуры² набил. До сих пор ходить больно.

– Тогда вперед. Чего резину тянуть. Там по щели пойдем, никуда твои «финики» не денутся. Увидим.

Верная «Восьмерка» взревела всеми пятью лопастями, которые крутили два двигателя мощностью в три тысячи лошадей. Могучий гром огласил славный город Нарынград и все его окрестности от Орнока до Ат-Баши. Мой Буцефал был посрамлен. Здесь его ржание было бы гласом неразумного жеребенка перед конными ордами Чингисхана. И рулил этими небесными скакунами пилот, поцелованный Господом.

Палыч дал по газам, и машина мощно пошла вверх над хребтами. Нам везло. Под полуденным светилом расстилась прекрасная панорама хребта Джетым-Тоо. Горы в свежем летнем снегу казались специально вылепленными из крема и сливок гениальным кондитером. Ниже, на альпийских лугах, на свежем снегу, отчетливо читались следы двух пограничных вездеходов. Дальше и выше – следы всяческого местного зверья. А вот признаков присутствия в этих краях «финикийских» ковбоев в журнале записей начштаба погранотряда не значилось. Ни следов, ни ковбоев.

Всем хорош вертолет, но слишком шумные лошади собралась в его двигателях. Чтобы что-то услышал собеседник, нужно кричать ему в ухо. Некоторые злые языки называют вертолет «Бетономешалкой», но это от вредности. Если сидеть в зале им. Чайковского и восемь часов подряд слушать лучший симфонический оркестр, то к концу дня на языке будут тоже не очень лестные эпитеты этому действу. После полуторачасовой вертолетной увертюры я отодвинул наушник пилота и закричал:

– Палыч, следов не видать! Наверное, они спрятались в какой-нибудь юрте и пережидали снегопад. Давай пройдем на бреющем по ущелью, может, разбудим.

Палыч кивнул, и машина пошла вниз. Грохот винтов усилился многократно. Вертолет шел над рекой в узком каньоне. Звуки отскакивали от стен и сталкивались внутри вертолета. Это был апофеоз и фортиссимо симфонии под названием

¹ Курвиметр – инструмент для измерения расстояний на карте.

² Джигуры – синяки на ногах, от долгой езды на лошади.

«Спасти человека – не ишака купить». Лопасты, казалось, вот-вот цапанут скалы. Лицо бравого майора приобрело оттенок его форменной фуражки. А я не переживал, будучи уверен, что Палыч знает свое дело и все будет хорошо. После очередного выража этой каньонно-вертолетной карусели мы выскочили в небольшой распадок и прошлись почти по головам наших беглецов.

Палыч набрал высоту, сделал круг и стал медленно и торжественно опускаться на поляну у реки. Через речку был перекинут импровизированный мостик из трех бревен, и дальше в лесу виднелся охотничий домик, в котором и пряталась от непогоды наша теплолюбивая «финикийская» компания. Еще дальше стояли палатки obsługi и коновязь для испуганных лошадей. Вчерашний снегопад хорошо замаскировал ущелье. А народ еще отсыпался после пережитого волнения, поэтому не было никаких следов и мы ничего не могли обнаружить с воздуха.

Уговаривать на эвакуацию никого не пришлось. Радостные ковбои со своим скарбом потянулись к вертолету. Вид у них был, конечно, подержанный. Прямо скажем, не от Валентино! Заросшие щетиной физиономии, обожжённые высокогорным солнцем глаза и щеки, губы в волдырях. Ковбойские сапоги на высоких каблуках, уделанные в грязи и навозе, были явно не для щеголянья в Аризонских кабаках. И венчали все это великолепие широкополые ковбойские шляпы, обмотанные мусорными полиэтиленовыми пакетами китайского производства. К намоканию и протечке шляп в сухом аризонском климате гости явно не привыкли. Дамы были более элегантны, но на подиум явно не претендовали.

– О, Слава! Ты наш ангел-спаситель! Ты появился прямо с неба, когда мы думали, что останемся здесь навсегда! – кричала Одуванчик, узрев меня.

– Нет, ангел – это вот шеф-пилот Алексей, а я так, помощник ангела!

Здесь подошел Тимур и внес ясность в развитие сюжета «Пропавшая экспедиция». После моего отъезда путешествие продолжалось, как в сказке. Наш караван-баши и следопыт Сабырбек призвал в качестве помощников своих сыновей, и все лошадиные и кухонные проблемы разрешились. Конечно, в программе были переправы через бурные реки и крутые тропы, но это нормальные атрибуты конного путешествия в горах. А вот снегопад в конце августа – это особая фишка Тянь-Шаня. Снежный шторм был такой силы, что Сабырбек с трудом отыскал тропу к охотничьей зимовке. Американцы полюбили

нашего лесника, как отца родного. При расставании простодушный Сабырбек предложил Шерифу в знак дружбы, как ему казалось, равноценный обмен:

– Я тебе свой ак-калпак дарю, а ты мне, туда-сюда, свой шапка даришь.

И Шериф без тени сомнения надел на голову Сабырбека свою ковбойскую шляпу с гербом Аризоны. А на себя напялил выдавший виды боевой калпак проводника.

Конечно, для киргизского мужчины калпак является символом мужского достоинства, и подобный обмен – это дань уважения к человеку. Но когда Тимур шепнул мне на ухо, что подобная шляпа в Финиксе стоит минимум шестьсот долларов, я сильно зауважал Шерифа и попросил Тимура не говорить леснику о стоимости подарка. Ему этих денег и за год не заработать, хотя в этот раз ковбои не поскупились на чаевые для всей obsługi. Надо было видеть лица этих простых сельских ребят, которые впервые в жизни держали в руках распрюклятые американские доллары.

За два часа сборов ненасытное тянь-шанское солнце съело весь снег в предгорьях. Но я успел снять заснеженный летний лес, усталых, но счастливых ковбоев, боевой экипаж вертолета, потом попрощался с Сабырбеком, угостил Пройдоху сахаром. Палыч разбудил свой трехтысячный табун лошадей, а они – и всю округу. Пролетая над пограничными вездеходами, сделали круг и покачались над ними, давая знать, что спасательная операция закончена.

На следующий день ковбои были на приеме в Спорткомитете. Они дали самые хорошие отзывы о своем путешествии. Шериф особенно похвалил нашего следопыта Сабырбека и спросил:

– У вас очень гостеприимные, добрые люди, но как-то интересно разговаривают: чай-пай, шашлык-машлык, шарабара, туда-сюда. Что это значит?

– Ну что вы хотите от простых людей, горцев? – ответил чиновник. – У них это, культур-мультур не хватает!

Не могу сказать, как обстоят дела с культур-мультур у самого чиновника, а вот у нашего Проводника с понятиями – честность, порядочность, профессионализм и доброта – было все на самом высоком уровне. А чай-пай, туда-сюда – это местная особенность, украшение беседы. В Азии живем. «Торописа не надо!»

ПОЭЗИЯ

ЕЩЕ ОДНА ЖИЗНЬ ВЕЛИКОГО ЭПОСА

Дорогие читатели, перед вами первый русский перевод фрагмента эпоса Манас из многотомного наследия крупнейшего представителя «кыргызского зарубежья» – манасчиписьменника Жусупа Мамай, созданный известной поэтессой и переводчицей Светланой Суловой.

Этот литературный факт заслуживает особого разговора – как о конкретном переводческом опыте, так и о том, что же происходит сегодня в кыргызской литературной культуре. И предмет разговора данным предисловием никоим образом не исчерпывается: это нелегкая тема, и развивать ее в дальнейшем необходимо, причем последовательно, в не самых, порой, благостных дискуссиях, не отворачиваясь от острых и тревожных проблем, экстраполируя их на всё, что мы имеем.

В каком состоянии находится сегодня наш эпос в его материнской среде (ибо это земля, родившая героя Манаса) и, одновременно, в среде сыновней (сегодняшнее поколение – его потомки в нравственном смысле)?

Этот внешне простой вопрос полон скрытого значения.

Первое: никогда еще имя национального героя и реалии его бытия не были окружены таким почетом и вниманием. Но если приглядеться, это почтение – лишь фиксация обстановки, когда из эпоса можно выкачать как можно больше социокультурного капитала, энергии бренда, использовать эту энергию, когда за всем этим можно спрятать трещины в стене национальной самоидентификации.

Второе: начав ощутимый подъем в пору своего 1000-летия, переводясь на другие языки, оживая в старых (русских и немецких) и новых (турецком, английском, финском) переводах, спустя четверть века на наших глазах «Манас» эту культурообразующую энергию утрачивает.

Третье – спросим:

- существует ли полная версия вариантов эпоса на кыргызском языке? – нет;

- есть ли относительно полный перевод эпоса на русский язык? – нет;

- произошло ли что-то новое в выходе эпоса к международной аудитории – нет, а если и произошло, то, на мой взгляд, не в лучшую сторону;

- есть ли корпус текстов академического многотомного издания устно-поэтического варианта эпоса? – нет, и не предвидится.

Выводы несколько тревожные...

Закономерно (природа не терпит пустот), что истинные патриоты отечественной культуры заявили о намерении перевести на русский язык и опубликовать весь гигантский массив письменного варианта «Манаса». К переводу привлекается авторитетный специалист. И рождается еще один дискуссионный вопрос: а что же это такое – синцзяньский «Манас» и его «сказитель»?

Место сказания синцзяньского манасчи Жусупа Мамайя в современной манасологии – особенное.

Он единственный манасчи, о котором одновременно можно говорить и как о собственно сказителе, и как об авторе в литературном смысле: он сочетал в себе изустное и письменное начала. Единство этих начал в одном человеке – преодоление неизбежной цивилизационной стены, по разные стороны которой – документ, создаваемый изначально в письменной форме, и рождающаяся на глазах песнь древнего рапсода.

Добавим, что Жусуп Мамай был в своем народе стихийным манасоведом - глубина постижения им историко-художественного контекста – «семь поколений героя» - не имеет аналогов. Он родился вдали от материнской культуры «большой Киргизии», его самого и его соплеменников как бы миновала история созревания современной культуры кыргызского государства, где сегодня (будем откровенны) такой текст национального масштаба воспринимается внешне уважительно, но и с некоторой настороженностью, в лучшем случае – снисходительно..

На эти вопросы предстоит не без труда ответить будущим исследователям, тем более, что аналитико-синтетический уровень настоящих в последние годы ощутимо снизился.

Я же ощущаю твердую уверенность: поэтический опыт и чутье, созидательное дарование заслуженного деятеля культуры Кыргызстана Светланы Суловой, ее этнокультуроведческий такт, ее внимание к поэтике кыргызского эпического стиха, ее любовь к истории кыргызской земли – все это послужит творческой удаче.

Эпос «Манас», вышедший из-под крыла просветителя Жусупа Мамайя, зазвучит на русском языке так, словно он ро-

дился из уст коллективного автора своего эпоса – кыргызского народа.

Это будет еще одна жизнь великого эпоса, а их у него много!

Вячеслав ШАПОВАЛОВ,
*народный поэт КР,
доктор филологических наук,
лауреат Государственной премии КР*

ЭПОС «МАНАС»

(Вариант сказителя
Жусупа Мамая)

Отрывок из главы «Рождение Манаса»

...Бай Жакып – Орозду сынок –
Выжил, бог ему в том помог.
Балыкарт он оставить смог:
Не боялся Жакып дорог.
Перевал миновал Барскон,
Задержался в Кунёсе он,
Здесь остался, так был пленён
Щедрой зеленью тех сторон.
Скотоводство он знал, любил,
Отдавал ему много сил,
Даже травы он сам косил,
Только их у земли просил.
У калмыков шутил народ:
«Там бесплодный Жакып живёт», –
Мол, не сеет ни хлеб, ни рожь –
Только травы, – такой он, что ж...
Но не знали они, шутя,

Что Жакып много лет дитя
Ждал до слёз, но, жену щадя,
Он об этом молчал, хотя
Сам старейшин пытал о том,
Как богатый, но грустный дом,
Где с женою живут вдвоём,
Осчастливить сумеет сынком.
Самый мудрый сказал ему:
«Счастье селится в том дому,
Где играют с ним, – потому,
Что дитя оно по уму;
Есть обряды – они смешны,
С ними много всегда возни,
Но пришли-то из старины:
Взять корову, причём она
Только яловой быть должна,
На неё, как на скакуна,
Понавешать даров сполна,
В дом ввести, привязать, пусть ждёт;
Добрый знак – если даст помёт.
А ещё говорит народ,
Если хочешь зачать приплод,
Чаще гневайся на жену,
Оставляй тосковать одну, –
Стыд расти в ней... Идя ко сну,
Косы чешет пусть на луну:
Счастье ловится на блесну...»
Бай Жакып всё мотал на ус.
Когда многих советов груз
Стал привычной семейных уз,
Он решился – и впал в искус:
Яловую корову он,
Нагрузив, словно это слон,
Притащил из подворья в дом,
Привязал и оставил в нём.
Сам уехал с женою в лес,
Что в Кунёсе шумел окрест,
И остался в одном из мест,
Пока жить там не надоест.
Для жены Чыйырды нелеп
Был их выезд, – с собою хлеб
Взял он только, к нему айран, –
Словно был не в себе иль пьян.

Не ругаясь из-за еды,
Лишь поплакала Чыйырды,
Напилась из ручья воды
Да заснула: ведь нет беды.
Шёл Жакып на такой обман,
Чтоб не знала жена про план:
Птицу счастья спугнуть легко,
Даже если шепнёшь в ушко.
Чыйырды среди ночи вдруг
Муж приснился: над ней как лук,
Изогнувшись, парил он, вдруг
Слился вместе сердец их стук...
На рассвете к ручью жена
Потихоньку ушла одна,
Удивляясь проделкам сна,
Искупалась в ручье она,
Всё ждала, что Жакып придёт:
Так светло розовел восход,
Что луны потускневший плод
Таял, словно в пиалке мёд.
Распустив свой шатёр волос,
Сев на камень, что в землю врос,
Вновь она задала вопрос:
Так за что же её обнёс
Материнством великий бог?
Что ей сделать, чтоб он помог?..
Вновь навеял сон ветерок,
Показалось? – Жакып не смог
Удержаться: унёс в постель.
Застонала над ними ель,
На бессмертник присевший шмель
Басом выдал, взлетая, трель...

.....

...Вскоре, месяца три спустя,
Чыйырды понесла дитя.
Наизнанку, за дом уйдя,
Выворачивалась, кряхтя:
Спозаранку тошнило так,
Словно выпила натошак
Изумрудный от трав арак

Иль жевала всю ночь табак.
Приставал к ней Жакып: «Жена,
Что с тобою? – ты так бледна,
Похудела... Ты не больна?
Больше мяса ты есть должна».
Чыйырды отвечала: «Нет,
Не хочу я, увы, в обед
Ни ягнёнка и ни коня,
И с бычком ни к чему возня –
Это мясо не для меня.
Не спрашивай, лишь дразня...»
Засмеялся Жакып: «Жена,
Ты здоровая мне нужна.
Если надо – с речного дна
Всё достану тебе сполна.
Девяносто верблюдов враз
Оседлаю, коней в запас
Я возьму, чтоб сыскать тотчас,
Что души моей ждёт алмаз!»
Чыйырды же в ответ: «Беда! –
Не помогут твои стада
И верблюдов всех череда...
Я отвечу не без стыда,
Усмехаться не вздумай в ус:
У меня изменился вкус,
А круженье мне чуждых чувств
Ночью сводит с ума, – боюсь:
Словно сказочный Сумурук,
Повторяя щемящий звук,
Как бессменный сердечный стук,
Вовлекает в незримый круг;
В нём, я чувствую, цель близка.
Выедает глаза тоска,
Как мошка, звенит у виска,
Превращая часы в века...
Что хочу я, не сыщешь вдруг,
Хоть обыскивай всё вокруг –
И леса, и поля, и луг...
Сердце тигра хочу, мой друг,
Сердце тигра!.. Ещё у льва
Съесть язык бы его могла –

Жар желанья теснит, как мгла...
Вот... такие у нас дела.
Ты прости, полежу пойду...»
Снова вырвало Чыйырду,
Застеснялась, что на виду
Рассекретила дурноту.
А Жакып загрустил – увы,
В ту эпоху лишь трёп молвы
От охотничьей шёл братвы:
Что в трофеях, мол, тигры, львы;
Размышлял он: «В Буурултокой
Появлялся ведь зверь такой,
Говорили, смущал покой
Местных жителей год-другой;
А ещё, я слыхал, Чаган
Весть встревожила: мол, в капкан
Лев, не помню, иль кабылан
Вдруг однажды попал, не ждан.
Мне б охотника разыскать
И коня, да и денег дать,
Да побольше, что их считать? –
Лишь бы тигра он смог поймать...
Сам погибну я от стыда,
Чыйырды коль, моя звезда,
Вдруг погибнет, и с ней – мечта:
Не родится ведь сын тогда.
Что я буду, увы, за муж,
Проворонивший жизнь двух душ?!.
Только лев, да и тигр к тому ж
Нереальней алп каракуш ...
Адылбек, мой советник-друг,
Может быть, разорвёт сей круг?..»
Он под вечер покинул двор
И взобрался на косогор:
Полюбили с недавних пор
С Адылбеком на разговор
Подниматься они вдвоём –
Сверху виден был каждый дом,
Каждый двор, суета сует,
Затеплившихся окон свет...
Жёнам бай не открыл секрет –

Где убежище для бесед.
Постояли, взглядевшись вниз.
Огоньки тут и там зажглись.
Лунный диск над землей повис...
Про жену и её каприз
Рассказал бай Жакып, грустя.
«Не она, а внутри дитя
Жаждет этой еды, хотя
Это нравы царя, вождя. —
Адылбек объяснил ему
И добавил: — А потому
Надо сделать всё по уму.
На себя, что смогу, возьму.
Если ищешь ты тигра, льва,
Их в долине найдешь едва.
Нам поможет искать молва:
«Длинноухая голова»,
Что в любом поселенье есть,
Помогать нам почтёт за честь:
Богатеи и беднота
Ждут: зажжётся в роду звезда!
Я надеюсь, что алп Балта,
Что отшельничает всегда —
Младший брат твой, — он по-людски
Нам поможет, но не с руки
Обращаться в тисках тоски
К тем, кто младше, — мол, помоги!
Я помчусь к нему сам, а ты
Обеспечишь приём Балты.
Я надеюсь, у Чыйырды
Хватит сил подождать еды».
Ни минуты не медля, он
В лес отправился... Бедный конь
Мчал в поту, тяжело дыша;
Адылбек же скакал, дрожа:
Вдруг от тряски такой душа
Взмает в небо быстрее стрижа.
Слава господу, обошлось!
К великану незваный гость
Постучался... Был Акбалта —
Вплощённая доброта.

Адылбек рассказал: сюда
Привела его не беда,
Но предвестие: мол, сестра,
Если будет судьба щедра –
Сердце льва или тигра съест, –
То героя родимых мест
Сможет вскоре родить, – с небес
О герое пришла, мол, весть.
Щедр Балта был: за суюнчу
Дал в подарок как богачу
Иноходца, к нему – седло,
Лишь бы с родами повезло!
Адылбек поспешил в село:
Драгоценное время шло.
Собираясь, Балта ворчал:
«Груз Жакыпу не по плечам,
Ножны надобны для меча,
Раз героя уж ты зачал...»
Обратился к жене: «Катын!
Я сегодня пойду один,
Много дел!» – узелок сложил
И за пазуху положил.
Шёл он по лесу как гора,
В третьи сутки пришёл с утра.
Брат встречал его у двора,
Домочадцы и детвора
Тоже высыпали: в глазах
Он надежду читал и страх.
Сам Жакып, Кыпчакбай-сосед,
Адылбек, Чыйырды чуть свет
Ждали гостя... Уже обед,
Как основа для всех бесед,
Ароматом наполнил дом...
Вскоре сели за дасторхон .
Алп Балта дал совет такой:
«Собираться не след гурьбой.
Адылбек стал нам словно свой,
И соседа считай роднёй.
Но других не зови сельчан
И на всех не дели печаль:

Рыщут всюду монахи – чай,
На плечах не гнилой кочан.
Тайна наша – не для зевак.
С ловлей хищников сделай так:
Собери весь скот на сыртах –
На увал отправь табуны
Вниз овец и коров, – они
Чтобы не были всем видны,
Чтоб никто не узнал цены
Нажитому, чтоб мог ты, брат,
Всё, что нужно, без шума брать.
И верблюдов бы в лес, за гать,
Надо тоже бы отогнать.
Денег целый мешок готовь.
Ведь чужая не станет кровь
За ничто рисковать, поверь:
Тигр – очень опасный зверь.
Ты охотникам так скажи,
Не жалея, от всей души,
Что огромные барыши
Тот получит, кто поспешит:
Мол, верблюда возьмёт с седлом,
И коня, а уже потом,
Если тигра ли, льва убьёт,
Забирает и весь доход.
Арифметика здесь проста:
От отары – не меньше ста,
Сорок лучших кобыл – мечта
Для развода пород скота;
Для запасов мясных зимой
Дай десяток коров в забой.
Вспыхнет жадность – так успокой:
Если сын не родится твой,
Для чего тебе деньги, скот?
Пустишь по ветру всё в расход!»
Брат не спорил, сказал: «Готов
Всё отдать я – овец, коров;
От верблюдов до табунов –
Всё! Не трать ни чувств, ни слов...»

Адылбек и Балта смогли
Всем охотникам их земли
Донести эту весть – о том,
Как богатством украсить дом.
Это был очень мудрый ход:
Вмиг нашлось человек пятьсот.
На охоту спеша, народ
Просто думал: богач, мол, мот,
Не доискиваясь причин:
Игры разные у мужчин.
Загоняли коней, спеша –
О чужом не болит душа;
Лес обыскивали, кружа,
Сухостоем лесным шурша,
Всполошили весь тёмный лес:
Барабан, издавая треск,
Спорил с залпами ружей... Влез
В души алчности шумный бес.
Лай собак выгонял зверьё:
Даже ящериц дурачьё
Выгоняло из-под корней;
Горностаев и секачей,
Быстроногих косуль, лосей, –
Столько живности было всей,
Столько прыскало прочь, хрустя,
Словно лес разбегался, мстя.
Вышел волк и застыл на миг,
Глянул мудро он, как старик,
Что задумался вдруг в пути,
Словно звал он: «сюда иди!»
На широкой его груди
Кровь алела в седой шерсти;
Не шатаясь, с презреньем он
Без оглядки ушёл, вдогон
Пробежал, словно тень, шакал,
И неспешно, как аксакал,
Кривошей верблюдов вразвал
Меж деревьями прошагал;
Одичавших коров и коз
Было много, в стадах и врозь,

С ними дикий онагр-гость
В глушь ломился, куда пришлось...
Дым струился среди деревьев:
Так охотники, озверев,
Без разбора стреляли дичь,
Лишь бы цели своей достичь.
Подустала к ночи братва.
Стала алой от жертв трава.
Счесть сумели волков едва,
Тигров, львов было лишь по два.
В поле вынесли всех зверей,
Каждый спорил – где чей трофей,
И решили толпою всей
Все призы поделить скорей.
Бай Жакып указал места,
Где оставил их часть скота,
Денег дал, чтоб была сыта
Вся уставшая беднота;
Сам задумался: «Тигр, лев...
Разживусь ли, две туши съев?
Или, шкуры их пожалев,
Запятнаю свой двор как хлев?
Пусть охотники заберут
Их себе...» Он за пять минут
Сердце тигра достал; у льва
Челюсть смог разрубить едва,
Чтобы, вытянув, взять язык...
Хорошо – подоспел старик,
С Адылбеком пришёл Балта.
Вмиг закончилась суета.
Поспешили, ведь Чыйырды
Всю сводило от ломоты:
От мучительной тошноты
Были даже глаза желты;
Бьётся в муках таких сазан
Весь нанизанный на кукан...
В дом примчались, и великан
Попросил поскорей казан,
Родниковой налил воды
И, толкаясь от суеты,

Чтоб сготовить скорей еды
Для безжизненной Чыйырды,
Вместе стали варить свежак.
В этом каждый кыргыз – мастак:
С тестом может попасть впросак,
А вот с мясом-то – в руки флаг!
Ждали: как же она поест?
Чыйырды за один присест
Съела всё, и румянец щёк
И без слов им понять помог,
Что во чреве её сынок
Голод свой успокоить смог.
Над ожившею Чыйырдой,
Называя её сестрой,
Вдруг навис великан горой;
Из-за пазухи узел свой
Он достал и вручил, сказав:
«Оцени терпеливый нрав:
Жил ещё Орозду-отец,
Когда я – ну, совсем юнец, –
Тайну спрятал твою в ларец,
Чтоб сейчас открыть, наконец!
Был силён наш отец, наш хан:
С ним в борьбу ни один балбан
Не вступал: у семи селян
Перетягивал он аркан!
И какие-то люди вдруг –
В их глазах горел Сумурук, –
Постучались в Сарай... На стук
Вышел кто-то из верных слуг;
Любопытство своё тая,
Смог услышать, однако, я:
Гости прибыли наобум,
Говорили: – Урум, Урум ...
Падишах, мол, чей тонок ум,
Весть доверил лишь этим двум.
Вышел тут из покоев хан,
Стал беседовать с ними сам.
Я же думал: какой удар?
Чьё потомство – небесный дар?..
«Спрячьте!» – так говорил гонец.

Что-то принял от них отец.
Любопытный я был юнец:
Всё вынюхивал... Наконец,
Вижу: что-то зашила мать
В мягкий пояс, что не снимать
Умудрялась, идя в кровать.
Перед смертью лишь мне сказать
Мать решилась, чтоб передать
Смог я весть тем, кто связан с ней,
В нужный час через много дней.
И когда от Жакыпа вдруг
С просьбой странной приехал друг,
Подсказал мой сердечный стук:
Время тайн приоткрыть сундук!
Чыйырды, мол, болеет так –
Просто к смерти ведёт талгак!
Всё я понял в момент, – слабак
Не сумеет из чрева весть
В мир послать, что он хочет съесть.
То вершатся небес дела:
Беркут стал расправлять крыла,
Ты, сестренка, принесть смогла
В мир надежду... Те два посла
Предрекли: так придёт Манас!»
Даже слёзы текли из глаз
У счастливейшей Чыйырды,
Ведь сбывались её мечты.
Попрощались они с Балты.
Он помог избежать беды
И теперь шёл к себе домой
С переполненной головой.
Книгу Судеб он дома взял,
Предсказанье перечитал.
«С давней вестью от урумчан
Всё сошлось... Это значит – к нам
В самом деле Манас придёт,
Ждать осталось неполный год! –
Размышлял он, – Жакып наш прост,
Не хватает он с неба звёзд,
Мне бы надо решить вопрос:
Рядом быть, чтобы не пришлось

После локти кусать, – батыр
Очень трудно приходит в мир...»
Он решился на переезд.
«Рядом с братом немало мест,
Чтоб хозяйствовать дальше... Лес?
Но важнее-то весть небес!»
Дни, недели... Вре́мён помол,
На на миг не прервавшись, шёл;
Пятый месяц во чреве рос
Сын, наследник, посланец звёзд;
Мучил он Чыйырды до слёз –
Заболела уже всерьёз:
С места встать не могла она,
Ноги вдруг отнялись, спина
Ныла, словно в тисках огня,
Рос живот, всё внутри тесня.
Лишь молоденького коня
Резал муж, чтобы есть два дня,
А кобылу – на третий день;
Ела мало жена, как тень
Становясь с каждым днем, увы...
Дом остался без головы!
Верный друг Адылбек, как мог,
Помогал им весь этот срок.
Сам Жакып, не жалея ног,
Вёл хозяйство, жену берёг.
Как-то просит она: «Супруг,
А не мог бы созвать ты круг
Наших мудрых старейшин? – вдруг
Я не вынесу этих мук?»
Кто откажет мольбе такой?
Аксакалы пришли толпой,
Завздыхали все: и слепой
Мог заметить, какой больной
Вид и голос у Чыйырды,
Как глаза горячи, желты.
Полулёжа, она ждала,
Пока старцев вокруг стола
Муж рассадит, и пиала
Чтобы с чаем у всех была,
А потом лишь, глотнув воды,

Начала: «Не хочу беды,
Но к ногам будто смерть пуды
Привязала... Пора бразды
Женских дел передать тому,
Кто управится здесь, в дому:
Выбрать женщину по уму
Мужу надо бы моему,
Пусть при мне приведёт домой.
Я в могиле одной ногой.
Помогите, прошу, – самой
Мне не справиться нике и той.
Брат мой названный – Акбалта,
Что когда-то меня сюда
Сам привёз и с Жакыпом свёл,
Намекнул мне недавно – мол,
Есть кого привести за стол,
Чтобы дом, как и прежде, цвёл:
Здесь живёт она много лет:
Дочь Башбая – Бакдёолет,
Род зовётся её «калча».
Так случилось – она ничья.
Научила рабу камча
Быть выносливой, как арча.
Раз уж вы собрались на круг,
Жертву пусть принесёт супруг:
За бараном вы, съев курдюк,
Дать бата из мудрейших рук
Потрудитесь, чтоб ко двору
Как подходит узор к ковру,
Этой женщины стать и нрав
Подошли бы, в конфуз не впад.
Понимаю, что не к добру
Мелочиться так на одру,
Но ведь вдруг у котлов умру –
Залатает в быту дыру,
Став хозяйкой, Бакдёолет:
У неё недостатков нет;
Провожая же на тот свет,
Сложит добрый кошок мне вслед...
Знаю, каждый из вас в душе
Возразить мне готов уже:

Что жены у Жакыпа – две.
Всё скажу я вам о вдове:
Выбрал в жены Жакып Магдым
Оттого лишь, что стыд, как дым,
Взгляд затмил ему, боль беды
И порыв замести следы
Выбор сделали спешный тот;
Только свадьба прошла – и вот
Дел нашёл он невпроворот:
Гнать табун, проводить окот,
Выпасать на джайлоо скот...
Напридумал себе забот
Для того, чтоб в селе одна
Беззаботно жила жена.
Пока я не вернулась в дом,
Муж мой, только виной ведом,
Жил без ласки и без еды...»
Нет, не ждали от Чыйырды
Столь правдивых и мудрых слов:
Словно сдёрнула вдруг покров
С чувств, с болезненных их узлов...
Был заплакать Жакып готов,
Соглашаясь во всём с женой,
С ней мечтая лишь быть – с живой.
Аксакалов же круг решил:
Дальновиден такой посыл –
Ей набраться ведь надо сил,
Чтоб всевышний не погасил
Искру жизни, что в ней зажёт,
И самой бы продлил ей срок.
Значит, прежний учтя урок,
Надо нынче же на порог
Привести им Бакдёолет,
Раз других предложений нет.
И Жакып согласился: что ж,
Где хозяйку ещё найдешь?
Подзадорив себя слегка,
Выбрал жирного лошака,
Быстро праздник провёл, пока
Чыйырды дорогой рука

Направленье могла бы дать:
Что, и как, и кому подать.
У девчонки, что ввёл он в дом,
Опыт мал был, зато при том
В дом порядок внесла и лад,
И за старшей женой пригляд,
А старанье и милый взгляд
Очень нравились всем подряд.

Месяц скоро настал, когда
К Чыйырды пришла череда
Схваток-вестников: высота
Новой боли была взята.
За два дня она, не присев,
Совершила обряды все,
Чтоб младенец, что был уж близ,
Знал, рождаясь, что он – кыргыз.
И Жакып не отстал: в миру
По всем правилам кёкберу
Он провёл и раздал в селе
Деньги, мясо, муку... В котле
Чтоб у всех на его земле
Брашно множилось на столе,
Чтоб хвалили жену дома –
Помощь к месту была весьма.
И, действительно, пятьдесят
Крепких женщин да их ребят,
И мужей, – в общем, стар и млад
К ним отправились на подхват.
По кобыле Жакып варил
В день для них, не жалея сил;
Каждый лепту свою вносил:
Кто для варки дрова носил,
Кто-то воду таскал с ключа,
Кто кухарил, а кто с плеча
Со сноровкою палача
На подворье у богача
Резал скот... И любой сосед
С умным видом давал совет:
Как выманивать плод на свет,
Как весь дом оградить от бед...

Кипу хлопка Жакып на шест
Прикрепил, и с шестом залез
На тундук чей-то ловкий сын,
Вниз свободный конец спустил
И держал из последних сил,
Пока кто-то не заместил.
Так, меняясь, держали шест
С чистым хлопком часов по шесть,
Приговаривая, что есть
Что-то в этом, а что? – бог весть.
Есть у женщин одна черта:
Вводит женщин в азарт тщета,
Коль не спорится ни черта –
В бой бросаются без щита.
Вот уже и Жакып поник,
Ну, а женщины хором в крик:
«Вот сейчас, вот уже идёт!»...
Заполосный такой народ.
В шестьдесят голосов их хор
(Прибывало сельчан во двор),
Закричали во весь опор:
«Вот он, вот он – идёт!» – задор
Шумных женщин для Чыйырды
Сил напрячься ей дал... Жгуты
Из пелёнок пустили в ход,
Чтоб тащить из утробы плод.
И бешик принесли – оплот,
Что родится дитя вот-вот.
То один, то другой на тёр
Проходили, загнув ковёр, –
Пастухи, коневоды – с гор
Люд спускался, услышав ор.
«Кто родился?», «В бешике?», «Спит?»...
Отвечать всем устал Жакып,
Что ребячьего плача он
Сам не слышал... Со всех сторон
Шли сельчане... Вот так в сезон
Журавлей собирает гон.
Из утробы со всхлипом вдруг
Показался какой-то тюк;
Потянули его гурьбой,

И поднялся истошный вой:
«Что такое?! Кошма?.. Коса!»
«Правда! – лопни мои глаза!..»
«Дай потрогать!», «Не трожь! Нельзя!..»
«Что за новые чудеса?!»
«Синий кокон...», «И он не пуст!»,
«Он на косу похож...», «Боюсь!»,
«Знак каких-то небесных уз?»,
Чыйырды же лишилась чувств.
Прибежал и Жакып на крик.
В это время как раз старик
Адылбек заглянул на миг:
Верить он лишь себе привык.
«Адылбек, может, врут глаза?
Посмотри – родилась коса!..», –
Так Жакып старику сказал,
В дом завёл, припустившись сам
За монахом скорей в село:
Всё, мол, как-то не так пошло,
Ждал я сына – не повезло,
Небо сделало всё назло;
Все смеялись: «бездетный!» – бог
Посмеяться, увы, помог.
«Почему он ко мне жесток? –
Говорить он едва уж мог, –
Хоть калмыкский мулла ты, но
С богом водишься так давно,
Знаешь много чудес земли,
Поскорее, монах, пошли!..»
Косу только увидел тот,
Вмиг прошиб его сильный пот,
Удивиться успел народ
Как он выбежал из ворот:
«Вон, монах убегает – глянь,
Позавидовала бы лань!»
А Жакып, как в иные дни,
К изголовью припал жены,
Молча замер, бледней стены,
Виноват во всём без вины...

Пока бога Жакып ругал
И монаха в селе искал,

Мудрый друг его, аксакал,
Поскорей Акбалту позвал.
Великан прибежал бегом,
С предсказаньем он был знаком:
Не коса, не кулек, не ком –
То в рубашку небесный дом
Завернул малыша, чтоб он
Был отличным от всех рождён.
Хоть и очень Балта спешил,
Он за пазуху положил
Приготовленный узелок
С чудной парой золотых серёг.
А едва вступил на порог,
Разразился тирадой: «Бог
Не велел всей толпой стоять
Над гнездом, где рождает мать.
Если прутья переломать –
Всей чинаре не устоять.
Вы шумите, галдите здесь,
Заглушаете неба весть,
Все на улицу быстро! – честь
Поимейте: в постель не лезть!»
А Жакыпу сказал: «Скорей!
Ведь монах приведёт друзей –
Тех калмыков, чей хан-злодей
Не считает нас за людей!
Домик с крышкой ребёнку дал
Тот, кто в помощь его послал
Нам, кыргызам... Беги во двор,
Там я видел с недавних пор
Ощенился тайган... Как вор,
Чтоб не понял он свой разор,
Двух щенков забери, бегом
Принеси под халатом в дом!»
И Жакып, одурев от слёз,
Вмиг послушался и принёс
Двух щенков; а Балта разрез
Сделал в «синей косе», залез –
Там посланец лежал небес:
Крупный мальчик... Немалый вес

Ощутила Балты рука:
Он пытался встряхнуть слегка
Драгоценного малыша,
Чтоб проснулась его душа,
Тот немедленно задышал
И ладони свои разжал:
Кровь – в одной, а в другой был жир!
«Всё в порядке: пришёл батыр!»
Тут же в «косу» взамен плода
Двух щенков положил Балта.
Вмиг позвали Бакдёолет,
Чтоб мальчика унести от бед.
Из простынки свернув пакет,
Завернули в него – не след,
Чтоб заметили вдруг дитя
Эти толпы зевак... Хотя
Можно было бы дать шутя
Ему даже и девять лет!
Попыталась Бакдёолет
Малыша приподнять, в ответ
Вдруг померк для неё весь свет:
Так ошпарила боль в спине,
Что-то хрустнуло в глубине...
Не под силу второй жене
Малыша унести – во сне
Он разлётся, как на лугу,
И кого-то всё звал: «Агу...»
Боль согнула её в дугу,
Слёзы брызнули: «Не могу!»
Взгляд зажёгся у Чыйырды:
«Эй, бесстыжая, что ли, ты?!
Как твоя поднялась рука?!
Отдавай моего сына!»
Что же делать?!.. Скорей в кровать
Уложили дитя и мать,
Так укутали – не видать
Кто лежит, и велели спать.
Тут с подмогой пришёл монах:
Любопытство сильней, чем страх.
На глазах у него «косу»
Разломали, и, на весу

Двух щеночков держа, Балта
Закричал: «Все сюда, сюда!
Что такое?! – Беда! Беда!»
Заварилась тут суета.
Увернулся один щенок,
Спрыгнул на пол и за сапог
Стал монаха хватать, рыча,
Тот, испуганный, сгоряча
Отбиваясь, убил щенка ...
Тут народ зароптал слегка,
Проклиная его в душе,
Ну, а кто-то и вслух уже;
А монах-то, сомлев, упал.
Всех из дома Жакып прогнал,
Повторяя: «Калмык умрёт –
Мой за это ответит род!»
Разошлось по домам село.
Кто-то с грустью: «Не повезло!»,
Кто-то с радостью тайной:
Зло – это зависти ремесло;
Кто-то лишь посмеялся вслух,
Запуская нелепый слух:
«У Жакыпа жена-то пса
Родила... В животе коса
Разрослась, задушить грозя...»
Кто-то выдумал порося,
Кто – оленя, а кто – гуся...

Больше всех пострадал монах,
Испытавший безумный страх:
Чтобы в чувство вернуть его,
На тонзуру, как того,
Натянули кусок кошмы,
Ну, а чтоб не боялся тьмы,
Подожгли – ведь огонь умы
Очищает, как снег – холмы...
В самом деле – монах вскочил,
От огня поднабравшись сил,
И, ворота найдя с трудом,
В страшной спешке покинул дом,

По дороге ворча притом:
«Чёрт побрал бы их с этим псом!»
Забывая, что принесён
В жертву страхам его щенок,
Причитал он: «Ну, как я мог
Выбрать в тысяче всех дорог
Богомерзкий сей уголок?!
Нет! Немедленно еду прочь!»
Вмиг собрался, уехал в ночь,
Лишь бы выбраться из села...
Что ж, дорога ему была
Чистой скатертью со стола:
Так желали ему без зла
Все, к кому эта весть дошла.

Лишь убрался монах, народ
Вновь к Жакыпу вернулся – тот,
Кто от века зовётся «род», –
Суть всей нации, а не сброд,
Именуемый как «толпа»...
Умный понял: спасла судьба,
Подменив для тупого лба
Их батыра, что бог, любя,
Дал кыргызам, о них скорбя.
Что ж, от умных Жакып не скрыл
Эту новость, что одарил
Их Всевышний защитой крыл...
В честь ребёнка он стол накрыл,
И начался великий той:
Ведь к кыргызам пришёл герой!
По обычаям старины
Дали мальчику май – сыны
Сразу сытыми быть должны:
Ведь в достатке лишь мы сильны.
В этом женщины знали прок:
С маслом ринулись на порог;
Чыйырды и сама-то впрок
Запаслась, ожидая срок.
Все старухи большой гурьбой
В дом рванули, как будто в бой,

Столько шума создав, «Ой, бой!» –
Издавая наперебой.
Испугался малыш еды:
Масло в рот ему Чыйырды
Положила: «Соси, сынок!»
Он поморщился лишь – поток
Ливней хлынул с небес... Едок,
Проглотив поскорей глоток,
Закричал во всю мощь – и град
Стал исхлестывать всё подряд.
В чаще леса, как говорят,
Не осталось козлят, телят –
В страхе все разбежались вмиг;
У озёр изменился лик –
Волны выплеснули всех рыб;
С гор катились громады глыб...
А когда он ногою сшиб
Ложку новую с маслом – скрип
Вдруг раздался из недр земли,
Горы волнами вдаль пошли;
Птицы, в небо взлетев, галдёж
Учинили, попав под дождь;
Старики, да и молодёжь,
Слыша крик, не сдержали дрожь,
Две старушки изнемогли:
Пали оземь и погребли
Под собою мальчика, что мать
На жентек разрешила взять...
От младенца отстали – спать
Захотел богатырь опять.

Праздник длился весь день. Сыта
Вся округа была, когда,
Старцы сделали всем бата,
И толпа разошлась... Балта
Попросил: «Принеси сына!»
Покачнулся Жакып слегка,
Поднимая своё дитя,
«Не дорос до него!» – шутя,
Отдал дяде ребёнка, тот,

Приоткрыв от волнения рот,
Посмотрел на ладонку: «Вот
Знак небесный: любой прочтёт
Букву «М» на ладони, враз
Догадавшись – пред ним Манас!»
И Балта порешил: «Мы знак
На другой поменяем – так
Не поймёт ни один дурак,
Что Манас он... А чтоб впросак
Попадали и поумней,
Имя выберем поскромней,
И оставим лишь в нём намёк:
Мол, судья ему – только бог,
А монахам пусть невдомёк,
Где, мол, в имени том исток...»
Было трудно изобрести
Имя мальчику, чтоб расти
Не мешало, и впереди
Беды разные разгрести;
Предлагали «Жарык» – «Свети!»,
«Ай-аалам», просто «Ай» ... «Жинди! –
Закричал Акбалта, – и «Чон»
Мы приставим к нему как фон!
Сумасбродом Великим он
Будет в зеркале всех времён!»
Согласились на этот раз
Адылбек и Жакып. Тотчас
Знак, что буквой был «М», угас,
Стал невидим, не напоказ...

.....

Художественный перевод
Светланы СУСЛОВОЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ РАЗНЫХ ЛЕТ

Максиму Щербакову

Почти одинаковы: род, рать,
деревьями в белых шарфах спать.

Добро с кулаками: под дых, влет,
нескладного времени кровь, пот.

Потом устаканится: рвань, хлябь,
а в Киеве весело – гробь, грабь.

А если зацепит (февраль – лют),
Затянется рана, как льдом пруд.

*«Я просочился в щелочку, меня не стало...»
Александр Козлов*

Мне жить разрешалось с людьми, но я был обязан
звонить в колокольчик, который носил с собой,
а смерть не за каждым следит, но за всеми сразу,
поэтому мне уже тридцать и я живой.

Когда в феврале из державной обертки – зверем
я выпал на снег (Боже, элиосон имас!),
деревья молились, раскачивались деревья
и в темной воде отражался один из нас.

По живому пространству, где фосфор
оставляет чахоточный след,
я прошел невесомо и просто:
без знамен, без потерь, без побед.

Там о смерти ни слова – не каркай:
ворон ворона не заключает!
На какие военные карты
нанесут этот пеший поход?

Я ходил по холмам и пригоркам
(хочешь смерти – так быть посему),
но ни корки теперь, ни полкорки
я с чужого стола не возьму.

Стану бродягой, чтоб гнали меня взашей
От порога дома с белым заборчиком.
Идти по мосту и бояться летучих мышей,
И писать, словно врач в поликлинике, неразборчиво.

Видеть другую столицу, не ту, которая
Нарисована на коробке конфет «Киев вечерний»,
С теми, кого в пять утра забирает «скорая»,
После драки на Гончара у кафе «Харчевня».

И пока не открыли метро, тишина сладкая,
Обволакивает, убаюкивает: сдайся,
Но к тебе не добраться, никак, ни с тремя пересадками,
Ни с помощью GPS или других девайсов.

Я хожу оборванцем, и с Щорса сворачивать
В переулок Орешкова мне как-то совестно.
Собираются осенью дни укорачивать
Или солнце над городом выключат полностью?

Настоящего времени тучи налитые
Ветер тихо уносит, и прошлого нет уже.
Черно-белого фото пространство закрытое,
Будь такую, как есть, обойдемся без ретуши.

Снег сам собой не образует мифа:
мы бабу снежную лепили — дети скифов,
сакральный смысл оставив на потом,
с кургана покатались кувырком.

А зимы были страшные: страшнее,
чем ночь в бомбоубежище. Дощечки
привязывали вместо лыж к ногам;
и даже если дом не уцелеет,
то в кухне летней как-нибудь у печки
перезимуем и хвалу богам
весной, когда снега сойдут с курганов,
мы выразим посредством истуканов.

Из дома сбежал я, как будто скатился вниз,
Никого ни о чем не спрашивал.
Потом оказалось: мы сделали трое из
Простоквашино.

Вещи собрал за пятнадцать минут: айпад,
Что-то на первое время из шмоток ношенных,
И откуда узнал я: в деревне дома стоят
Брошены.

Родители сразу, конечно, пошли к ментам,

Днем из дома не выйдешь, чтоб мне прокормить
свою братию,
Приходилось ночами ходить по колхозным полям
С металлоискателем.

И пока по ломбардам рассовывал, что нашел,
Брал коту молока, а собаку кормил пельменями.
Так бы длилось и дальше, но Печкин в «АЛЛО» прочел
Объявление.

И пока я на дурке лечился от наркоты
(Потому что я справлюсь, сыночек у мамы умница),
Кот Матроскин жил впроголодь, так же, как все коты,
Шарик с клипсою в ухе бродил по холодным улицам.

*«Следи за собой, будь острожен...»
В. Цой*

У деревьев своё ощущение времен, и близки им
Ожиданье дождя, сила ветра, дорожная пыль,
Воздух после грозы, как дыхание новой России,
У которой всегда две дороги в один монастырь.

Это слово само появилось, и точками Брайля
Проступило, когда от меня отошла темнота,
И встречал я тебя, легким привкусом вечного мая,
Лепестками черемух целуя родные уста.

А потом я уснул, как под лед провалился, но сон мне
Не принес облегченья, и я не боролся за жизнь,
Я теперь параноик – и возглас диакона «Вонмем»
Для меня означает: следи за собой, берегись.

Ночью я видел звезды обоих полушарий
одновременно (небо было почти молочным).
Будущее разбухло: оно вмещает
теперь и меня, но пока не точно.

Тошнит от русской весны, что продолжит собой украинскую зиму. Копоти шин стало меньше, запах въелся в Крещатик. Родинка над губой помогает тебя отличить от других женщин

даже в толпе. На руке ожег от раскаленной бутылки из-под белого полусухого. Я привыкну к тебе и проснусь, просветленный, в шесть или, может быть, в полседьмого, проснусь, чтобы жить.

В такой глуши, где воздух был нетронут, не попадавший в легкие ничьи, там в озере образовался омут, а вдоль холма прорезались ручьи,

там продолжалось Божие творенье уже само собой, без повеленья.

Земля вторично жизнь произвела, и там, где прежде глина розовела, лежало человеческое тело, а позже рядом женщина прошла.

Все прочее осталось на бумаге, и устыдились мы, что были наги, перебрались в седьмой микрорайон, где сам не помню, сколько лет живем.

Рука качает детскую кроватку, на тремпеле сто лет висит пиджак. Закат угас, и звезды в беспорядке – в созвездия не сложишь их никак.

Дмитрий САГАЙДАК

СТИХИ

Камни смеются

Камни смеются над тем,
Кто, сдуревши, отважился выйти навстречу горам,

Кто посмел
Оказаться в стране, где не водится сахарных драм.

Острых капель расстрел
Забросает вопросами с ног до самой головы.

Что ты в жизни успел,
И к чему ты за всю эту жизнь прирастался, привык,

Все это прах,
Как те скалы, что рано или поздно станут песком.

Им неясен твой страх,
Чтобы землю обнять, с их вершины лететь высоко...

Бог не хранит
Эти дикие земли, им так хорошо без него.

Красный гранит,
Не плененный царем городских коммунальных неволь.

Кто ты такой?
Как зародыш, свернулся, лежишь на безликой траве.

В небе огонь
Убедительно скажет, что в мире никто не правей.

Камни стекают, смеясь,
Под ногами людей, уходящих к вершине тропой.

Речка воет, змеясь,
И в песок окунаются ноги стопа за стопой...

Воспоминание

Сырою кистью разрисован
Вечерний уличный каскад.
Я не рисую. Разве словом,
Да и смогу ли отыскать

Те краски, что опишут верно
Предгорий зябких естество.
Там лед уже сучится в дверь, но
Не разошелся на все сто.

Колодец каменистый, серый,
Где воздух сделался водой...
Здесь душная стена висела,
С природой принимая бой.

А память вывески сдирает.
Вот так же, в детстве, воздух пел.
Неписанного кистью рая
Неторопливый был расстрел.

Но я не знал, я пил прохладу,
Гуляя с матерью вокруг
Танцующего лихо града,
Что был безденежен и крут.

Атласных сумерек аллеи
Свели неясное с былым.
Здесь, на асфальтах, околели
Легенды, что давно цвели.

Как много ног, как много судеб
Искали хлеб, искали кров
И счастье, все продав по сути,
А, может быть, скупая впрок.

Всем было и свежо, и зябко,
Сгущалась вечера краса,
И дни за днями шли вприсядку,
А воздух – как года назад.

Туман

Туман мне зренье слепотой пронзил,
Нагие ветви - лапки пауков.
Попробуй что-то у него спроси –
Нарвешься на ответ, как на укол.

Заворожённо оглянусь кругом -
Разлита над землею акварель,
Равнина дремлет в облаке глухом,
Не пробудит ветра свои Борей.

А человек зажег так много лун,
Так много света у себя собрал,
Как будто дня великого канун,
И скоро в небе зазвучит хорал.

Но все молчит, и, правду затаив,
Туман, усталых путников пророк,
Надолго правду с полусветом слив,
Мне нашептал, что путь еще далек...

Образ

Рисунок характера писан на стеклах
Изящными кисти штрихами,
И краска, покуда еще не подсохла,
Вбирает и свет, и дыханье,

И мысли создателя, но, засыхая,
Рисунок становится крепче.
Художник, отбросивши кисть, отдыхает,
И образ, расправивши плечи,

Слетает, питается едкой капелью
Из мыслей и ассоциаций
Обычных людей, что ныряя в неделю,
До новой мечтают добраться.

Его разговор черным цветом печатан
На ткани забот и коллизий,
Кто верит ему, кто к нему беспощаден,
Он – вечность в монашеской ризе.

И каждый читатель немного писатель,
А зритель – немного художник,
Пусть будут фанфары и слава некстати,
Но в долгих неделях дорожных,

И в доме любом, и в мелованной школе,
И там, где царит Мельпомена,
Сияющий образ закроет рукою
Все то, что мертво и что брэнно.

Сквозь время, стирая в руины эпохи,
Он в сумраке светит продрогшим,
Всю мощь его будто бы создали боги,
Не люди, чей век краткосрочен.

Творения гениев, образы мира,
Вместилища счастья и плачей,

Живут, лишь бы память людей их хранила,
А голос их нежен и вкрадчив.

Пожелание

Умей хранить от всех дверей ключи,
Покуда вход навечно не задраен.
Себя быть осмотрительным учи,
Умей начать и завершить за здоровье.

Распахнутые двери не зовут
Тех, кто от них однажды отвернулся,
Коль потерял ключи – о том забудь
И успевай найти иное русло.

Опасен этой жизни лабиринт,
Не привечает он и не жалеет,
И много еще жизней в нем сгорит,
Но слабый в нем сумеет стать сильнее.

Пытайся быть, стремись не выбывать,
Держись за шансы – все они бесценны.
Никто потерям не кричит: «Виват!»
Но путь прошедший будет признан всеми.

Раздраженная буря срывала рекламы,
И они трепыхались, как старые тряпки.
Ей природой дано бушевать невозбранно,
Быть несдержанной, рушить людские порядки.

Ну, а всё человечье спокойно как будто,
И внешне как будто ко всему благосклонно.
По раскопанным улицам, всё перепутав,
Человек идет зигзагами сонно.

Человечно-невечный город ржавеет,
Истерию погод переносит молча.

Остановка обшарпана. Ряд скамеек.
На одной бездомный скрючился... Полчищ

Людей хватает, чтоб рыть окопы
Для чадающих гарью дорожных танков.
Оранжево-грязная всюду роба –
Как символ тех, кто ниже рангом.

Грязь - практически вечность, хоть сказано броско,
Кажется, будто въедается в кожу,
Наполняя все тело, доходит до мозга,
И судьбу человека взрывает, корёжит.

Неустроенность, скорченность нагромождений,
Хаос в мыслях, всё рушится, строится снова.
Время целит в людей, как в простые мишени,
Только станут ли люди умней? Полшестого

Нам расскажут, как варвары сносят Пальмиру,
А ливни питают бурьян у дороги,
И каждое новое дело - как мило -
Воскресит сто неслеланных при царе Горохе.

Перепаханность улиц сравнивают с бетоном,
Варвары будут кривляться и резать,
Пока их не свезут в турне по притонам,
А пасмурность дней отучит быть трезвым.

Куча важных бумаг задохнётся от пыли,
Пир элитных господ будет щедро проплачен,
Где-то будут тонуть в разозлённой стихии,
Здесь не сыщешь порядка, рассудка и сдачи.

Мир слишком тонок

В твоих глазах мир застыл, как на фото.
Ты улыбаешься криво, смотришь с прищуром.
Кипит час-пик. Или рвется в атаку пехота,
И чьи-то крепости рушатся с шумом?

Нет. Тишина и, возможно, порядок.
Наутро главная цель - воскреситься из мертвых.
Сложить, как кубики, каждый час кяду,
Не ошалеть от кондовых аккордов.

И все же там еле-слышно, но часто,
Как пульса стук, стали взрывать трубы,
Навзрыд о мертвых помолится пастор,
И под снарядами лошади рухнут на крупы.

Отвлекся... Все, несомненно, по плану.
Костюм, сорочки, на лбу деловитая складка,
А рядом разорвана карта на страны,
А там - пальба, кто-то сжался от страха.

Выходишь... лестница в десять ступенек
Изгрызана мелкими пулями, залита смертью,
И мысли - не о количестве денег,
А о письме в треугольном конверте.

Дойдет ли к матери в дом до того,
Как твоё тело прошьют иглы в девять граммов
Под крики «Ура» или, может, «Jawohh!»
И кто-то шепнет, мол, ушел слишком рано.

Да нет, это сон или подсмотрено в фильме.
Люди качаются на волнах быта,
Но мир слишком тонок, и мы бессильны
Укрыться от пули, что будет отлита

Простыми смертными по простому приказу
Тех, кто не сумел сговориться.
И кто-то с утра забрызгает красным
Синеву моря и прохладу бриза...

ПУБЛИЦИСТИКА

Эрнст АКРАМОВ

ВРАЧ: ЕСЛИ Я ЗАБОЛЕЮ...

*Из сообщения министра здравоохранения СССР
Е.И. Чазова:*

*у нас в стране работает третья часть всех врачей
мира;*

*в нашем распоряжении 3,3 млн. больничных коек - в
3,5 раза больше, чем в США;*

*30 процентов наших больниц не имеют водопровода и
канализации;*

*у 10 процентов врачей квалификация - ниже самых низ-
ких норм;*

*в наиболее тяжелом положении находятся медучрежде-
ния республик Средней Азии.*

К широко известному призыву «Берегите здоровье!..» я бы добавил: «...особенно в условиях Киргизии». Быть пациентом любой из наших клиник, включая и ту, где я работаю, – серьезное испытание, сопряженное с риском. Двадцать восемь лет профессиональных занятий хирургией (а это десять тысяч операций, из них более трехсот – в условиях сельских и районных больниц, куда приходилось добираться самолетами санавиации) позволяют мне компетентно судить о нашей системе здравоохранения, которую я изучил, как свои пять пальцев, начиная от научно-исследовательских институтов и кончая клиническими учреждениями. Зная, кто из моих коллег на что способен, особенно когда речь идет о серьезном хирургическом вмешательстве, лично я не лег бы под нож ни к одному из них. Потому что, говоря врачебным языком, сегодня вся медицина республики настолько больна, что сама нуждается в авторитетном консилиуме специалистов и в срочной опера-

ции. Сложилось положение, при котором древние восклицали: «Врачу: исцелися сам!».

Истоков у болезни так много, что сразу и не перечислишь. Но вот, мне кажется, главные из них:

слабая материально-техническая база здравоохранения, ярко выраженная социальная несправедливость, падение престижа профессии, протекционизм, отсутствие врачебной школы.

Итак, материально-техническая база. Писано-переписано во всевозможных печатных изданиях о том, что клиникам катастрофически не хватает хирургического инструмента, научной аппаратуры, материалов для послеоперационного ухода за больными. Ни на миллиметр дело не сдвинулось с мертвой точки.

Чтоб стало понятно, что моим пером движет не каприз, не стремление поворчать на тему о наших недостатках, а исключительно забота о пользе дела, приведу такой наболевший пример. Нашей республиканской больнице уже который год подряд не удается выпросить новое оборудование для эндоскопических исследований – аппараты, которые зондируют желудочно-кишечный тракт, проводят бронхоскопию легких. Оборудование это необходимо, как солнце, воздух и вода! Без него невозможно вовремя и точно поставить диагноз, иначе эта процедура тянется долго и нудно, так что пока врач силится распознать болезнь, больной или сам выздоровеет или помрет. Ратуем за раннюю диагностику, кричим на всех углах о всеобщей диспансеризации, а что толку?

На всю республиканскую клиническую больницу - один японский эндоскоп, рассчитанный на пять тысяч исследований. Он свой ресурс перекрыл уже раз в десять, а мы его используем, используем... Другого-то нету. Отечественные аналоги доброго слова не стоят, они в эксплуатации ненадежны, к тому же безбожно врут. Будь такая возможность, хирурги пустили бы шапку по кругу, чтобы собрать денег и купить в Японии новый эндоскоп, - нельзя, он продается только за валюту...

Всему миру известно, что мы очень богатое государство. Мне кажется, даже сверх меры богатое - где еще позволят себе выбрасывать миллиарды на ветер, экономя при этом гроши? В какой-нибудь малой европейской стране пациент проводит на больничной койке день перед операцией и макси-

мум десять дней – после. Причем за качество лечения можно ручаться, оно - на высоте. Дело в том, что все заботы предоперационного периода берут на себя поликлиники, определяющие диагноз в самые сжатые сроки и с высоким процентом точности.

Наш больной только на предварительную сдачу анализов тратит по две-три недели: выстаивает жуткие очереди под дверями различных лабораторий, рентгенкабинетов, участков врачей и специалистов по профилям. Но мы, клинические врачи, своим коллегам из поликлиник не доверяем, и с полным на то основанием; поэтому больной, поступив к нам, снова проходит круг повторных исследований: электрокардиограмма, рентгеноскопия, кровь на сахар, биохимические тесты... Так и набегают полтора-два месяца, за которые не до конца распознанная болезнь прогрессирует, принимает особо тяжелые формы, оборачивается осложнениями.

Когда несколько лет назад наш импортный эндоскоп вышел из строя, пришлось отправить его на ремонт в Ереван, где он находился месяца три-четыре, все до него очередь не доходила. Но людям не прикажешь: подождите, мол, болеть, пока вернется аппарат. Начались у нас серьезные диагностические ошибки, некоторые влекли за собой нехорошие последствия, вплоть до роковых исходов: то зря прооперируют больного, то посчитают, что операция не нужна, – в результате наступала смерть. Закономерный в общем-то исход, хотя и жестокий. Другого трудно было ожидать, когда, с одной стороны, ложная, малоинформативная диагностика, с другой - отсутствие современных средств определения и лечения болезни.

Возникает масса вопросов, один обиднее другого: а что же сделала наша медицина за пятьдесят последних лет? Куда улетают громадные суммы, которые государство вкладывает в здравоохранение? И для чего нам такое громадное количество профессоров, докторов наук, академиков, лауреатов Ленинской и Государственной премий, если мы до сих пор используем дедовские методы столетней давности, не умея подчас спасти человека от рядовой болезни?

Почему наш врач не способен сам поставить диагноз? Потому что всех учат одинаково плохо и платят одинаково мало. Да, в советском здравоохранении приходится больше врачей на десять тысяч жителей, чем в других странах мира. Что же из того? Чтобы оправдать свое пребывание на службе, целая армия низкооплачиваемых медиков невысокой квали-

фикации гоняет пациента из кабинета в кабинет, так до конца и не разобравшись, чем же он болен и как его лечить.

Нам с детства внушали, что советское здравоохранение гуманно, высокоэффективно, к тому же бесплатно, однако, если разобраться, все ли тут правда? Так ли уж гуманно и бесплатно лечение, путь к которому лежит через массу препятствий, волокиту, некомпетентность специалистов, колоссальные бессмысленные потери времени? Кто-нибудь подсчитал, во что это обходится государству? Да и каждому из нас?

Прислушаться к красивым фразам, на которые у нас не скупятся в печати и на всякого рода конференциях и совещаниях, так из всех социальных проблем советского общества важнейшей является охрана здоровья трудящихся. Тогда отчего же палаты в больницах республики, как правило, переполнены, больных кладут даже в коридорах, - это разве нормальное явление, свидетельство подлинной заботы о человеке? Мы же не вписываемся даже в самую низкую норму больничной площади на одного больного: у нас она составляет немногим больше одного квадратного метра, в несколько раз меньше, чем в среднем по стране.

Кстати, самое бедственное положение - в родильных домах. Святое место, где человек появляется на свет, где должны быть идеальные условия - по комфортности, по санитарным нормам, а там такая скученность, роженицы лежат одна к другой впритык, значит, инфекция, значит, болезни и смертность среди новорожденных! Никто не объяснит мне, почему в Киргизии, коль уж отводят помещение под лечебницу, то старое, отслужившее свой век: нате, пользуйтесь. А если строят новое, то самым поганым образом, как, например, городскую больницу скорой помощи, которая через год после ввода в эксплуатацию потребовала громадных сумм на капитальный ремонт.

Или вот пример, о котором стоит вспомнить подробнее: поликлиника для инвалидов Великой Отечественной войны, построенная во Фрунзе четыре года назад.

Был митинг, звучали трогательные речи. То руководители республики с отделанного мрамором парадного крыльца произносили прочувствованные слова - про наш неоплатный долг перед ветеранами, про неустанную заботу об их здоровье и долголетии. Гремела духовая музыка, много было аплодисментов, телевидение снимало волнующие кадры для эфира: плачущие от волнения ветераны...

Через месяц после торжественной сдачи над поликлиникой стала протекать крыша, выявились десятки прочих строительных огрехов (строили, как вы сами понимаете, на живую нитку, сдавали в последние дни и даже часы, только бы вовремя отрапортовать), короче, здание ремонтируют по сей день. Как издевательство над здравым смыслом и над чувствами пожилых, израненных войной людей, да и над принципами гуманности советской медицины, висит на фронтоне лозунг: «Здоровье народа - богатство страны». Вот вам факт, и вот реклама.

Не лучшим образом поступили и с пристройкой к хирургическому корпусу отделения общей хирургии республиканской клинической больницы. Гнали зимой, в холодину, очень торопились к концу года отчитаться, получить премии и благодарности, а мы всю зиму в новом корпусе работать так и не смогли: если на улице бывало минус 20, то в операционной – минус 15; щель в кулак шириной, кафель отстает от стен, нарушены все санитарно-технические нормы для медучреждений. А все здание – что снаружи, что внутри – напоминает многоэтажный бетонный барак, где ни врачам работать, ни больным лечиться...

Не умеем строить? Не имеем понятия об элементарных условиях для нормального лечения?

Если бы!..

В нескольких сотнях метров от нашей клиники расположена так называемая в народе спецполиклиника, принадлежащая 4-му Главному управлению Минздрава республики. Вот где школа передового опыта для архитекторов, строителей, организаторов здравоохранения! Там совершенно иные условия, высокие нормативы, там к услугам иных пациентов – отдельная палата, внимательные медсестры и заботливые нянечки, лечение и питание – как полагается, по высшему классу. И возводилось основное здание (следом за ним - комфортабельные пристройки) по нормальному проекту, и сделано добротно, любо-дорого посмотреть.

Убежден, что подобные различия в медицинском обслуживании самым отвратительным образом влияют на духовное состояние общества. Если вы не руководитель республиканского масштаба, не ответственный работник партийного или советского аппарата, а просто хороший производственник, то вам в случае болезни один путь – в больницу всеобщего пользования с ее переполненными палатами, скудным питанием, с ее ненавязчивым сервисом. Но это еще можно пережить. А

вот, интересно, как вы отреагируете, когда соседи по палате расскажут вам, что в пяти минутах ходу отсюда расположено вроде такое же советское лечебное заведение, только условия в нем весьма и весьма приличные?

Мне пытались втолковать рассудительные, трезвые люди: пока нет еще у государства возможности обеспечить всем и каждому комфортные условия лечения. Убеждали, что человека, облеченного государственными заботами, негуманно и нецелесообразно класть в общую палату обычной больницы, ему нужны условия получше, нежели всем остальным... Допустим. Но почему таким же комфортом окружают его близких родственников: жену, детей, родителей, они-то чем прославились перед страной, им-то за что повышенная забота?!

Я не раз бывал в этой больнице и видел своими глазами: дети ответственных работников, молодые и с виду здоровые юноши и девушки, в основном студенты и старшеклассники, нежатся в отдельных палатах, пользуются повышенным вниманием, ведут себя развязно, по-барски. Чаще всего такую картину можно наблюдать в период сельхозработ, формирования студенческих стройотрядов или во время очередного призыва в армию. Молодые парни проводят в условиях спецполиклиники операцию под кодовым названием «Обследование»...

О воспитательном эффекте подобных акций лучше не думать, не говорить. Что называется, с младых ногтей они привыкают к мысли, что такое обслуживание во всем и везде обеспечено им уже самим фактом их рождения в семье ответственного, так было и так будет всегда. Не личный вклад, не польза, принесенная обществу, с этих пор начинает определять их положение в жизни, а место работы мамы или папы.

Насчет права руководителей партийного и советского аппарата на лечение по какому-то особому классу... Уверен, если бы они лечились в обычных больницах, то лучше вникали бы в нужды здравоохранения, заявляли с трибуны сессии Верховного Совета или партийного пленума: «Давайте, товарищи, поможем медицине в первую очередь, у них там скверные условия, мы там лечились, видели, знаем...».

Как у всякого честного человека, у меня долго зрело возмущение сложившимся порядком вещей. Не покидали мысли: как долго могут продолжаться эти безобразия? Решил обо всем наболевшем сказать вслух. Знаю: тем, кто привык жить вольготно, придется не по нраву мое выступление, они усомнятся в нем посягательство на привилегии. Я обычный совет-

ский врач, вижу свой долг в том, чтобы вовремя оказаться у постели больного, оказать помощь. Державный гнев, окрик: «Да кто он такой, что себе позволяет?!» – нисколько меня не страшит. За кресло под собой не держусь, ну, а скальпель, надеюсь, никто у меня не отнимет. Остальное – дело моей человеческой и профессиональной совести.

Специальное медобслуживание, специальные курорты и дома отдыха, специальный транспорт – ну не могу этого понять и принять душой! Вот я, хирург высшей квалификации, работаю чуть ли не круглыми сутками, возвращаюсь домой в лучшем случае в девять часов вечера, захожу в магазин, где хоть шаром покати или очередь толпится огромная, – и никто мне не говорит: «Уважаемый товарищ хирург, вы простояли десять часов за операционным столом, идите, пожалуйста, отдохните, вам на квартиру доставят все, что необходимо...». Но чем я лучше тех, кто стоит передо мной в общей очереди? Они ведь тоже пришли с работы, каждый имеет право на свой килограмм колбасы...

Вернемся к медицине. Наши врачи, как ни печально это признавать, немного стоят как специалисты. Для большинства из них врачевание так и не стало делом всей жизни, когда забываешь об отдыхе и праздниках и все помыслы направлены к одной цели – спасению больного от недуга, возвращению его к нормальной жизнедеятельности.

Врач сегодня нередко выступает в роли станочника или бухгалтера в канцелярском учреждении. Прибыть на работу к 9 утра, отбыть в 3 пополудни – в порядке вещей... А там – хоть трава не расти.

Время энтузиастов, которые способны за грошовую оплату ехать по вызову к больному в любое время суток, в любую погоду, отрешившись от личных дел, – это время, чувствуется, прошло безвозвратно. Жаль, с одной стороны, с другой – вроде все правильно.

Недавно состоявшаяся мизерная прибавка к зарплате врача способна вызвать скорее ироническую улыбку, чем прилив творческой энергии. Например, при моем почти тридцатилетнем стаже 205 рублей в месяц – потолок, выше которого я уже не поднимусь, за вычетом подоходного налога – рублей сто восемьдесят. Что же тогда говорить молодому специалисту? Ага, вот подсказывают выход: подыскать на стороне еще полставки. Но, в таком случае, откуда у него возьмется время на самообразование, не говоря уж о личной жизни? Так стоит

ли удивляться, что у нас так много больных умирает по вине малоквалифицированных врачей! Я не удивляюсь. Привозят к нам пациентов из больниц в критическом состоянии: лечили от одной болезни – оказалось, совершенно другая. Что ж, привычное дело.

А какое удручающее впечатление производят сегодня сельские и районные больницы, особенно в глубинке! Вот уж где ничего не изменилось к лучшему. Как двадцать пять лет назад, я помню, умирали там от нераспознанного аппендицита, так же и сейчас умирают; как умирали двадцать-тридцать лет назад от нераспознанной язвы двенадцатиперстной кишки, от внематочной беременности, от кровотечения желудочно-кишечного тракта, и сейчас точно так же умирают! И от ерундовых ранений, от того, что несвоевременно оказана хирургическая помощь, у-ми-ра-ют! Я перечислил четыре заболевания, по которым процент смертности за несколько десятилетий не снизился, но могу и десять перечислить. Потому что – заявляю ответственно – у нас в республике отсутствует хирургическая школа, которая готовила бы хорошие кадры.

«Учитель, воспитай ученика!..» – не про наших профессоров сказано. Когда погиб в автокатастрофе И.К. Ахунбаев, академик республиканской Академии наук, член-корреспондент Академии медицинских наук страны, то клиника, которой он при жизни руководил, два года оставалась без шефа: не было кем заменить, не находилось ни одного хирурга – доктора медицины – во всей Киргизии!

Пришлось объявить всесоюзный конкурс на замещение вакантной должности, потому что в республике никто на нее не претендовал – некому. На конкурс подал профессор Червинский из Новокузнецка, он впоследствии и возглавил клинику. Прекрасный специалист, уважаемый, грамотный руководитель, но мы-то, мы почему не смогли отыскать достойную замену в своем собственном доме?!

Хорошо, что к нам приехали на работу издалека такие авторитетные хирурги, как Рожинский, Медведев, Гольдман, но не удивительно ли, что в республике, имеющей достаточно своих докторов, профессоров, бывает некому занять вакантные должности? Думаю, этот нонсенс потому так устойчив, что ученая степень с некоторых пор перестала отражать степень квалификации обладателя, уровень его авторитета, образованности, а становится лишь поводом для начисления ему высоких окладов и доплат.

Врач, не способный поставить верный диагноз болезни, – не исключение у нас, а правило. Такой, с позволения сказать, специалист выучил на всю оставшуюся жизнь десяток рецептов и пользуется ими от всех болезней, теша себя мыслью, что хоть нет от них больному проку, но и вреда тоже нет. Кто подсказал сию мысль, спасительную для его персоны, губительную для доверившихся ему людей?

Да сама окружающая действительность, и уравниловка в оплате, когда талант и бездарь на врачебном поприще одинаково оцениваются в полтораста рублей за месяц любой работы; и сознание своей одинаковости в общей массе посредственностей – если начать от них избавляться, то кем впоследствии заменить? Наконец, греющее душу воспоминание о том, как поступал в мединститут, как потом определялся на работу: и там, и здесь не обошлось без участия «сил поддержания»...

Так как же насчет перестройки во врачебном деле? Осмелюсь заявить: пока – никак. Не желаю быть дурным пророком, но оптимизма по поводу перспектив здравоохранения республики лично у меня нет. Хотелось бы думать, как некоторые: пройдет несколько лет – многое переменится к лучшему.

Уверен, десять лет пройдет - ничего не переменится! Другое заботит: как бы хуже не стало. Пышные административные здания-дворцы, помпезные музеи без единого подлинного экспоната, рестораны с обслуживанием для толстосумов, шикарные апартаменты Госагропрома, который умудряется процветать и множить свои ряды при пустых магазинных прилавках, - вот тут действительно перестройка идет зримо, уверенным ходом, хоть и совсем не в ту сторону, куда обращены взоры людей, истосковавшихся по справедливости. Улучшать дела в здравоохранении пока никто не торопится, если не считать директивных писем с формулировкой типа «улучшить... обязать... принять к неуклонному исполнению...» – веры им с некоторых пор нет ни на грош.

О какой, спрашивается, перестройке может говорить персонал больницы, оснащенной средствами диагностики и лечения первой половины двадцатого столетия? В то время как пресловутое зарубежье всю использует компьютерную систему диагностики с ее обширнейшим банком данных о состоянии здоровья любого жителя любой европейской страны, у нас мечтают, как о фантастическом достижении хирургии, об

одноразовых инструментах, иглах и катетерах фабричной стерилизации.

Буду только рад, если мои невеселые прогнозы опровергнет сама жизнь и в здравоохранении произойдет вместо словесной – деловая перестройка. Обязуюсь в этом случае публично покаяться в своей неправоте. Не растягивать бы неотложную эту работу на долгие годы, не похоронить бы ее под ворохом объективных причин, по которым у нас до сих пор отсутствуют средства для спасения человеческих жизней, какими давно и успешно пользуются медики даже развивающихся стран Африки.

В конце концов пусть нас подтолкнет к перестройке здоровое чувство патриотизма: ведь это именно наша, советская медицина заявила всему миру о своей подлинной приверженности принципам гуманизма, так давайте же делом подтвердить собственные заявления.

«Литературный Кыргызстан» № 7, 1988 г.

ВЕРНЫЙ МУЖ МЕДИЦИНЫ

Что же произошло после публикации в «ЛК» статьи Эрнста Акрамова «Врач: если я заболею...»? (Читатель может ознакомиться со статьей – мы перепечатали ее в этом номере). Тогда в республике разразился грандиозный скандал. На автора ополчился, набросился весь медицинский чиновничий люд: как он посмел?! кто разрешил?! да мы тебя!!! Науськивали на него, вербуя для общей атаки, именитых ученых, врачей. Вы посмотрите, до чего он занесся: возводит поклеп на святая святых – советскую медицину! Допустим, доктор наук, талантливый хирург – ну, и что с того? У нас даже академики довольны, помалкивают.

Сначала попробовали обрушиться на Акрамова через «ЛК». Но позиция у редакции была твердой: сумеете по пунктам, аргументировано, с фактами опровергнуть все положения статьи – опубликуем вашу петицию, не сумеете – извините. Встретив отпор, подали иск в Первомайский районный суд с обвинением Акрамова в клевете, очернительстве советской киргизской медицины и прочих выдуманных грехах. Но судья увидел в статье лишь одно – боль за плачевное состояние медицинской помощи народу. Суд отклонил исковые требования к Акрамову. Однако медчиновники не унимались, подали жалобу в городской суд. Опять вышла осечка. Городской суд поддержал решение районного. Жалоба на Акрамова перекочевала в Верховный суд Киргизии...

А тут подоспели первые в СССР перестроечные выборы. Первые и, пожалуй, единственные у нас выборы, когда не было массовой покупки голосов, не было массового административного давления, когда главную роль играли авторитет кандидата и его популярность среди народа. Авторитета у Акрамова хватало сполна, он уже тогда был профессионалом высочайшего класса, а популярность ему добавила еще статья в «Литературном Киргизстане», выходящем в ту пору шестидесятитысячным тиражом. Он стал депутатом Всесоюзного парламента. И на несколько лет его оппоненты вынуждены были затаиться, не предпринимать никаких действий.

Но как только развалился Союз, а с ним ушел в небывшие и Всесоюзный парламент, вокруг Акрамова опять началась возня, опять на него фабрикуется дело. Только и тут ничего не вышло. Гнилое дерево от малого ветерка падает.

В конце концов, в Минздраве решили «развести конфликт по углам». Правда, «угол» достался только Акрамову. Для этого провели реорганизацию. Взяли да ликвидировали хирургическое отделение республиканской больницы, которым заведовал Эрнст Хашимович. Несмотря на бурные протесты общественности. Чтобы Акрамова не видно и не слышно было, его отправили в изгнание – в Аламединскую районную больницу, где он работает и поныне.

Наивные люди! Акрамов не был бы Акрамовым, если бы он уgomонился, затих, как медведь зимой в берлоге. На новом месте Эрнст Хашимович создал в хирургическом отделении больницы сплоченный коллектив профессионалов-единомышленников. Ими проводятся уникальные операции, разрабатываются и внедряются новые методики лечения больных, каких еще не было в мире. Его ученики защищают кандидатские и докторские диссертации. Больные идут и идут к нему, как в Мекку, нескончаемым потоком. Будучи любимцем прессы – за открытость, компетентность и неординарность суждений, Акрамов прямо, без лавирования выступает по самым острым проблемам медицины. Он взрывается, вулканирует, едва кто-то коснется больных для него тем. «Позор такой власти, позор такому государству, которое не ценит своих врачей! Оно совсем как тот крестьянин, который корову не кормит, а надоями обеспокоен», – негодует он с экрана телевизора по поводу бедственного положения врача. Акрамов вовсе не ангел с крыльшками, который бы на все обвинения застенчиво молчал, потупив очи. С его легкой руки кто-то в шутку, а кто-то всерьез называет Министерство здравоохранения Министерством здравоохранения...

Вознесенная на алтарь истина всегда требует жертв. Какими бы плодотворными, выдающимися ни были научные изыскания Эрнста Хашимовича, подкрепленные практикой его многогранной врачебной деятельности, они всегда встречались в штыки теми, для кого Акрамов – словно красная тряпка для разъяренного быка. Другой бы на его месте уже, наверно, трижды стал лауреатом Государственной премии республики в области науки и техники, а ему эту премию присвоили только однажды. Хуже того, немало его очень важных методик по излечению тяжелых больных, длительное время успешно применяемых там на практике в своей больнице, так и не получили распространения по ме-

дучреждениям республики. Во всяком случае, пока. Все по той же вредоносной причине.

А ведь в целом в республике совершенно очевидные заслуги Эрнста Акрамова на поприще медицины оценены по высшей шкале – он Герой Кыргызстана. Казалось бы, его оппонентам следует уняться. Однако... Будем надеяться, что это все-таки произойдет.

Такие, если коротко, разворачивались события, связанные с Акрамовым и вокруг него, с тех памятных давних пор.

А теперь, читатель, встретимся и поговорим с самим героем в стенах редакции журнала «Литературный Кыргызстан».

– Эрнст Хашимович, вернуться к твоей давней знаковой статье мне хотелось бы вот почему. Ты говорил в ней о важных проблемах, мешающих в те годы развитию отечественной медицины. Времени для перемен прошло более чем достаточно, чтобы можно было увидеть, какие из них решены, а какие нет.

Само название статьи проистекает из замечательных стихов Ярослава Смелякова: «Если я заболю, к врачам обращаться не стану, обращусь я к друзьям, не сочтите, что это в бреду...» И в статье со свойственным тебе максимализмом ты, врач, заявлял, что в случае болезни никому из своих коллег не мог бы довериться. Реакцию их трудно было назвать сдержанной. Но не об этом нынче речь.

У тебя, дорогой товарищ, юбилей – в этом году тебе восемьдесят лет. Прими мои, прими наши поздравления! Ты

бодр, свеж, полон энергии, но все-таки несколько иначе, чем 28 лет назад, когда писал ту статью. К тому же возраст, как известно, делает человека терпимей. Так вот, нынче ты готов доверить здешним врачам свое здоровье, если оно, не дай Бог, пошатнется?

– А почему бы и нет? – искренне удивляется Акрамов, вскидывая на меня чуть выцветшие от времени темные глаза. – Конечно. И терпимость, якобы приходящая с возрастом, тут не при чем. Для меня важны факты. Я должен знать: каковы способности, знания, нравственные принципы и практический опыт того или иного врача? Иными словами, каков его профессионализм? Если с этим все в порядке, такому врачу можно довериться. Хочешь конкретный расклад – к кому бы я сам обратился за помощью? Пожалуйста. Прежде всего, это мои ученики: Васильева Ольга Игоревна, Кулбачаев Бахтияр Кожоналиевич, Абдулбакиев Ярмухамед, Матмуратов Касым, Камчибеков Шералы... Они со мной в одной команде. Команде хирургов-гастроэнтрологов, занимающихся лечением, оперированием органов брюшной полости. А еще терапевт Габитова Светлана Ивановна. Прекрасный специалист! Вообще без терапии нет медицины. Это ее основа. Как нет настоящего оркестра без скрипки.

Безусловно, за последние годы и в других клиниках появились по-настоящему достойные врачи, специалисты другого профиля, на которых можно положиться. Но вообще должен сказать: хороших врачей много не бывает. Хороший врач подобен крупинке золота в тоннах золотоносной руды. И это не преувеличение. Приходится изумляться, как при сложившемся положении, когда труд врача у нас, по сути, обесценен, такие врачи в республике все-таки есть. Они появляются не благодаря заботе властей о развитии здравоохранения, чего кот наплакал, а вопреки этому, вопреки элементарной логике.

– Но все-таки появляются! И ты, в случае необходимости, насколько я понял, готов отдаться им в руки. Это уже большой плюс. В твоей статье 28 лет тому назад такой вариант исключался. Если не возражаешь, поехали дальше.

–Только давай сразу условимся: я говорю о государственной медицине, о ее проблемах. Именно это меня волнует. Я сам работаю в госучреждении. За частный сектор пусть болит голова у других.

– Хорошо. Скажи, Эрнст Хашимович, а каково нынче обеспечение госбольниц техникой? Тогда ты писал, что единствен-

ный в республиканской больнице японский эндоскоп изношен до потери пульса, перекрыл свой ресурс раз в десять, а его все используют и используют. Другого нет и не предвидится. Тоторый год, дескать, республиканская больница безрезультатно выпрашивает новое оборудование для эндоскопических исследований, а также аппараты, которые зондируют желудочно-кишечный тракт, проводят бронхоскопию легких. Без этого, мол, невозможно вовремя и точно поставить диагноз, так что пока врач силится распознать болезнь, больной или сам выздоровеет, или помрет.

Теперь, Эрнст Хашимович, ты работаешь не в республиканской, а, как любишь подчеркивать, в районной больнице. Материально-техническое обеспечение тебя устраивает? Нет ли проблем с тем же эндоскопом, своевременной диагностикой больных?

– Только надо иметь в виду: вряд ли следует проводить прямую аналогию технического оснащения нашей больницы с другими райбольницами.

– Конечно, не везде же в районках такие именитые врачи, как Акрамов.

Он пропускает мою ехидную реплику мимо ушей. И продолжает:

– Через какое-то время после того, как я перебрался в Аламединскую больницу, заметил такую странную закономерность: кроме обычных больных, к нам везут неудачно прооперированных в других клиниках, в том числе и частных. Чтобы они именно здесь использовали свой последний шанс на выздоровление. Чаще всего мне удавалось вернуть их к здоровой жизни. Приходилось делать по две-три операции каждый день. Но поток больных нарастал. Нужна была крепкая команда специалистов. У райбольницы статус для их привлечения слабоват. Возникла идея создать Центр реконструктивно-восстановительной хирургии. На базе нашего хирургического отделения, которое худо ли бедно какой-то период выполняло эту роль. Тем самым возможности лечения больных возрастут, усилятся.

Не буду вдаваться в подробности, как долго, с каким трудом я добивался создания этого Центра. Лишь вспомню, внутри все закипает, клокочет. Министерские чиновники сразу же отвергли мое предложение. По их мнению, Центр нужен мне для возвеличивания собственной персоны. Пришлось пробиваться на самый верх. И хотя Президент поддержал идею,

Минздрав все равно продолжал мурыжить ее. Пока это не вывело Президента из себя, и он не высказал министру все, что следовало. – Акрамов задумывается, смотрит мимо меня, словно перед его глазами проходят картины этой его очередной борьбы за улучшение медицинской помощи людям. Потом встряхивает седовласой головой и рассказывает дальше:

– Создание Центра помогло нам решить проблемы и материального обеспечения, о чем ты спрашивал, и, главное, с кадрами. Уровень-то требований к нашей работе стал еще выше. Ведь в Центр частенько поступают больные, у которых нам приходится исправлять, переделывать то, что наделали или недоделали наши коллеги. Какие только случаи попорченности нам ни встречались, какие только хирургические вмешательства восстановительного характера мы ни осуществляли!

– Мне доводилось слышать о твоей реакции, когда привозят больного после чьей-то операции, и ему все хуже и хуже. Срочно, будь то день или ночь, его берут в операционную, а там выясняется, что у него в брюшной полости марлевые тампоны или зажимы. Отсюда – сильное нагноение. Вот тут твоя ярость бьет через край. «Дуроломы, прохиндеи, потрошители!» – бушует, костеришь ты своих коллег. Иной раз допускаешь что-нибудь и покрепче. И это притом, что тебя причисляют к когорте ценителей русской словесности.

– А как же иначе? Речь идет о здоровье человека, о его жизни и смерти. Тут я всегда на стороне больного. И деликатности, изящных фраз от меня не жди. Попался бы мне такой хирург-недотепа под горячую руку, худо бы ему пришлось... – Плечи у Акрамова все еще широкие, литые, мускулы на руках, когда он их сгибает, бугрятся. Действительно, думаю я, схватит своими клещами – мало не покажется. Хотя ничего подобного, насколько мне известно, не было. – Но примеры с тампонами, зажимами и прочим, – говорит Акрамов, – распознаются нами сравнительно легко и быстро. Другое дело, когда больному неправильно поставлен диагноз и его лечат не от того и не так, как следовало. Тут ребус куда сложнее. Однако выйти на единственно верный путь все равно удастся. Был один уникальный, редчайший даже для нашей практики случай, который нет-нет да вспоминается мне.

В одном из авторитетных лечебных учреждений республики больному была проведена операция. При этом допущенные ошибки врачи не проанализировали и потому сделали роковой вывод. Выписав пациента домой, они объяснили

его родственникам, что болезнь неизлечима, и в ближайшее время наступит смерть. Те с опечаленным видом сообщили об этом и больному: дескать, мужайся, вот-вот... Раз до исхода остаются считанные дни, надо готовиться. Они заранее купили гроб и поставили его в сарае.

Представь состояние человека, которого рядышком поджидает гроб. Мне никогда прежде не приходилось слышать о чем-то подобном. Поначалу я даже не поверил. Спросил у его жены. Она подтвердила: да, так оно и есть.

А больной, несмотря ни на что, все живет и живет. Затем он обратился к нам, прочитав в газете объявление о нашем Центре. Обратился по поводу начавшегося кровотечения. Когда мы ознакомились с выпиской из его болезни, не очень-то были склонны к хирургическому вмешательству. Черным по белому там значился скорый трагический финал. Но выхода у нас не было: кровотечение усиливалось. И тогда мы пошли на повторную операцию – операцию отчаяния. При ее проведении обнаружили и ошибки прежнего хирурга, и, самое главное, его заблуждение относительно болезни. Она была тяжелой, но излечимой.

Любой, даже малейший шанс для сохранения жизни надо использовать. Скажу прямо: операция была сложнейшей, таких у нас еще не проводилось. После нее больной пошел на поправку. Домой он выписался совершенно здоровым человеком. А гроб, купленный родственниками, за ненадобностью продал.

– Да, действительно необычайный случай!.. Меня еще вот что интересует, Эрнст Хашимович. Ты провел десятки тысяч операций, всегда находился в больнице с утра до ночи, а в последние годы уже и ночуешь здесь. На твоих глазах множество людей болеют, мучаются, благодаря тебе, твоим сподвижникам большинство из них выздоравливают, а кто-то все-таки и умирает. И все это возле тебя, возле твоей души. Не приглашается ли постепенно чувство сострадания к больному человеку, переживание за него?

– Видишь ли, острота сострадания, именно острота, со временем, конечно, меняется, но само сострадание остается. Без этого никак нельзя, без этого ты превращаешься в хирурга, набившего руку, не более того. А это страшно. Я переживаю за каждого больного. Иначе надо бросить эту работу и уйти. Но у человеческого организма есть свойство, есть способность оберегать себя независимо даже от воли человека. В опре-

деленной степени это чувство самосохранения. Я размышлял об этом. Мое сострадание, мои переживания за больного как бы останавливаются у той самой грани, за которой воспаляется душа и рвется сердце, за которой полностью расстраивается нервная система. Если бы я все эти десятилетия врачебной деятельности воспринимал муки и страдания больных так же, как вначале, в первый год, меня бы уже не было на белом свете. И не было бы в живых многих тысяч больных, которых мне удалось спасти. Но, повторяю, все это происходит на пределе, на самой грани, помимо моей воли. Ведь если говорят о человеке с ясной головой, холодным рассудком и горячим сердцем, то это, в первую очередь, говорят о враче. Во имя больных мы изо дня в день тратим душевные силы, тратим самих себя. Это как горящая стеариновая свеча... В отличие от других людей, врач очень хорошо знает, чем грозит ему постоянные переживания, но иначе он не может. Ведь делать сложную операцию – еще какой риск. Находишься в стрессовом состоянии. Сердце колотится. Горло пересыхает. Сосуды вздуваются. И так – несколько часов. Столько страха натерпишься. Иногда кажется, что лучше бы сам очутился на операционном столе... А равнодушие врача ставит его вне профессии. – Даже просто рассказывая о переживаниях врача за своих больных, Акрамов бурлит эмоциями. Глаза горят, густой голос передает напряжение, в котором он сам пребывает. Правда, эмоции на сей раз скорее положительные. Это как написание послесловия к роману со счастливым концом. – Зато какая радость, какое счастье охватывают тебя потом, – говорит Акрамов, – когда тяжелый больной, освобожденный нами из цепких лап болезни, выздоравливает, возвращается к полноценной жизни! Каждый раз приходит ощущение такого душевного подъема, что его и сравнить с чем-либо трудно.

Меж тем я продолжаю выуживать вопросы из памятной не только для Акрамова, но и для «ЛК» публикации. Кое-что оставляю за бортом. Ту же клятую-переклятую им спецполиклинику. Теперь эта проблема не актуальна. Появились частные клиники, где оснащенность современным оборудованием на порядок выше, а условия для работы медперсонала и приема больных гораздо комфортнее. Кроме того, представители власти и их домочадцы предпочитают нынче лечиться за границей. И спецполиклиника остается таковой скорее номинально. Об ужасном же состоянии госбольниц, переживавших к нам еще с советских времен, Акрамовым столько с болью го-

ворено-переговорено, что не хочется повторяться. Есть темы многогранные, в чем-то даже философского звучания, вот их нельзя не затронуть.

– И в той давней статье, и в дальнейших своих выступлениях в печати, по телевидению ты призываешь своих коллег, особенно молодых, к самоотверженности, к тому, чтобы они не жалели времени и сил в достижении высот профессионального мастерства. Тебя раздражают, бесят врачи, работающие строго по временному графику – от сих до сих, приводят в ярость врачи со слабой подготовкой, квалификацией. Но ведь всегда, во всех профессиях были и будут – вершины и те, кто в разной степени пониже, кому до них не дотянуться. Не будешь же ты призывать, настаивать, чтобы, скажем, все скрипачи становились Ойстрахами или Ростроповичами?

– Ты все сказал? – в его взгляде из-под нависших бровей, в его голосе приплясывает усмешка. – Теперь слушай меня внимательно. Посредственный скрипач не доставит тебе удовольствия. Тем более кое-как пиликающий в ресторане. Но, во-первых, там ты можешь встать и уйти. А с операционного стола, куда тебя срочно положили, не убежишь. И, во-вторых, плохое музыкальное исполнение портит настроение, а при плохой операции человек, увы, умирает. Чувствуешь разницу? Поэтому требование к врачу должно быть выше, жестче. Слишком многое зависит от его профессионализма. Идя к нему, больной ставит на кон самое дорогое, что у него есть – свою жизнь.

Я уже 56 лет в хирургии. Постоянно в больнице. Практика огромная. Множество крупных научных трудов. Всю современную научную литературу по своей специальности обязательно просматриваю. И при этом все равно порой обнаруживаю, что чего-то не знаю. Пока не знаю. Значит, непременно должен буду узнать. А как же тогда молодые, которые получают в мединституте базовое образование и считают, будто этого им вполне достаточно? Опыта еще никакого, а амбиций хоть отбавляй. Вот я и призываю, настаиваю, чтобы они, да и те, кто постарше, неустанно занимались повышением своего профессионального уровня. Без этого никакой врач не состоится.

– Но... Если следовать твоему примеру, Эрнст Хашимович, то надо от слишком многого отказываться, отречься. Вот тебе, прости, так и не удалось создать свою семью. Все в больнице, больнице...

Акрамов погрустнел, хоть и старается не подавать вида.

– На протяжении десятков лет я на всех уровнях доказываю, что врачи должны получать достойную зарплату. Нам добавляют, но по крохам. Кстати, хочешь для разрядки анекдот на эту тему? Значит, так. У врача дома засорился унитаз. Вызвали сантехника. Тот пришел, где-то постучал, что-то подкрутил, потом говорит: «Готово. Все работает. С вас тысяча сомов». – «Как тысяча сомов? – ахнул врач. – За пять минут работы? Я хирург, с высшим образованием, двенадцать лет в клинике, но столько получаю за несколько дней крошечной работы». – «Это нормально, – говорит сантехник. – Когда я был хирургом, мне тоже так не платили». – Акрамов смеется, запрокинув голову. Но смех у него, как мне показалось, невеселый.

– На заре молодости, – вспоминает он, – была у меня любимая девушка. Лена. Очень красивая. Да и я – мастер спорта СССР по гимнастике, успешно начинающий хирург... В общем, все у нас ладилось. Дело шло к свадьбе. Но воспротивилась, стала меж нами глухой стеной ее мать: дескать, он гол, как сокол, зарплата у врачей нищенская, квартиры ему никогда не дадут, любовная лодка разобьется о быт, я не позволю... Короче говоря, она поставила мне диагноз неизлечимого бедняка. Лена, как ни пыталась, не смогла настоять на своем, не смогла хлопнуть дверью отчего дома... Разве такое забывается? По мере возможностей, а зачастую и сверх них я стараюсь и словом, и делом помочь своим молодым коллегам избежать подобного диагноза, ломающего жизнь.

– Согласись, Эрнст Хашимович, этой истории уже тьма лет. С тех пор столько тобой сделано в медицине! Да и романов, насколько мне известно, было немало. Неужели судьба так больше и не удосужилась подарить тебе счастливую любовь, венцом которой стала бы семья?

Он откидывается на спинку кресла, глаза полуприкрыты. словно мысленно он листает страницы былого. Наконец, искоса взглядывает в мою сторону.

– Чтобы закрыть твой вопрос, расскажу еще одну историю. Пригласили меня как-то в Москву на международную конференцию. Остановился я в доме своего товарища и коллеги, профессора Круглова. Сидим мы с ним, пьем чай. И вдруг телефонный звонок. Звонит сын Круглова, у которого частная клиника. Поступила больная с резкой болью в правом боку, в районе аппендикса. Надо срочно оперировать, а их хирург занят на операции в другой клинике. В общем, товарищ по-

просил выручить. Больную уже приготовились везти в операционную. Но у меня твердое правило: тщательно, с особым вниманием проводить предоперационный осмотр. Проведя такой осмотр, я убедился, что операция не нужна. Достаточно провести медикаментозное лечение.

Через несколько дней больная – а это была итальянка Луиза Бертуччо – нашла меня. Пригласила в Большой театр, потом... У нас закрутилось, завихрилось, как будто ей не под пятьдесят, а мне не под семьдесят, как будто мы все еще молоды. Ее муж много лет тому назад погиб в автоаварии, она имела крупный бизнес в Мадриде и Москве, тоже, как и я, увлекалась театром, музыкой, литературой. И деликатно намекнула мне, что с удовольствием приняла бы мое предложение. Как ты думаешь, что я ей на это ответил? Я ответил, что, к огромному сожалению, уже обручен. Да, штамп в паспорте о семейном положении у меня действительно не было и нет. Но уже почти полвека я обручен с ее Величеством Медициной. Двоеженство в Кыргызстане запрещено. У меня большая семья. И показал фотографию, где были запечатлены сотрудники нашего отделения. Луиза все поняла. С ней мы остались друзьями. Надеюсь, поймут меня и те, для кого я это рассказываю.

– Что ж, всем хорошо известно словосочетание – государственный муж, теперь, благодаря тебе, появится еще и – верный муж Медицины. Как считаешь, твой путь познания, борьбы и жертвенности многим ли покажется привлекательным?

– У каждого свой выбор. Зачем повторять чью-то судьбу? Важно увидеть в ней какие-то нужные для себя ориентиры, чтобы, сверяясь с ними, постараться подняться еще выше. В этом, наверное, суть нашей жизни.

Александр ИВАНОВ.

Александр ЗЕЛИЧЕНКО

НАРКОСЦЕНА: ОЧЕРЕДНОЙ ПЕРЕДЕЛ

Давно подмечено: наркосцена, или, иными словами, виды употребляемых наркотиков, способы их производства и транспортировки, распространения периодически меняется. Причин тому несколько – глобализация, мода, политика, экономика. Наши наблюдения показывают, что начался очередной ее передел. Что он несет за собой?

Попробуем разобраться.

... В 30-40-х годах прошлого века в Киргизской и Казахской ССР было решено наладить лубяное производство. Возникла целая отрасль промышленности, была построена сеть так называемых лубзаводов и кенафно (пенько)-джутовых фабрик. Старожилы-фрунзенцы, например, хорошо помнят такую на месте нынешней Дордой-Плазы – с развитой инфраструктурой (детсад, клуб, магазин), большим количеством рабочих мест. Выпускали они экологически чистое полотно, прочные канаты и многое-многое другое.

Сырье, конопля, была завезена к нам извне, и здесь активно культивировалась. И если первоначально содержание в ней активного, вызывающего наркотический эффект, вещества было не высоким, то под воздействием ряда местных природно-климатических факторов очень быстро стало запрещенным. Возможно поэтому, но скорее всего из-за изменившейся экономической конъюнктуры, в начале 1960-х посевы конопли в нашей республике прекратились.

Оставшиеся дикорастущие «аппендициты» с тех пор сильно беспокоят правоохрану. Настолько сильно, что в коноплянных джунглях, вольготно раскинувшихся в Джамбульской

области соседнего Казахстана, куда в период созревания растения слетались наркогонцы со всего Союза, - я сам участник тех событий, - проводились настоящие войсковые операции... С привлечением БТР, вертолетов, курсантов и служебных собак со всех далей и весей огромной страны.

В последнее же время у соседней все явственнее звучит бизнес-призыв: давайте вновь возродим «старое доброе» производство – от – конопли. Оказывается, из этого злостного сорняка даже бумагу делать можно! А Казахстан на ее закупку ежегодно тратит из госбюджета около ста миллионов тенге.

Кстати, при условии, что в этих целях коноплю вновь не начнут выращивать, а станут довольствоваться только уничтожением дикоросов, следует всячески поддерживать такое начинание. При этом экспортировать к соседям и наши «укосы».

Параллельно развивалось и опиеробство. В 50-60-х годах двадцатого века Кыргызстан легально давал до 16 процентов мирового сбора опия-сырца, отличавшегося высоким содержанием морфина. Развивалась упорно добивавшаяся повышения урожайности наука, крепили занимавшиеся выращиванием «алых маков» колхозы и совхозы, процветало государственное предприятие «Лекрастпром».

К сожалению, расцвела и наркомафия. На «черный рынок» уходила значительная доля сырца. Существовали отработанные способы его хищения и транспортировки. Изготавливались хитроумные, порой изощренные, тайники. Однажды, при осмотре автобуса, направлявшегося из Пржевальска (ныне город Каракол) во Фрунзе (Бишкек) милиционеры обратили внимание на молодую женщину с грудным младенцем на руках. По словам пассажиров, за долгий путь ребенок ни разу ни всплакнул, его ни разу не покормили... При досмотре оказалось, что в выпотрошенном трупике (!) перевозилось 7 килограммов зелья...

В 1966 году во Фрунзе проводилось всесоюзное совещание по проблемам наркомании. На нем впервые прозвучала убийственная статистика хищений опия-сырца, огромного количества изъятого у наркоторговцев зелья, роста наркопотребления. Услышав это, вскоре подала заявление об отставке Представитель СССР в Комитете по наркотикам при Организации Объединенных Наций госпожа Давыдова Н.Д. В заявлении госчиновница указала, что не может больше врать международной общественности, будто распространение и

потребление наркотиков социалистическому обществу не свойственно...

В 1974 году, согласно постановлению ООН, посевы мака в Киргизии были прекращены. Сразу же приказала долго жить мафия, хотя редкие изъятия припрятанного опия какое-то время еще осуществлялись.

Кстати, уже в начале 90-х, определяя материальную базу обретенного суверенитета, Кыргызстан обратился к возможности возродить легальные наркопосевы опийного мака. К тому взывали «красные профессора» - академики старой школы и ретивое чиновничество. Не желая считаться с реалиями, они с пеной у рта доказывали, что только так можно поднять экономику. Опий преподносился как панацея от всех невзгод, мерило благополучия, залог будущих бизнес-успехов. «У нас, аборигенов, опийный иммунитет», - вещало нарколобби. «Мы выращивали мак десятилетиями, пользовали его от всех болезней, и наркоманов не было». А на всяких там моралистов - плевать!

Государству хватило тогда здравого смысла не скатиться до дешевого популизма и лжепатриотизма.

Создали рабочую группу, в которую вошли лучшие специалисты. И изучили проблему комплексно - от экономической целесообразности до современных способов снижения потерь. Работали столь глубоко, что отыскивали даже следы элитных маковых семян, что перед распадом Союза были тайно вывезены из республики...

Вывод комиссии был категоричен - «выгоднее сажать картошку». Покупки опия для медицинских нужд, во-первых, жестко котируются, а уже тогда наблюдалось его перепроизводство. Кыргызстану оставалось бы лишь торговать по демпинговым ценам, что, во-вторых, неминуемо привело бы к конфликту со странами-производителями - Индией, Пакистаном, Турцией, Австралией, обструкции со стороны мирового сообщества в лице ведущих стран мира и ООН, немало вкладывавших в Кыргызстан. На легальный опийный рынок сегодня не может выйти даже Афганистан, произведший в прошлом году свыше 5 000 тонн дешевого наркотика.

И, наконец, в третьих, чтобы обеспечить надежный уровень охраны по всей технологической цепочке поле - завод - аптека, необходимо было вложить столько, что сажать картофель становилось воистину дешевле. И выгоднее. Но

даже применяемые, например, в Австралии, супертехнологии не обеспечивают стопроцентной сохранности урожая. Если же выращивать и собирать его дедовскими методами, мы очень быстро превратились бы в зону особого внимания международной наркомафии. И баткенское нарконаваждение 1999-2000 годов, когда в республику вторглись вооруженные наркотеррористы, показалось бы нам безобидной «Зарницей», чем-то вроде бойскаутских игр...

... С тех пор долгие 18 лет на республиканской наркочене преваляли производные из дикорастущей конопли гашиш и марихуана, и чуть позднее – «Эфедрон», изготавливаемый как из аптечных препаратов, так и из лекарственного растения эфедры хвощевой.

Милицией принимались меры наркопротиводействия. Однако целенаправленными они не были, наркомания по-прежнему считалась явлением, социалистическое общество не украшающим, а потому особо не выпячивалась. Анекдотичным сегодня выглядит реальный случай из практики автора этих строк, когда за один день на Красном мосту в Боомском ущелье было задержано 29 перевозчиков легких наркотиков. Едва информация об этом дошла до Центрального Комитета Коммунистической партии Киргизии, руководство республиканского МВД было вызвано «на ковёр» и подвергнуто обструкции. Активная работа по пресечению незаконного оборота наркотиков на некоторое время была свернута.

Отмечу, что перед самым распадом Союза ССР, благодаря в том числе и усилиям автора этих строк, акценты в борьбе с преступностью были смещены на наркоманию и наркобизнес. Была создана уникальная, совершенно самостоятельная оперативно-следственная структура – Служба по борьбе с наркобизнесом (СБН), уже в первые месяцы своего существования заявившая о себе изъятием беспрецедентного количества – свыше двух тонн – готовящихся к вывозу за границу гашиша и марихуаны.

Уже в 1993 году, для усиления сегмента координации, при Правительстве республики была создана Государственная комиссия по контролю наркотиков (ГККН), преобразованная в дальнейшем в Агентство наркоконтроля (АКН). Ликвидированное злой волей, оно «восстало из пепла» в 2010 году в виде Государственной Службы по контролю наркотиков (ГСКН), и

в этом виде, выполняя в полном объеме профилактические и оперативно-следственные функции, существует и поныне.

... В начале 1990-х наркосцена вновь кардинально изменилась: к нам начал проникать опий "Made in Afghanistan". Не видевшие этот наркотик в глаза почти двадцать лет, оперативники были в панике: информацию черпать неоткуда, методик противодействия не выработано. Старые, времен «алых маков», схемы не срабатывали. Меж тем спонтанные разовые изъятия зачастую превышали 10-15 килограммов. Интенсивность наркопоставок, их цинизм, количество контрабандного груза и породили название «Наркоэкспансия».

Взаимодействия с соседями из Горного Бадахшана, откуда, пересекая афгано-таджикскую границу, на начальном этапе главным образом и поступал афганский опий, не получалось: там шла Гражданская война и власть принадлежала полевым командирам. Наркоборцы всему учились сами, и вскоре уже на взгляд могли определять тайники, искусно маскируемые в различных деталях автомашин, снующих по высокогорной трассе Хорог-Ош; знали местных трафикантов и перекупщиков; противопоставляли активную разъяснительную работу тактике вовлечения в наркобизнес многодетных матерей; для снижения риска ВИЧ-инфицирования и смерти от передозировок появилась тактика снижения вреда...

И тут – новый виток наркоспирали: на сцену вышел героин. При уменьшающемся объеме груза (гораздо труднее обнаруживать «закладки»), в разы возросла его опасность: из-за огромной цены «белой смерти» на наркосцену вышла организованная преступность, появились транснациональные ОПГ; увеличились масштабы наркокоррупции; «герыч» настойчиво подпитывал террористов всех мастей. Появляется «Наркоэкономика», - экономика, которая зиждется на наркопроизводстве и наркотрафике, в сфере которой сегодня живут уже целые страны...

И вновь ушло драгоценное время, пока правоохрана сориентировалась и выбрала целенаправленную тактику противодействия теперь уже героиновой экспансии. Хорошо, например, зарекомендовала себя практика проведения «контролируемых поставок»: с участием оперативников нескольких стран выявляется и привлекается к ответственности вся преступная цепочка на территории каждой из них. Свои результаты даёт и международное сотрудничество, глубокая

оперативная работа, новейшее оборудование, обучение сотрудников, интенсивный обмен опытом и многое-многое другое.

Звучит кощунственно, но «героиновый зонтик» многие годы предохранял нас от иных, гораздо более опасных, психоактивных веществ (ПАВ), таких, например, как спайсы, экстази, мет-амфетамины, всей этой химии, что способна уже после первого же приема вызвать привыкание, необратимые процессы в психике и привести к разрушению внутренних органов.

Распространение наркотиков с использованием новейших Интернет-технологий делает их производителей и сбытчиков трудноуловимыми, а незнание того, как под воздействием новых ПАВов изменяется личность, приводит к позднему выявлению потребителей.

При этом обращает на себя внимание одна существенная деталь: если при всех описанных выше изменениях наркосцены проблемы испытывали, в основном, силовики, то в нынешней ситуации они присущи и им, и врачам-наркологам, и нарко-сервисным неправительственным организациям. На днях, например, услышал, как врачи развели руками, когда родители буквально на аркане притащили к ним свое чадо «под спайсом»: набившие руку на героиновой дезинтоксикации и последующей терапии, эскулапы не знали, что делать в данном случае. Хорошо хоть нашли силы признаться, а не кинулись «лечить»...

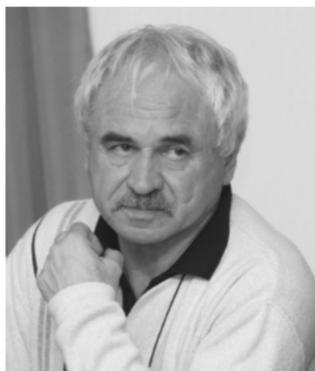
Ничего не смогли предложить и опытейшие НПОшники. Повезло, что в это время здесь проводился семинар, на котором присутствовал известный доктор с Украины, сам в свое время прошедший все круги наркоада. Он-то и посоветовал схему детокса в психиатрической клинике, позволившей хотя бы сохранить пациенту жизнь...

В какой-то мере восполнить пробелы в знаниях призваны и международные организации, в том числе Европейский Союз, финансирующий, например, Программу по предотвращению распространения наркотиков в Центральной Азии (Central Asian Drug Action Programme – CADAP). В его рамках обобщается и передается нашим наркологам и представителям неправительственного сектора бесценный зарубежный опыт.

Но этого явно недостаточно. И, дабы дважды, а переффра-

зируя известную поговорку, трижды-четырежды не наступать на одни и те же грабли, призываю всех – Правительство, силовиков, медиков, специализированные неправительственные организации – избрать тактику на опережение. Следует в кратчайшие сроки пересмотреть формат, тактику работы, а возможно – и свою структуру, обратиться к международному опыту, срочно начать переподготовку сотрудников.

Промедление смерти подобно...

Сергей ДУДАШВИЛИ

ПРИРОДЫ ДИВНОЙ ВОЛШЕБСТВО

Эссе

Природный парк «Ала-Арча» (Окрестности столицы)

Древняя легенда гласит, что после сотворения мира Бог разделил его между всеми народами, оставив для себя райский уголок в Тянь-Шанских горах. Но когда выяснилось, что при этом он забыл о киргизах, пришлось им отдать это заповедное место.

Тридцать километров от столицы – и вы в горном раю, среди волшебной природы, в калейдоскопе пейзажей и сюрреалистических картин.

Популярность Ала-Арче принес альпинистский лагерь. В 1952 его основали два известнейших чеха Рацек и Маречек, ставшие легендой киргизского горного туризма и альпинизма. Пять смен по 20 дней и по 250 человек за сезон из всего Союза – от новичков до мастеров высшего класса. Тысячи альпинистов прошли школу мужества на вертикалях алаарчинских пиков – от самых простых до вершин экстра-класса, вошедших в Книгу рекордов мирового альпинизма. Казалось, славе этой не будет конца.

В начале восьмидесятых годов прошлого столетия в Ала-Арче создали природный парк. Но получилось, как всегда: заборы, границы, собственники, завистники, коммерческие интересы... И горы ушли в небо, оставив надежду на холодных гранях памяти. Все так же сияют вершины Текетора и Бокса. Льёт серебром водопад Аксая. И ледники хранят холодное безмолвие, прячась от горячих небесных стрел.

Теперь в этих райских куцах много отдыхающих и пикников, любителей ленивого созерцания и корпоративных забав. Альпинисты, как и обитатели природного парка, увы, редкие здесь гости.

Оставив шумные места, уходим в небо. Цирк Аксяя – главная площадь царства Снежной королевы – окружен фантастическими замками из камня и льда. А вот и сама «Корона» в сари из молочного тумана. Она парит, горделиво вращаясь в окружении свиты ангелов. Всматриваясь в глубины этого застывшего памятью времени пейзажа, понимаешь, как не хватает Ала-Арче альпинизма, этой проникновенной, возвышенной и трепетной любви, которую испытывает каждый, кто прошел испытание горами.

Бывая в этих местах, наслаждаюсь сочной и вечно прекрасной природой. Летящие облака, переливы ручьев и хоро-вод вершин хранят вплетенные в ландшафт фрагменты прошлого. Очень хочется, чтобы о прекрасном времени расцвета альпинизма не только напоминал мемориал на склонах Адыгине, но и рождалась новая тропа мужества.

Альпинизм вернется, возродится, ибо его суть – служить красоте, абсолютной гармонии и вечности. В этом святом и непорочном духе, дарованном природой, есть извечный высший симбиоз обоюдных желаний природы и человека, и будет это до тех пор, пока стоят горы Ала-Арчи.

Малиновое ущелье (Окрестности Бишкека)

Осень располагает к воспоминаниям. Под ее невозмутимым, охватывающим все вокруг соцветием невольно оглядываешься назад.

А давай поедем в Малиновое ущелье? – предложил я своему старому другу Василию Филипенко, и мы поехали. Туда же, за нами, устремилась и осень.

Всего двадцать километров – и мы в окружении матушки-природы. Тенистая аллея Воронцовского дома отдыха. Отсюда пролегает путь к началу ущелья. За территорией, хранившей облик эпохи развитого социализма, нас встречают горы и юркий ручей Бир-булак. А вот и «Первые ворота» – каменная теснина, ограниченная с двух сторон вертикалями стен. Это наш милый скалодром – уступы, карнизы, цепочки поржавев-

ших скальных крючьев... Тут выросло целое поколение любителей гор: спелеологи, альпинисты, туристы, скалолазы. Все считали за честь испытать отвесы этих утесов.

Вот и полянка на речной террасе, место для палаток и костра. Сколько лет прошло, а все на прежнем месте. Только скалолазов нет. Говорят, они теперь в другом месте обитают. С чего бы такая немилость? Жаль мне нынешних скалолазов.

Осень продолжалась.... За обширной цветной котловиной, развесив вдоль русла новую коллекцию картин, она пробуждала особые нити души, наполняя сладкой горечью уходящего времени. Ущелье сужается, погружаясь в тень собственных вертикалей. Здесь «Вторые ворота». И опять следы памяти: полянка, заводь ручья, укрытый деревьями арчи склон, заросли рябины, шиповника, малины...

Просто невероятно, как многокрасочна здесь природа! Смотри, наслаждайся красками узоров – зеленых, желтых, кремовых и голубых шарфов и одежд. Вьется тропа, повторяя изгибы ручья, сыпется первый осенний лист. И солнце, сбегавшее из объятий сырых отвесов, снова властвует в синеве небес. Безобидный на вид Бир-Булак то растекается в молчаливой растерянности, то скачет каскадом озорных водопадов.

Все, как и раньше. Щемит сладкой ностальгией сердце. Выплывают из глубин прошлого эпизоды тех дней, которые вдруг стали такими важными и значимыми в уже написанной прошлым судьбе. Сколько вдруг четких воспоминаний превратилось в молчаливую реальность! Сколько друзей, ликов и образов проявилось!

Где они сейчас, друзья-однополчане? Много бы я отдал хотя бы за один тот вечер у костра, когда луна следила за порядком, а ночь, дрожа тенями, плясала на экране «малиновых» скал.

Город серебристых тополей (Каракол)

История сохранила нам точную дату, мотивы и обстоятельства возникновения Каракола. В мае 1869 году штаб Туркестанского Военного округа направил в Прииссыккулье – дальнюю окраину только что присоединенной северной части Кокандского ханства - экспедицию, которую возглавил штабс-капитан барон А.В. Каульбарс. Может быть, под волшебные

звуки иссыккульского прибоя, сияние многоцветных радуг и чарующих мелодий первозданных ландшафтов боги послали барону прозрение. И родился чудный город Каракол.

Ни в каком другом городе Киргизии нет такого чистого свежего воздуха, такого яркого солнечного света, таких белоснежных и многобашенных кучевых облаков, таких гроз – великолепно ослепительных и яростных...

Старые пожелтевшие фотографии свидетельствуют: жилая застройка первых каракольских улиц отличалась разнообразием и индивидуализмом. Вытянулись ряды добротных купеческих домов – бревенчатых, со ставнями и резными карнизами. Все постройки аккуратные, белостенные, в духе старой русской провинции. И вот что удивляло: высокие террасы, крутые парадные крыльца, как бы выпрыгивающие в пространство улицы. Рядом, между двух тополей, в вечном ожидании скамеечка. Под голубыми наличниками – мальвы, китайские розы: белые, красные, сиреневые. А вот и деревянная, вся в кружеве резьбы, раскрашенная теплом сочных красок, церковь Святой Троицы – православный храм с летящими на куполах крестами...

А это сооружение в стиле буддийской пагоды и вовсе рождает смятение. Где мы? В какой части планеты? Перезвон колоколов и волшебный, завораживающий призыв муэдзина льются единым волшебным потоком звуков, расплываясь в чистых, как родник, пространствах. Что-то подобное я слышал в Иерусалиме несколько лет назад.

И даже не это главное. Серебристые тополя – вот истинные хранители памяти. Высоченные, могучие – нет таких тополей в России! И гулко журчащих арыков вдоль строгого ряда тополей тоже нет. И всадников в бело-черных войлочных колпаках, степенно проезжающих по улице, тоже нет.

Как нет белых и голубых снегов совсем близких вершин. Стоит задержаться где-нибудь на краю тополиной просеки, взглянуть сквозь гомон арыка в бесконечность времени – и видишь, как дрожащим миражом выступает еще живой купеческий город старо-русской глубинки. Вот бы махнуть в это прошлое, вдохнуть его неторопливый ритм!

Как беспощадно время, как несправедливо оно к памяти прошлого...

Красота горной глуши (ущелье Беке Чал)

На участке дороги между Каракулем и Таш-Кумыром - незаметный съезд к реке, пара извивов. И вот она – степень свободы, и естество мира осязаемо и понятно. Вероятно, так же здесь было сто и пятьсот лет назад.

Стекая с крутых утесов хребта Кырбу-Тоо, Беке-Чал впадает в реку Нарын. Живописная долина, сформированная вертикалями каменных стен, дышит покоем и тишиной.

Сюда не заходят туристы. Но это вовсе не означает, что здесь нечего смотреть. Именно в таких местах природа живет по своим законам. Она свободна, не испугана и первозданна, добра и откровенна, открыта и по-настоящему красива.

Кстати, не только Беке Чал, но и еще десятки ущелий по всей территории Кыргызстана хранят свою девственную красоту. И это – без преувеличения – наш золотой запас. Бесценное богатство народа. Не хочу быть пророком, но пройдет буквально с десяток лет – и подобные уголки природы обретут статус желанных. Вместе с туристами в эти девственные первобытные и непорочные места придут деньги и зависть, жажда наживы, ложь и разрушение местных традиций. Если честно, не хотелось бы, чтобы слова мои оказались пророческими. Ведь Человек – это часть природы, и ему всегда не будет хватать природного естества.

Продолжаем путь. Скучно без машин и путников горной дороге, звенит укрытый изумрудом пойменного леса ручей. Тихо и красиво вокруг. Броды и забавные мостики из подручного материала. Скала в объятиях старого дерева. А дальше настоящие джунгли – гигантских размеров реликтовые деревья, повалившиеся и еще живые, словно монстры ледникового периода. Их неохватные стволы, тугие наплывы, капы и бугры – свидетельства почтенного возраста.

Справа порожистый приток и сторожевой камень у теснины. Яркое мозаичное панно из речной гальки, добротный мост и простенькая беседка на лесной поляне. Все естественно и очень сердечно. Но чудеса долины продолжают. В ее верхней части, зацепившись за склон, – экзотическая деревня, домишки из глины и камня, незамысловатые лестницы. Сено на плоских крышах, виноградник и забавный штакетник. Ни души! Словно и не реальность перед тобой, а картина художника, в которую можно войти и бродить по закоулкам волшебной глуши.

Отвоёванные у природы участки окружены заборами и тополями. На склонах – барбарис и лаванда. Назвать эти заросли огородами трудно, поскольку никаких упорядоченных грядок здесь нет и в помине.

Да и вообще! Есть ли еще где-нибудь в мире подобный синтез красоты?

Ледовая колыбель Нарына (Ак–Шийрак)

В 180 км к юго-востоку от южного берега Иссык-Куля прячется среди гор выточенная морозом и ледниками изящная колыбель великого Нарына.

Горный массив Ак-Шийрак – ожерелье достопримечательностей. Только ледников здесь насчитывается около ста, озер, каньонов, экзотических скал, источников, вершин никто не считал. Фауна... прочие чудеса, и все это на пространстве примерно 60 на 30 км.

Внутренняя часть массива имеет альпийский облик. Узкие скалистые гребни, связанные пологими перевалами, разделяют обширные фирновые поля долинных ледников, Средняя высота хребтов Ак-Шийрака 4700 м, высшая точка – 5126 м. – полноценный, кстати, пятитысячник, и безымянный, к сведению первопроходцев.

Ак-Шийрак («Шыйрак» в переводе с киргизского – голень, большая берцовая кость), как правило, применимо к овце, обозначая “белоногая”.

В чистейшем воздухе Ак-Шийрака пейзаж виден в мельчайших деталях. Возникает странное ощущение одновременной удаленности и близости объектов. Высота предлагает здесь впечатляющие объёмы, взлетающие в небо карнизы и ледовые потоки со скал. Резкий контраст с белизной окружающего безмолвия и застывшие в гармоничном хаосе арктические пейзажи напоминают законсервированный ландшафт ледникового периода – редкостный нынче туристический ресурс.

Ледниковая коллекция Ак-Шийрака насчитывает более ста ледников, занимающих большую половину горного района. Площадь оледенения – около 430 кв. км. Наиболее значительные из них – Петрова (69 кв. км), Северный Карасай (49 кв. км), Даман-Су (39 кв. км) и Каинды (24 кв. км).

Подножья Ак-Шийрака устилают черно-красные морены, громадные валуны в одеждах из древних мхов, и сырты – высокогорные долины, украшенные изумрудом мшистых трав и сапфиром озер. Озаряясь волшебным сиянием, чуть ли не ежечасно вспыхивает это богатство, купаясь в суровых ласках грозных струй. Это место рождения особых пейзажей горного ландшафта и драматического неба, без привилегий и тирании низин. По сыртам и самому Ак-Шийраку проходит водораздел двух великих рек Средней Азии – Тарима и Сырдарьи. Горы вокруг ледовой колыбели сформированы из вертикальных пространств, мерцания близких, холодных звезд и утреннего восторга горизонтов. Его очарование не только в изяществе очертаний. Облик хребтов бесконечно изменчив. Освещение постоянно меняет настроение пейзажа. В окружении застывшей красоты ощущаешь редкостное возвышенное чувство величия и единения с окружающим миром, космосом и вечностью.

Марсианский пейзаж (Баткенская область)

Как выглядят пейзажи Марса в реальности? Чтобы ответить на этот вопрос, мы отправились на самый юго-запад республики, в Баткенскую область, где среди низких гор Сары-Тоо лежат фантастические ландшафты, которые с большой долей реальности можно назвать марсианскими.

Красный цвет небу придаёт рассеянная в атмосфере пыль. Полосчатые останцы на розовом фоне застывшего над горизонтом солнца – словно из слоистого льда. А дальше темно-бордовые дюны. Замерший пыльный вихрь и каменные стога в пурпурных тонах... Днем, когда солнце еще высоко и нет горизонта, на пустынное холмогорье опускается молочная дымка. В это время ландшафт теряет объём, и лучше отсидеться в тени. Площадь марсианских экспозиций Баткена – свыше 20 кв. км. У этих гор бесчисленное количество ликов и декораций. Здесь нет дорог и рекомендованных маршрутов. Нет точки для съемки лучших пейзажей, как, скажем, у большинства известных памятников природы. Фотоохота в этих местах невероятно увлекательна. На внедорожнике или пешком доступны все участки инопланетной мистерии, а экспромт и интуиция в этом занятии – единственный и надежный гид.

Покрытая красно-белыми волдырями поверхность пребывала в Nirване. Облюбовав замкнутую со всех сторон котловину, устроились на ночлег. Перед рассветом небо озарилось волшебным розовым сиянием, и началось марсианское утро.

Каменная пустыня сияла микроскопическими цветочками и каплями росы. Стены каньонов словно витрины музейной экспозиции по истории прошлого Земли. Под тонким слоем отложений останки древних обитателей: головоногие Аммониты, Ростры, Белемниты, Брахиоподы, Артроподы, креветки.... Спиралевидные и двухстворчатые моллюски, и прочие обитатели древних морей.

Суша образовалась здесь в результате накопления отложений. Вода, стекая в низины, размывала лощины, ущелья и каньоны. Ветер, сгладив уступы, в силу неоднородности пород, придавал камню непредсказуемый, случайный образ. Но самое впечатляющее – это цветная окраска окружающего ландшафта, возникающая вследствие окислений сопутствующих минералов. Красный цвет – это калий и железо. Синие и лиловые оттенки рождает марганец. Зеленый – медь, голубой - кобальт и кадмий, темно-коричневый и черный - углерод. Желтый – это натрий, сера и ее соли, фиолетовая окраска присуща фосфоритам. Словом, таблица Менделеева почти в полном составе. Все это разнообразие, солнечные лучи превращают в пыль и песок. Ветер, корректируя оттенки, разносит по пространству. Так поочередно, без отдыха и отпусков, на протяжении миллионов лет, творят Земные стихии в далеком Баткене Марсианский ландшафт.

Мудрюм-река (Центральный Тянь-Шань)

Это чудо природы открылось нашему взору с гребней хребта Кок-Кия. В сиреновой утренней дымке, сквозь пронзительные пространства Аксая, раздвигая низкие небеса, выступали величественные ворота. Река Мудрюм приглашала в край своих чудес.

Пытаясь достичь слияния двух рек, едем левым берегом Аксая. Но вскоре дорога соскальзывает в русло и, растекаясь по камням, бесследно исчезает в песках. Дальше по бездорожью, но по изумрудным лугам, удастся приблизиться к руслу

реки. Красотища неописуемая! Нет слов, только молчаливый восторг.

У заветных ворот встречают хозяева этих мест – сурки и медного цвета изящные лошади. Они в хорошем расположении духа. Всюду царит гармония...

Погода стремительно меняется. С запада с большой скоростью движутся налитые агрессией облака. По сочным лугам, мимо оцепеневших животных, торопимся к заветным вратам Мудрюма. Еще несколько десятков минут – и нас накроет гроза. Становится темно. Яркие цвета лугов, прибитые тенью ненастья, растворились, расплзлись, забившись в испуге под полог трав. Еще секунда – и стихия взорвется.

Но вдруг с запада сквозь внезапно разорвавшуюся полосу неба ворвалось солнце! Посланный под углом световой поток на фоне темного продолжающего свое движение фронта озарил пепельно-золотистой смесью. Очнулись поникшие травы. Вспыхнул золотым светом укутанный тенями склон, загорелся жизненным сиянием надежды. И радуга замерцала искрами отражений.

Хотелось бежать и, расставив руки, кричать от восторга и радости. Вот она, картина высшего абсолюта, написанная красками радости на холсте печали! Красота, которой не было и не будет больше никогда...

Все кончилось. Беспощадный ливень хлынул с низких небес, смывая забившуюся под полог трав красоту. Он сбрасывал её в ручьи, скручивал, связывая тенью, уносил, ворча и причитая, в Мудрюм-реку. Сидя в машине, оглушённый грохотом грозы, я видел, как тонула эта красота в бешеном потоке, расслаивалась, ударяясь о камни, смешиваясь с песком и обыденностью...

По мокрым лугам и склонам продолжили путь. Небо, упавшее ненастьем, так же, как и красота, унеслось в потоках Мудрюма. На поляне высоко выступающего берега реки в сумерках установили палатки. А утром, когда солнце выглянуло из-за хребта, вновь народилась красота.

«Под голубыми небесами великолепными коврами» - вспомнил я строчку Александра Сергеевича Пушкина. Всего лишь строчка простых слов, в которых было всё: и упавшая с неба река, и поляна в волшебных цветах, и солнце, и горы, и новая жизнь...

Святая красота (Озеро Сары-Челек)

Краем волшебных гор и чарующих озер называют Сары-Челекский биосферный заповедник, расположенный в урочище Аркид. Более тысячи видов насчитывает здесь флора, 160 видов птиц, 34 вида млекопитающих. От себя еще бы добавил заповедную красоту ландшафтов, которой на сарычелекских гектарах столько, что хватит всем и на долгие годы.

...Дорога въётся вдоль бурной Ходжа-Аты. На высоко поднятых береговых террасах – гряды причудливых скал. Все теснее подступают они к реке. Кроны вековых орешин, возвышающихся над зеленым покровом леса, словно упавшие с неба шары.

Сердце заповедника – озеро Сыры-Челек на высоте 1873 метра над уровнем моря. Оно возникло в результате обвала, образовавшего громадную плотину.

Уникальный горный коридор, заполненный лазурной водной гладью, протянулся на семь километров. Озеро окружено отражающимся в глубоких водах ожерельем горных вершин, сверкающих снежной белизной. Берега озера необычайно живописны. Крутые и почти отвесные, они уходят в глубину на 234 метра.

«Каждый день есть целая жизнь», - говорил Гёте. «Мгновенье – не часть текущего времени, а целая жизнь», - учил Будда. Философский смысл этих изречений в полной мере понимаешь на Сары-Челеке, где в день проживаешь с десятком жизней. Так насыщена, изменчива и открыта здесь святая красота.

С высокого холма любимы волшебными картинами окружающих пространств. Озеро на переднем плане. Откуда-то со стороны взлетает луч солнца. Растворив дрожащую частицами времени дымку, он скользит, вызывая мелкую рябь.

Красота без конца и начала! Воспользовавшись боковым освещением, выползли из сапфировых вод образы морских чудовищ. И вот уже масса солнечных лучей заливают спускающийся к озеру склон. Сквозь золотую вуаль я смотрю, как теснятся среди елей и пихт осевшие в низинах туманы, как ломаются, коснувшись темно-синих вод, золотистые лучи, как они тонут, забавно виляя, в бездонном море синевы...

А когда из-за гор веером разошлись перья заката, на береговом мелководье выросли и слились воедино причудливые тени затонувших пихт.

Десятки ручьёв и ключей из каждого ущелья впадают в озеро, а вытекает только одна – звонкая и прозрачная Ходжа-Ата. Кроме Сары-Челека, в пределах заповедника есть еще шесть небольших озер.

Разбросанные меж лесных долин каменные утесы придают ландшафту чарующий вид, над которым скалистым рогом висит сказочной красоты пик – Замок сказок. И все это – Священная красота...

Особая история (рисунки в окрестности озера Сон-Куль)

В урочище со странным названием Жапырык (с кирг. «нашествие, массовый набег»), находящемся в окрестностях озера Сон-Куль, на камнях, укрытых в неглубокой воронке, меж древних сакских курганов, выбиты рисунки лошади, лося и стаи водоплавающих птиц. На территории Киргизстана подобные рисунки обнаружены впервые. Все они отличаются совершенством исполнения и нанесены опытной рукой искусного мастера. Примечательно, что лось не характерен для фауны Тянь-Шаня, и его присутствие на рисунке в этом районе свидетельствует, по мнению отдельных ученых, об историко-культурных связях племен Киргизстана с Южной Сибирью.

О находке рассказал абзац из не найденной в интернете статьи. С помощью нашего проводника Бакыта мы нашли таинственные рисунки. Сами по себе изображения по качеству исполнения и способу, передаче деталей были совершенно не похожи на привычные для наших краев петроглифы. Жапырыкские изображения сделаны опытным резчиком. Большая часть рисунков представляют собой койланаглиф – вырезанный на плоскости контур. Ряд деталей выполнены контррельефом. В целом резьба по камню очень четкая, реалистичная, со знанием анатомии животного. Пропорции хорошо сохранены. Словом, перед нами, на поверхности замшелого камня – загадка. Кто и когда создал эти выдающиеся рисунки?. Было два мнения: либо это значительное открытие, либо выполненный кем-то новодел.

Снимки изображений я послал своему другу. Известному ученому, доктору исторических наук Валентину Огудину в Москву. Как истинный ученый и фанат исторической науки, Валентин Леонидович прислал очень интересный и подроб-

ный комментарий, резюмируя который, он делает следующие выводы.

Все наблюдаемые изображения поздние, сделанные, возможно, в XIX веке человеком, способным выражать свой художественный замысел. Возможно, что он был русскоязычным, о чем можно предположить по остаткам надписи на кириллице. Цель довольно трудоемкой работы по вырезанию фигур непонятна, так же, как и место, где были обнаружены камни с изображениями. Рисунки на камнях обычно связаны с культовыми местами. Изображения Жапырыка никакой культовой нагрузки не имеют, так же, как и место их нахождения. Но несомненно одно: за появлением этих оригинальных и высокохудожественных изображений кроется какая-то особая история. Может быть, мы ее когда-нибудь узнаем. Вероятно, что произойдет это случайно, при изучении записей путешественников или ученых XIX века. Будет хуже, заключает ученый, если современные археологи припишут эти изображения к эпохе бронзы или раннего железа, обосновывая этнокультурные связи Киргизии с Южной Сибирью.

Четыре в одном – ущелье Кель-Тор (Кегеты)

Есть места и явления, которые, однажды наполнив наши сердца волшебным светом, навсегда остаются в памяти жизни. Со временем свет этот не блекнет, более того, он становится ярче и теплее, напоминая о былом счастье.

Одно из таких мест – ущелье Кель-Тор. На календаре октябрь. По традиции мы отправляемся в горы навстречу осени. Кель-Тор – правый приток долины Кегеты, встретил буйством осенних красок. Хозяин горного приюта, организатор фестиваля осенних картин и мой давний друг Мирзахит Миркаримович, как всегда, демонстрирует высший пилотаж гостеприимства.

Вскоре пошел мелкий, очень плотный и неприятный дождь. Сквозь полосу развернувшегося белым шарфом тумана виднелись горы, казалось, что укрытые плотным темно-зеленым бархатом деревья висели над землей. Было не холодно, и мы отправились на выставку осенних картин. Вскоре пошел снег. Мелкий, белыми пылинками, которые, едва коснувшись земли, превращались в вечернюю росу. Позже,

кружась в пространстве, эта снежная пыль прямо на глазах превращалась в огромные бесформенные снежинки.

Снег валил прямо из низкого молочного тумана. Видимость почти исчезла, и мы вернулись в теплый приют, к каминному огню. Ночью не было ни мороза, ни тепла. А утром, когда кремовая заря потекла со склонов хребта, мы увидели сказочную новогоднюю открытку.

Накинув пуховку, выхожу на улицу. Царит полнейшая тишина, и девственно чистый кремовый свет струится из-за восточного хребта. Солнце светит ослепительно ярко. Вокруг все белым-бело. Мягкий пушистый снег ровным слоем покрывает землю. И только кое-где виднеются красные гроздья рябины. Очень нарядна под шапками снега ель. В чистом воздухе пахнет хвоей. Сказочно выглядят и в золотисто-белых одеждах березы. Вышитый алым рубином, сверкает куст шиповника. Красота вокруг такая, что можно захлебнуться от счастья.

Забыв обо всем на свете, идем навстречу свету. Пушистый и сухой снег искрится, отражая пока еще холодные лучи солнца. На небе - бесконечная синь, без намеков на скорые облака. Вокруг настоящая зимняя сказка! Но все меняется очень быстро. Зима, утекая ручьями, растворяется прямо на глазах, и видно, как приходит весна, как рушатся, разлетаясь снежным фейерверком, снежные шапки и шарфы елей.

После полудня последние признаки зимы исчезли, и в Кель-Тор вернулась реальность. Природа вновь купалась в золотисто-рубиновых красках осени. Все, что произошло, было похоже на сказку, и потому казалось, что где-то рядом, за ближайшим поворотом, мы окажемся у волшебного новогоднего костра в окружении веселой компании всех братьев-месяцев.

КУЛЬТУРА

ПРОФЕССИЯ – ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРИТИК

Творческий портрет
в диалогах и научных отступлениях

От редакции. Литературный критик – творческий посредник между писателем и читателем. В истории русской критики Кыргызстана достойное место заняли имена В.П. Горячих, Е.К. Озмителя, М.А. Рудова, А.В. Жиркова, В.Я. Вакуленко.

В современной критике широко известно имя Георгия Николаевича Хлыпенко. Он член Союза писателей СССР по номинации «критика и литературоведение» с 1985 г., публикуется в нашем журнале на протяжении пятидесяти лет. Работает профессором кафедры истории и теории литературы Кыргызско-Российского Славянского университета, ведёт вузовский курс «Основы литературно-критической деятельности» на филологическом отделении гуманитарного факультета. В общем, это достойная кандидатура для того, чтобы создать творческий портрет литературного критика и тем самым посвятить заинтересованных читателей в специфику литературно-критической работы.

За воплощение этого замысла взялся член редколлегии журнала Бахтияр Турарович Койчуев – коллега Георгия Николаевича по профессии и по работе, доктор филологических наук, заведующий кафедрой. Он предложил творческое решение вопроса: пусть герой нашей публикации расскажет о себе сам – в жанре диалога и с привлечением научных отступлений из своих работ. Так, в течение нескольких встреч-диалогов, был создан творческий автопортрет известного критика, который предлагается вашему вниманию. Имена собеседников мы обозначили инициалами их имён и отчеств.

Диалог 1

Что такое критика?

Б.Т. Георгий Николаевич, учёные утверждают: прежде чем говорить о чём-то, надо договориться о том, что это такое. Критика – что это такое?

Г.Н. Сложный вопрос, Бахтияр Турарович. Одни теоретики считают, что критика – это наука, другие считают, что критика – это литература.

Б.Т. А как считаете вы?

Г.Н. У меня срединная точка зрения: критика – и наука, и литература одновременно. А ваша точка зрения?

Б.Т. Более традиционная: критика – одна из основных литературоведческих дисциплин наряду с историей литературы и теорией литературы.

Г.Н. В принципе, это так. Действительно, критика имеет признаки научной дисциплины: и объект изучения, и терминологический аппарат, и методы исследования.

Б.Т. Добавьте к этому ещё ряд признаков: и развитую систему жанров, и свою теорию, и свою историю, и свою классику.

Г.Н. Не возражаю. Более того, безоговорочно признаю, что логико-понятийное начало занимает в критике доминирующее положение. Но разве в ней нет образно-художественного начала?

Б.Т. Конечно, есть, потому что критика рождена литературой...

Г.Н. ... и со временем сформировалась как вид литературной деятельности, не так ли? Поэтому и писатель, и критик – ли-те-ра-то-ры! У того и другого один материал – слово. Образное слово, образность столь же органичны для критика, как и для писателя. И наоборот: каждый писатель в той или иной степени критик. Известными критиками были известные писатели: Карамзин, Жуковский, Пушкин, Гоголь, Чернышевский, Блок, Горький, Твардовский...

Научное отступление о двуединстве критики

«Срединное положение критики между наукой и творчеством ввиду её двойственной природы. Двуединство критики по содержательным и формальным признакам: по предмету изучения (современная литература и литература прошлого), по целевой направленности (интерпретация и оценка произведений), по функ-

циональному назначению (самосознание литературы в обществе и самосознание общества в литературе), по способу критического мышления (понятийно-логическое и образно-художественное), по авторству критических выступлений (профессиональная критика и писательская критика), по адресату критики (художник, создающий искусство, и публика, потребляющая его)».

(Из рабочей программы по критике проф. Г.Н. Хлыпенко)

Б.Т. А каким терминологическим определением критики руководствуетесь вы в своей научно-педагогической работе?

Г.Н. Самое точное и самое краткое, на мой взгляд, представлено в «Литературном энциклопедическом словаре» (1987). Цитирую наизусть:

«**Критика литературная**, вид литературного творчества, оценка и истолкование художественного произведения, а также явлений жизни, в нём отраженных. Нередко рассматривается как одна из областей литературоведения».

В этом определении схвачено главное: суть критики (интерпретация и оценка произведения) и её двойственная природа (критика – литература и наука о литературе). К этому следовало бы добавить этимологию термина (*kritike* в греческом языке означает суждение, искусство разбирать, судить).

Диалог 2

Первые шаги в критике

Б.Т. Георгий Николаевич, с чего вы начинали свою литературно-критическую деятельность?

Г.Н. Даю точный ответ: с пародий на стихи студентов-однокурсников филологического факультета Киргизского университета, но тогда я ещё не знал, что пародия является критическим жанром.

В то время у нас был литературный кружок, которым руководил завкафедрой Евгений Кузьмич Озмитель – любимый наш преподаватель, разрешавший нам любые творческие вольности. С его соизволения мы дали нашему кружку разухабистое название «Эй, ухнем!», за что нам крепко досталось в газете «Комсомолец Киргизии». Между прочим, здесь в это же время начинали свой творческий путь будущие мастера русской и русскоязычной литературы Кыргызстана: поэты Лев

Пародия стала широко известной в студенческой среде ещё и потому, что я в качестве конферансье использовал её на наших концертах, представляя залу исполнителя серенады Дон Кихота. Успех и у Володи, и у меня был потрясающий.

Б.Т. Ну, хорошо, оставим жанр пародии, с которого началась ваша литературно-критическая карьера. Меня интересует, какое образование вы получили в этой области творчества?

Г.Н. Целых два! Первое – академическое – в вузе; второе – научное – в аспирантуре. Примечательно, что моим научным руководителем в обоих направлениях был незабвенный профессор (кстати, известный литературный критик) Евгений Кузьмич Озмитель – мой вузовский и послевузовский Учитель на протяжении четырёх десятилетий. Кандидатскую диссертацию я защитил по теме «Мастерство изображения характера в современной киргизской прозе». Эта тема во многом способствовала тому, что я, получая научно-исследовательские навыки, одновременно овладевал литературно-критическими навыками. Ведь я занимался главным образом анализом и оценкой произведений современной литературы, то есть тем, чем занимается литературная критика.

Диалог 3 **Какими качествами должен обладать литературный критик?**

Г.Н. Опираясь на свой творческий опыт, полагаю, что литературный критик должен сочетать в себе три основных качества, три искусства: искусство профессионального чтения художественного текста, искусство критической интерпретации литературного произведения и искусство образно-художественного мышления. В этом порядке я и охарактеризую названные качества литературного критика.

Профессиональное чтение – это профессионально ориентированная деятельность литературного критика и – шире – студента-филолога. По этому вопросу у меня есть учебно-методическая разработка, и я ограничусь только цитацией из неё.

Научное отступление о профессиональном чтении художественного произведения

«Что такое чтение?» В широком смысле слова чтение – это процесс переработки текста, результатом которого является его понимание. В узком, применительно к теме нашего разговора, смысле слова чтение – это специфический процесс восприятия образов художественной литературы, органически связанный с творчеством читателя.

По мнению специалистов, есть две противоположные формы чтения – любительское и профессиональное.

Любительское чтение не требует никакой специальной подготовки, кроме знания грамоты. Оно, как правило, беспорядочно и стихийно. Читательская реакция преимущественно эмоциональна. Это чтение сугубо горизонтальное и принципиально однократное («Эту книгу я уже читал!»). Редко кто из читателей-любителей интересуется автором читаемой книги, ещё реже – местом данного произведения в творчестве писателя, тем более в литературном процессе.

Профессиональное чтение, вырастающее на почве любительского, по многим параметрам отличается от него. Оно носит преимущественно интеллектуальный характер и предваряется определённым заданием, своего рода программой. Читатель-профессионал стремится, во-первых, охватить произведение как целостное единство; во-вторых, зафиксировать все уровни его художественной структуры в их взаимодействии; в-третьих, включить произведение в контекст творчества данного писателя и – шире – в литературный процесс. <...> Иными словами, профессиональное чтение поверяется, контролируется литературоведческим чтением или обращается в него. Отсюда синонимичные определения профессионального чтения – творческое, литературоведческое, исследовательское».

(«Профессиональное чтение как творческий труд»)

Б.Т. Я высоко ценю ваши научные идеи о профессиональном чтении и активно использую их в работе со студентами.

Г.Н. Спасибо. Теперь о втором качестве критика – искусстве интерпретации литературного произведения.

Б.Т. Интерпретации или анализа?

Г.Н. Строго говоря, интерпретации. Анализ – это первый этап изучения текста, то есть исследовательское прочтение произведения путём его расчленения, а интерпретация – это

последующий этап, то есть критическое истолкование произведения, постижение его смысла, идеи, концепции.

Б.Т. Я думаю, что без конкретного примера читатели нас не поймут.

Г.Н. Принимается. Пример из моей творческой практики.

Научное отступление о том, кто такой Некто

Лет десять назад при работе над рецензией на поэтический сборник Александра Никитенко «Некто я» мне понадобилось интерпретировать, то есть истолковать, заголовок книги. Кстати, этот структурный элемент художественного произведения является для критика предметом повышенного внимания: ведь заголовок, образно говоря, это имя произведения, его входная дверь. Первым делом я установил прямое значение слова «некто». В толковых словарях Ожегова и Ушакова – одинаковые определения: некто – «некий человек, кто-то» – с добавлением у Ушакова: «Употребляется в сочетании с фамилией, когда говорят о мало кому знакомом человеке». Некто Никитенко? Этот ассоциативный образ, конечно же, неуместен по отношению к известному поэту.

В поисках образного употребления слова «некто» обращаюсь к справочнику «Крылатые слова». Нахожу выражение Некто в сером. Читаю: «“Некто в сером, именуемый Он”, – действующее лицо в пьесе Леонида Андреева “Жизнь человека” (1907) – символ рока и судьбы. Выражение употребляется шутивно, иронически: загадочная, неопределённая личность». Нет, и этот словообраз не вызывает приемлемых ассоциаций.

Прошло несколько дней – и вдруг, где-то в глубине сознания, озарение: ответ можно найти в Библии! И я нашёл его, причём сразу же, в первой книге Ветхого Завета «Бытие». В главе 32 есть эпизод, где Иаков, сын Исаака, борется всю ночь с незнакомцем, названным Некто. А когда взошла утренняя заря, Некто сказал ему: «Отныне имя тебе будет не Исаков, а Израиль; ибо ты боролся с Богом, и человеков одолевать будешь». Моё ассоциативное мышление сработало моментально: поэт, подобно Богу, выступает в роли творца – только не макромира, а микромира, то есть своего художественного мира.

Б.Т. А как воспринял эту интерпретацию заголовка сам Никитенко?

Г.Н. Восторженно! По его замыслу, заголовок имел целью напомнить читателю о поэте, который длительное время – це-

лых четырнадцать лет! – не издавался и наверняка был уже забыт.

Б.Т. Значит, критик должен быть дальновиднее автора?

Г.Н. Безусловно. К этому выводу пришёл ещё в первой половине XIX века философ Фридрих Шлейермахер, основатель герменевтики – науки толкования художественного текста, учения о принципах его интерпретации. Согласно его концепции, дело истолкователя текста – повторно осуществить в себе акт творческого «гения», как осознанный, так и неосознанный; но, поскольку «гений» не может до конца знать, что он творит, а истолкователь может, постольку задача герменевтики – понять автора лучше, чем он понимал себя. В общем, метод литературной герменевтики для критика то же, что скальпель для хирурга.

Б.Т. В принципе, я согласен и с Шлейермахером, и с вами. А теперь вам осталось сказать ещё об одном качестве литературного критика – умении мыслить образно.

Г.Н. Да, да. Наличие образности в критике обусловлено тем, что объектом её интерпретации является художественное произведение. Художественность придаёт критическому тексту яркость, красочность, эмоциональность. И чем активнее использует критик образно-выразительные средства, тем выше уровень его профессионального мастерства. В качестве образца я приведу пример из творческой практики классиков отечественной критики.

Научные отступления – иллюстрации литературно-критической образности

- 1. В.Г. Белинский о комплексе лирических переживаний
в стихотворении
М.Ю. Лермонтова «И скучно и грустно»*

«Страшен этот глухой, могильный голос подземного страдания, нездешней муки, этот потрясающий душу реквием всех надежд, всех чувств человеческих, всех обаяний жизни! От него содрогается человеческая природа, стынет кровь в жилах, и прежний светлый образ жизни представляется отвратительным склепом, который душит нас в своих костяных объятиях, улыбается своими костяными челюстями и прижимается к устам нашим! Это не минута душевной дисгармонии, сердечного отчаяния: это похоронная песня всей жизни! <...> И какая простота в выраже-

нии, какая естественность, свобода в стихе! Так и чувствуешь, что вся пьеса мгновенно излилась на бумагу сама собою, как поток слёз, давно уже накипевших, как струя горячей крови из раны, с которой вдруг сорвана перевязка...».

Диалог 4

Каким требованиям критики должно отвечать художественное произведение?

Г.Н. Я могу выразить эти требования словами: оригинальность, эстетичность и публицистичность.

Б.Т. Начнём по порядку. В чём, по-вашему, должна проявляться оригинальность произведения?

Г.Н. Во всём. В каждом структурном элементе, начиная с заголовка. Оригинальны заголовки поэтических книг, например, у Светланы Суслевой: «Пятое время года», «Охота на эхо», «Молчание Рыб»...

Б.Т. ... или у Александра Никитенко: «Некто я», «SMS», «Переворачиваю мир».

Г.Н. Спасибо за подсказку. Оригинальным может быть жанровое обозначение книги или отдельного произведения. «Сборник слегка сумасшедших рассказов» у Олега Бондаренко...

Б.Т. ... «рассказ-ахиня» у Владимира Фёдорова...

Г.Н. Оригинальным может быть сюжет произведения. Например: чудесное перевоплощение поэтессы в художника после травмы головы, полученной на катке, в рассказе Александра Иванова «Ледовое чудо»; ожидание библейского потопа в сельской глубинке России, отрезанной от внешнего мира длительными проливными дождями, в рассказе Ащеулова «Потоп»... ».

Г.Н. Оригинальным может быть герой произведения, как, например, «человек без прошлого» из одноимённого рассказа Ащеулова...

Б.Т. ... или «окопный человек» из одноимённого рассказа Иванова...

Б.Т. Хорошая разминка! В общем, вопрос об оригинальности художественных произведений, достойных внимания критики, снят. Теперь – об их эстетичности.

Г.Н. Под эстетичностью я разумею эстетическое наслаждение, которое испытывает читатель в процессе восприятия художественного произведения. Обращусь за помощью к са-

мому себе и приведу ещё одну цитату из своей учебно-методической разработки, о которой вы уже сказали доброе слово.

Научное отступление об эстетическом наслаждении

«В системе функций художественного произведения особое место принадлежит функции эстетической, которая состоит в том, что произведение оказывает на читателя мощное эмоциональное воздействие, доставляет ему не только интеллектуальное, но и чувственное наслаждение. Особая роль именно этой функции определяется тем, что без неё невозможно осуществление всех других функций: познавательной, оценочной, воспитательной. Глубинным выражением этой функции является термин эстетическое наслаждение.

Эстетическое наслаждение – это специфическое переживание, порожденное творческой деятельностью или восприятием прекрасного в жизни и искусстве. Оно выражается в чувстве удовлетворения, радости, в общем эмоциональном подъеме душевных и духовных сил человека.

Радость, доставляемая произведением искусства, является важнейшим показателем его художественности. Уметь читать – это значит тонко чувствовать красоту художественного произведения. Объектом эстетического переживания может стать любой формально-содержательный элемент текста: прекрасная идея или страстный пафос, оригинальный сюжет или стройная композиция, своеобразный стиль или глубокий подтекст, великолепный пейзаж или превосходный портрет, завораживающий ритм или звучная аллитерация, бросакая деталь или потрясающая метафора, занозистый эпитет или изящная рифма.

Способности к эстетическому восприятию произведений искусства заложены в каждом из нас. Однако их надо постоянно развивать, совершенствуя свой художественный вкус».

(«Профессиональное чтение как творческий труд»)

Б.Т. И, наконец, о публицистичности художественных произведений, достойных внимания критики.

Г.Н. Под публицистичностью я подразумеваю целенаправленную ориентацию писателя на художественное отражение современной жизни общества независимо от того, в какой форме – реалистической или нереалистической, в каком времени – настоящем, прошлом или будущем она изображается.

Диалог 5

О критической оценке произведений

Б.Т. Результатом критического анализа (по-вашему – интерпретации) произведения является его критическая оценка. Как вы трактуете это понятие?

Г.Н. Говоря научным языком, оценка – это объективно-субъективный процесс, включающий в себя научную аргументацию и личностное отношение критика к художественным явлениям и их качествам. А по-обыденному, это выявление достоинств и недостатков рецензируемых произведений. Отсюда две крайности в критических оценках: оценка-восхваление и оценка-осуждение. Я сознательно избегаю их, памятуя о том, что истина находится посередине.

Б.Т. А как вы относитесь к комплиментарной критике?

Г.Н. Отрицательно. В отношениях с авторами, даже с авторами-женщинами, от комплиментов воздерживаюсь, ибо комплимент, по-моему, в определённой степени проявление неискренности.

Б.Т. А к разгромной критике?

Г.Н. Тоже отрицательно. Если произведение не доросло до критики, лучше умолчать о нём. Правда, поговорить с автором наедине можно, но публично, через печать – нет смысла. Отношение критика к автору должно быть строгим, но бережным, требовательным, но уважительным, взыскательным, но чутким. Приведу два примера из своей практики.

Научные отступления о критической оценке произведений

1. Поэтическая книга (сборник Михаила Ронкина «Горсть земли»)

«Лучшие стихи сборника – это те, что идут от сердца, на которых печать личности поэта.<...> Но есть в книге и такие стихи, что идут не от сердца, а от рассудка. Вот о них и хочется поговорить. Приведу одно стихотворение полностью:

Мне дороги законы предков,
заветы деда и отца...
Не дрогнув,

с тем пойду в разведку,
в ком я уверен до конца.

Чтоб в час решительного боя,
в час смерти,
из последних сил,
меня прикрыл бы друг собою,
а я его собой прикрыл.

В нём есть всё, что требуется для стихотворения. Нет только души. Это холодное, рассудочное произведение, оно лишено живых эмоций, так как сконструировано по схеме. Мысль, заложенная в нём, не раскрывается, а д е к л а р и р у е т с я.

С сожалением должен сказать, что подобные стихи не являются исключением.<...>

Вот, к примеру, “Мастера”. Декларация мысли о том, что поклонения заслуживают не иконы и церкви, а мастера, их создавшие.

Или – “Отчий край”. Декларация мысли о том, что “ты пред отчим краем до последних дней своих в долгу”.

Или – “Кто так ещё умеет ждать...”. Декларация мысли о том, что ожидание матерей и жён спасает солдат от смерти.

Все эти мысли не новы. Они уже высказаны другими поэтами, а поэзия, как известно, не терпит повторений.

А вывод? Он ясен. В “Горсти земли” есть поэзия подлинная и мнимая. Приветствуя подлинную, мы отвергаем мнимую».

(«Поэзия подлинная и мнимая»)

2. Прозаическая книга (сборник рассказов Дмитрия Ащеулова «Бальтазар Неверро»)

«Мне остается только сделать несколько обобщений в форме выводов.

Первое. Дмитрий Ащеулов уже своей первой книгой заявил о себе как о творческой индивидуальности. У него целостный художественный мир писателя-фантаста, сложившаяся поэтика – система изобразительно-выразительных средств, глубинная связь рассказов с современной жизнью.

Второе. Творчество Дмитрия Ащеулова вписывается в рамки современного художественного мышления, которое обозначается термином постмодернизм. В отечественной русской литера-

туре к писателям-постмодернистам относят Андрея Битова, Сашу Соколова, Дмитрия Пригова, Тимура Кибирова, Льва Рубинштейна, Юрия Мамлеева и других. В русской литературе Кыргызстана пальму первенства писателя-модерниста следует отдать, на мой взгляд, Дмитрию Ащеулову.

Третье. В первом номере журнала “Литературный Кыргызстан” за 2010 год Дмитрий Ащеулов опубликовал прозаический цикл под жанровым обозначением “Миниатюры” (так называют небольшие произведения, для которых характерно глубокое содержание при безукоризненно отточенной форме). В “Миниатюрах” я узнал автора сборника рассказов “Бальтазар Неверро”, но вместе с тем отметил некоторые новые штрихи в творческом почерке писателя. Значит, Дмитрий Ащеулов не остановился на достигнутом, проявляет тягу к новаторству. Это хорошо.

Счастливого ему пути в большую литературу!»

(«Знакомьтесь: Дмитрий Ащеулов, писатель»)

Б.Т. Показательные примеры для молодых критиков, в том числе и для наших студентов.

Г.Н. Однако у меня есть ещё два дополнения к разговору на эту тему.

Первое. Критическая оценка литературного произведения – это не аннотация, не комментарий, не выставление оценок, а суждение, то есть определение того, что истинно, а что фальшиво, что оригинально, а что банально, что новаторство, а что модничанье.

Второе. Критическая оценка может обогащаться критическим прогнозированием, предвидением, предсказыванием. Главное в прогнозировании – не столько предсказать, сколько вовремя уловить нарождающееся или предвидеть проблемы, которые встанут перед писателем или перед литературой.

Диалог 6

Критика – это критики

Б.Т. Теперь, уяснив, что такое критическая оценка произведения, вполне логично перейти к оценке вашей литературно-критической деятельности, которая, как мне известно, исчисляется стажем в пять десятилетий. В первую очередь меня интересует вопрос, каким критическим жанрам вы отдаёте предпочтение.

Г.Н. Литературная критика многожанровая. Специалисты насчитывают до двадцати литературно-критических жанров и жанровых форм. Общеизвестно, что первичным жанром является рецензия, а опорными жанрами – рецензия, статья и творческий портрет. Среди других жанров выделяют обзор, эссе, письмо, заметки критика, фельетон, пародию и, представьте себе, некролог.

В моей творческой практике главенствующее место занимает рецензия. Почему? Да потому что рецензия (от латинского *resensio* – рассмотрение, исследование) интерпретирует отдельное произведение, без чего нельзя разобраться в литературном процессе.

Б.Т. И много писателей удостоились чести быть отрецензированными профессиональным критиком?

Г.Н. Желали, конечно, многие: а кто из творческих личностей не желает услышать о себе авторитетное слово со стороны! Но право выбора было за мной. А моими адресатами были, как правило, профессиональные писатели плюс талантливые литераторы республики, пишущие на русском языке или переведённые на русский язык. В их числе: поэты Сергей Фиксин, Михаил Ронкин, Анатолий Борцов, Лев Аксельруд, Евгений Колесников, Светлана Сулова, Вячеслав Шаповалов, Александр Никитенко, Анэс Зарифьян, Гульсайра Момунова; прозаики Евгений Ковский, Анатолий Сальников, Виктор Бобылев, Геннадий Петрухин, Леонид Дядюченко, Александр Иванов, Аман Газиев, Дмитрий Ащеулов, Мамасалы Абдукаримов, Муса Джангазиев, Акматбек Солтобаев, Мар Байджиев, Сейит Джетимишев, Аммиан фон Бек. Занимаясь изучением киргизско-украинских связей как литературовед, я рецензировал как критик произведения украинских писателей о Киргизии (Борислав Степанюк, Василь Большак), а также переводы киргизских писателей на украинский язык (Токтогул, Аалы Токомбаев). В поле моего зрения как критика была также научно-критическая литература под авторством известных учёных-литературоведов Киргизии (Е.К. Озмитель, М.А. Рудов, А.В. Жирков, Н.А. Никипорец, В.Я. Вакуленко).

Особую страницу в моей критической деятельности составляет блок рецензий на спектакли Русского драматического театра имени Н.К. Крупской (сейчас Театр русской драмы имени Чингиза Айтматова).

Б.Т. Думаю, это очень трудно – литературному критику написать театральную рецензию. Если в рецензии на литера-

турное произведение критик имеет дело только с авторским замыслом и его исполнением, то в театральной постановке, кроме автора, участвуют режиссёры, актёры, музыканты, оформители и так далее. Значит, театральная рецензия должна оценивать и работу исполнительского коллектива, и каждой его части в отдельности.

Г.Н. Совершенно верно! Но, знаете ли, меня в то время ввели в состав художественного совета театра, и его заседания стали для меня хорошей школой театрально-критической деятельности. Свои театральные рецензии я храню в отдельной папке и время от времени обращаюсь к ней в своей научно-педагогической работе. Наиболее удачными считаю рецензии на спектакли по произведениям М. Горького («Фома Гордеев»), В. Маяковского («Клоп»), В. Розова («Четыре капли»), М. Байджиева («Дуэль»).

Б.Т. А ещё какие жанры, кроме рецензии, вы используете?

Г.Н. На втором месте у меня жанр критической статьи, главным признаком которой является научность. В принципе, это произведение, пограничное между критикой и собственно наукой – не в урон ни той ни другой. У меня критическая статья, как правило, базируется на фундаменте рецензируемой книги, поэтому её можно позиционировать и как статью-рецензию, и как творческий портрет (точнее – штрихи к портрету). Таковы, к примеру, статьи «Храните радугу в крылах стрекоз!» (об Александре Никитенко), «Поэтические акварели Светланы Сусловой».

Одно время я увлекался прозаическими пародиями. В своём творческом активе имею несколько таких пародий: «Козья ножка» (на раннюю прозу Евгения Колесникова), «Не все Романовы – рамоли, или Кто кого» (на роман Евгения Ковского «Брат на брата»), «Сказание о куркуле Грихе, соседе его Михе и тульском гвардейце Степане Семёновиче» (на роман Николая Удалова «Нищие духом»).

С уважением отношусь к таким «рабочим» жанрам, как заметки критика, обзор, отзыв. А в общем в критике, как и в литературе, все жанры хороши, кроме скучного.

Б.Т. Георгий Николаевич, а могли бы вы как критик дать критическую оценку вашей критической работе?

Г.Н. Иными словами, заняться самокритикой? Могу. Только дайте немного подумать...

По-моему, у критика две основные цели: интерпретация и

оценка художественного произведения. Так вот, при интерпретации, опирающейся на литературоведческий анализ, я чувствую себя уверенно, будучи профессиональным литературоведом, научно-педагогическим работником с большим стажем. А вот при оценке художественного произведения мне, как и каждому критику, приходится сталкиваться с двумя крайностями: с одной стороны, недооценкой, с другой – переоценкой его идейно-художественных качеств. Приведу конкретные примеры.

В своё время я упрекал Льва Аксельруда, талантливого поэта, высоко ценимого мною, в навязчивом пристрастии к своей исторической родине – Израилю. Это чувство проявлялось не только в образах-деталях («Оборотился снегом дождь картавый»; «Не провожал ты взглядом клин летящий. // Не слышал крик с картавиною милой»; «Над пнями, что остались от порубки, // Как шум листвы живой, мне идиш чудится»), так и на идейно-тематическом уровне (например, в поэме «Следы на земле»: «Твои устои новые крепя // И правящим временщикам не внемля, // Израильская нация, тебя – // Пусть исподволь! – упорно лепит время»).

Вместе с тем у Аксельруда не было стихов о Киргизии, что по тем временам считалось идейным просчетом в художественном творчестве. Я тоже так считал, поскольку нас учили, что у советского человека есть две родины: малая (та, где он родился и вырос, первоначальная, личная) и большая (родная страна, отчизна, Советский Союз), а историческая родина (место обитания его предков) практически нивелировалась как духовная величина. С разрушением Союза историческая родина обрела свой высокий статус, Лев Аксельруд уехал в Израиль, а мне стало стыдно за то, что я недооценивал художественное решение темы родины в его поэзии и навязывал ему ординарную точку зрения.

Аналогичная история с недооценкой художественного произведения, только не на идейном, а на художественном уровне, произошла у меня с повестью Геннадия Петрухина «Белый парус» на стадии издательского рецензирования. Она была включена в сборник вместе с повестью «Полонез Венявского», но показалась мне в сравнении с нею настолько посредственным произведением, что я рекомендовал повредить с её публикацией до устранения указанных недостатков. Издательство согласилось с моим мнением, и повесть была опубликована только два года спустя – в контексте дру-

гих повестей и по рекомендации другого рецензента. Однако, сравнивая варианты – опубликованный и рецензированный мною, – я самокритично признал, что недооценил рукописный вариант повести, упрекая автора в слабости художественного психологизма и романтической литературы.

Переоценка художественных качеств произведения – тоже нередкое явление в моей литературно-критической практике. Она характерна главным образом для рецензий на книги начинающих или молодых авторов, которые, на мой взгляд, подавали надежды на успешную литературную деятельность. В числе таких поэтов я выделял Владимира Кульчицкого (сборник «Снегирия»), среди прозаиков – Николая Володина (приключенческая повесть «Доброотрядцы»), Александра Тебенькова (сборник «Себе дороже») и некоторых других литераторов. К сожалению, большинство из них не одолели путь в большую литературу, так что мои критические прогнозы почти не оправдались.

Б.Т. На каких языках и в каких изданиях публиковались ваши литературно-критические работы?

Г.Н. На русском, киргизском и украинском языках. В периодических изданиях Киргизии и Украины: в газетах «Советская Киргизия» (сейчас «Слово Кыргызстана»), «Комсомолец Киргизии», «Вечерний Фрунзе» (сейчас «Вечерний Бишкек»), «МСН», «Иссык-Кульская правда», «Славянские вести», «Берегиня», «Кызыл Кыргызстан», «Ленинчил жаш», «Кыргызстан маданияты», «Правда Украины», «Літературна Україна»; в журналах «Литературный Киргизстан» (сейчас «Литературный Кыргызстан»), «Русский язык и литература в школах Кыргызстана», «Ала-Тоо».

К сказанному добавлю, что в советское время значительную часть литературно-критических работ я выполнял по договорам с издательствами в форме внутренних (издательских) рецензий, которые для печати не предназначались и оседали в архивах.

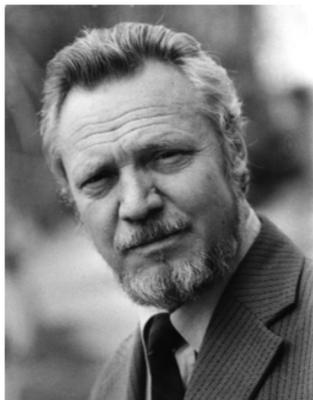
Да, совсем запамятовал! Мои статьи публиковались (на языке оригинала) ещё и в польских журналах: «Spoteczenstwo i polityka» («Общество и политика»), «Nowa polityka wshodnia» («Новая политика Востока»), «Kultura i polityka» («Культура и политика»). И ещё: на днях из Турции пришла весточка о том, что в Эрзуруме выходит моя статья на турецком языке в журнале «ТЕКЕ» («Турецкий язык. Литература. Культура. Образование»).

Приз победителю – профессиональная литературно-критическая статья о его поэтическом творчестве. Объём художественного текста не ограничен – от одного стихотворения до собрания сочинений.

Б.Т. Замечательное творческое задание поэтам от критика! В таком случае, Георгий Николаевич, я готов выступить в роли арбитра.

Г.Н. Охотно принимаю ваше предложение, Бахтияр Турарович. А участникам конкурса – творческих успехов!

Беседу вёл
Бахтияр Койчуев

Евгений КОЛЕСНИКОВ,

ХОД КОНЕМ

– Эй, выгнанный!

Я вздрогнул, идя по длинному цветочно-ковровому коридору местного – киргизстанского – «Белого дома», мелькнула мысль: это обращено ко мне, выгнанному с работы в издательстве? Но в ряду многих кабинетных комнат вдоль коридора я увидел почти перед собой открывшуюся дверь и человека в строгом костюме, с галстуком. Оказывается, когда я шел, почти одновременно открылись двери впереди и позади меня. Я оглянулся: у открытой двери стоял такой же мужчина в строгом костюме, с галстуком и окликал того, который вышел из двери передо мной:

– Эй, Выгнанный... Уже десять минут жду тебя!

– Бегу, извини...

Я постепенно понял, уразумел, что возглас «выгнанный» относился не ко мне, а просто в этом ответственном заведении работает сотрудник, скорее всего инструктор какого-то отдела, по фамилии Выгнанный. Житейский фарсик!.. Но я-то шел по серьезному для меня вопросу к весьма важному партийному боссу: какова судьба моего сборника повестей «Лунный всадник», изъятого из печати?

Это – вроде лирического отступления... Чтобы долго не расписывать линию моего издательского «дела», полагаю, лучше прибегнуть к хорошей, как нередко, идее главного редактора журнала «Литературный Кыргызстан» Александра Иванова, придумавшего: исполнилось 80 лет Евгению Колесникову, много времени и сил отдавшему журналу «ЛК» и Союзу писателей Киргизстана, и 80 лет Мару Байджиеву, народному

писателю Республики; пусть они, многолетние литературные сподвижники, поздравят друг друга письменно, что найдет место на страницах «ЛК»... Вот оттуда и следующие выписки:

«Надежный мой друг с далеких студенческих лет! Мы с тобой душеедино делили радости творчества и мрачные моменты, связанные с плодами творчества, – при твоём всеобщем триумфе драматурга и совместной опале «сверху» по причине твоего повествовательного «чужого счастья» с моей редактурой и обоюдным пониманием, что чужого счастья, как и беды, не бывает.

*Е.К.,
твой искренний поклонник.*

«Дорогой Евгений, ты помнишь, в мой сборник «Чужое счастье» вошла и драматическая новелла «Дуэль», которая шла на сценах многих театров Советского Союза и зарубежья. Но в это время начались какие-то конфликты между первым и третьим секретарями ЦК КП Киргизии. Службистам была дана команда найти на секретаря по идеологии компромат. Нашли... На чрезвычайном собрании издательства утверждалось: «Для М.Байджиева счастье советского человека – чужое счастье, о чем свидетельствует уже название его книги. В ней есть буржуазно-националистическая пропаганда!» И все... Пригвождено! Директор и главред издательства признались, что прошляпили мои «идеологические вылазки», поклялись, что больше такого не будет. Они получили выговор, редактора – тебя, Евгений, уволили, книгу «Чужое счастье» решили изъять из обращения. А далее... Фильм по повести «Чужое счастье», снятый в Ташкенте, получил Первый приз на Всесоюзном кинофестивале, по пьесе «Дуэль» по заказу ЦТ создали фильм «Ливень» с Наташей Варлей в главной роли, тебя, Евгений Григорьевич, приняли в редакцию «Литературного Кыргызстана». У тебя вышли интересные книги в Москве и Фрунзе. Меня утвердили собкором «Литературной газеты». Держись, мой друг! Может, и доживем до восстановления былого единства.

Твой Мар Байджиев.

Итак, я в тревоге (на том чрезвычайном собрании выделали отдельно: а книга самого редактора сдана в набор, надо

посмотреть, что же он в ней понаписал?) иду по длинному цветистому коридору уяснять участь книги «Лунный всадник», точнее, выдадут ли мне на руки «внутреннюю» рецензию? («Внутренними» назывались рецензии, заказанные кому-либо доверенному, но без подписи). Хотя я знал: после большинства таких рецензий книги не издавались, все же надеялся, что дамоклов меч минует мою книгу. Напрасно... Выдали: «...искажение советской действительности» и «...очернение советского человека». Прочтя это, я обомлел: так что, я не совсем советский человек? Конкретно выражаясь: антисоветчик? Набор моей книги в типографии рассыпали. У меня – только «белый билет». Что делать – вопроса передо мной не стояло. Корректуру книги (у меня имелся еще один экземпляр) я отвез в Москву, в Совет по киргизстанской литературе Союза писателей СССР, тогда действенной инстанции. Совет возглавляла энергичная и добрая Хава Галиевна Хусаинова, она отдала корректуру на еще одну, контрольную рецензию уже авторитетному критику Андрею Туркову. Его категоричное заключение: «Если у меня есть какие-то претензии, я бы мог их высказать по выходе книги в свет».

В эти дни я встречаюсь с Владимиром Цыбиным, «возвеличенным» своей поэтической книгой «Медовуха». Он переспрашивает: «Так что, тебя зарубили?» – «Да.» – «Где живешь?» – «В гостинице «Москва». – «Поступим так... Завтра, в десять утра, у подъезда гостиницы. Бери не корректуру, а рукопись книги. Сделаем «ход конем». Поедем на Ярцевскую, в издательство «Современник». Только условие – такси и два больших, по полкилограмма, мороженных». – «Бу сделано...» – «Это я буду делать!»

Мы ехали, и я, крутя в голове: «два больших, по полкило...», глядел на этого, как бы определить двумя словами, большого, крупного человека, крупного внешне, рослого, широкоплечего, с броскими чертами лица и также крупным интеллектуально-духовным обликом. Не напрасно он был выходцем из семиреченских казаков... А «два больших...» выдавало обычно оживленное, открытое всему интересному в окружении лицо, на сей раз тронутое тенью некоего внутреннего страдальчества. Хотя понятно... После крепкой вчерашней вечеринки. А знакомы мы с ним были давно: родом он из Киргизстана, где я прожил много лет, из селения Самсоновка, ныне Бурулдай, где я работал в школе после университета, выходит, в школе, где учился Владимир Андреевич. Первые

свои стихи он публиковал в журнале «Литературный Киргизстан», с коими и поступал в Литинститут и вышел на простор двуединой темы:

Пусть не рязанские, другие
И река, и желтая стерня, -
Все же начинается Россия
Именно отсюда для меня.

Его родители и старший брат после Самсоновки жили в городе Токмаке, в 60-ти километрах от Фрунзе (Бишкека). И он почти каждый год приезжал к ним и, конечно, по литературным делам в столице Республики, и, разумеется, каждый раз мы встречались, так как я работал в журнале, издательстве, в республиканском Союзе писателей. Особенно памятным наше общение и сближение выпало на середину шестидесятих годов. По линии ЦК ВЛКСМ Владимир Цыбин прибыл во Фрунзе вместе с женой Адой и успешным молодым поэтом Юрием Шавыриным, переводившим популярного киргизского поэта Совета Урмамбетова, щеголеватым, привлекательным для девушек и редакторов – еще до поры, когда он, подкошенный алкоголизмом и каким-то сложным неврологическим заболеванием, шумно ходил по Пестрому буфету ЦДЛа и собирал со столиков опивки и объедки. Мы с Владимиром были вхожи в его шикарную квартиру на Фрунзенской набережной. Уезжая работать над поэмой и переводами в Крым, он оставлял мне свою квартиру, оказывал всяческое доверие. Давал ключи и другим... Рассказывал байку: будто однажды, по приезду домой, он застал в квартире такую картину: Егор Исаев, Михаил Луконин и Владимир Цыбин сидели на кухне, рвали газету, крошили и бросали в большую чашку с мутноватой жидкостью. Все трое уверяли: «Выпьем, не будет запаха».

Киргизстанский комсомол снарядил нам культ-автобус с громкоговорителем, с агитбригадой – поэты, музыканты, бойкая певичка. Программа: круиз по всему Иссык-Кулю, выступления во Дворцах культуры, в колхозных клубах, встречи с местным населением. Первая остановка вечером была в родном аиле Совета Урмамбетова – как водится, юрта на берегу озера, костер, бешбармак со «Старкой» (целый ящик в багажнике автобуса), ночь в юрте, перед сном в темноте читали по очереди стихи, определяя общим голосом, чье выступление лучше. Победила певичка:

Моряк в развалочку сошел на берег,
Как будто он открыл пятьсот Америк,
Ну не пятьсот, так пять по крайней мере...

Подвели итог: «Вот и мы будем так выступать, как моряк сошел на берег...»

Дольше всего остановились в городе Пржевальске (Караколе). По утрам мы выезжали на озерный берег-пляж, купались, загорали, музыканты «откалывали номера», да и другие тоже, а Владимир брал одеяло, портфель и уходил в заросли джерганак (облепихи): «Мне не мешать!» Он заканчивал перевод романа в стихах народного поэта Аалы Токомбаева «Перед зарей». Целый «кирпич», более 12-ти тысяч строк... Это ж надо – такое одолеть!.. После «программы» выехали во Фрунзе южным, менее населенным берегом. Денежный «общак» кончился, все были голодны. Одна только Ада довольно говорила: «А мне хорошо. Голодание полезно». Она была циркачкой... Свернули к подгорью, в «закрытый» городок с тайным производством, там был ресторан, наскребли мелочи на ржавые котлеты. Смотрим: в зале есть подмости для оркестра, а самого оркестра нет. Публика скучает... «Выехал на свадьбу», – пояснила завзalom. С ней договорились: «У нас музыка, а вы нам...» – «С удовольствием. Будьте добры! Выручили...» Наши музыканты выжали все, что могли, а мы нажимали на все, что могли, – и самый армянский коньяк, и лагман, и самса, и даже казы – колбасное изделие из жирной конины кусочками, что особенно нахваливал Андреевич. Юрий – щеголь, где-то нашел цветочную клумбу и преподнес довольной завзalom пышный букет. «Вот это работа!» – все заключили об иссык-кульском кризисе.

... В издательстве «Современник» мы не пошли к директору Юрию Прокушеву, да его и не было на месте. Главный редактор – Валентин Сорокин, спросил: «Наш?» – «Наш, – ответил Цыбин. – Вестимо, издаете только россиян, так он с Алтая, из районной газеты». Сорокин поднял телефонную трубку: «Зайди ко мне». Вошел молодцеватый Владимир Крупин, заведующий отделом прозы и, услышав, что меня рекомендуют как алтайца, из райгазеты, внимательно изучающе оглядел мою персону, со снисходительным пониманием улыбнулся: «Районщик? Ну-ну... Похож! Что же, вместе поработаем. Твоим редактором, я полагаю, будет мадам Костина. Она поста-

вит тебя на путь истинно литературный...» Главный редактор сказал моему протеже: «Напиши ему предисловие».

И протеже написал: «Перед нами книга талантливого писателя со своим письмом, своей внутренней темой и, главное, со своим богатым внутренним миром терпеливых и совестливых русских людей».

В этот период Владимир Цыбин был на взлете своей поэтической миссии. Именно миссии... В заметках «О своем» он скажет: «На литературных выступлениях я проверял себя на самой взыскательной аудитории. Это помогло мне понять, что русская поэзия – не только призвание, но и предназначение: поэзия – музыка и философия времени». В одной интернетовской статье значится: «Цыбин – один из ярких представителей молодой русской поэзии времен хрущевской «оттепели». На виду у всех из этой плеяды тогда были Е. Евтушенко, А. Вознесенский, Р. Рождественский и другие, условно говоря, «городские» поэты. Цыбин представлял менее известную, крестьянскую линию, причем связанную не с направлением реалистического психологизма А. Твардовского, а с романтико-метафорическими традициями С. Есенина, П. Васильева, Б. Корнилова... Живописность, пластичность, точность в описании природы и человеческой жизни не являются подражанием кому-то, они вполне самобытны. «Эпическая река его питается лирическими родниками». – уточняет Евгений Винокуров. Главным, интегрирующим образом в его стихах и поэмах является образ России. Как и у всех больших российских поэтов и прозаиков... Он жил полными человеческими страстями: жадной творчества – книги издавал почти каждый год, отзывчивостью, помощью всем, кто в этом нуждался, и молодым, и пожилым, высокой моралью – отказался от написания книги о Есенине для серии «Жизнь замечательных людей», поскольку вменял классике некие нравственные грехи, нежной терпимостью – когда после круиза вокруг Иссык-Куля мы возвращались обратно, Ада сидела на стуле в проходе между автобусными сиденьями: все же циркачка, негоже горбиться на мягком кресле, автобус влетел в глубокую колдобину, сильно трянуло, и Ада упала вперед, изрядно ушибла ногу, так Владимир двести километров, а это шесть часов езды, осторожно держал припухшую ногу жены на своих коленях.

И вы за то, что я робею,
Меня простите. В этот час

Я даже нежностью своею
И то боюсь обидеть вас.

Как-то я ожидал его в цэдээловском буфете на веранде – была некогда такая веранда с навесом, за столиком, куда я бочком примостился, уже сидел человек, невысокий, щуплый, я сразу узнал его – это был Михаил Светлов. Он сидел перед маленькой рюмкой коньяка, молчал, углубленный в себя, и я не смел затеять какой-либо разговор, минут через двадцать он поднялся и выдал чисто светловскую фразу: «Благодарю. Мы с вами хорошо помолчали». Подошел Владимир Андреевич: «Здесь Светлова не видел? Он просил встретиться». – «Только что ушел». – «Идем в Пестрый зал, может, он там». Не было... Владимир заказал шампанское. Обычно все свои заказы брали у стойки бара, а Цыбину уборщицы посуды со столов почтительно приносили, что он просил. Друзья-подруги... В проходе из Пестрого зала в дубовый ресторан тоже было всяческое угощение. Там Анатолий Поперечный сушил на горячей трубе свои носки. Простота нравов...

Кто-то, проходя мимо нашего столика и видя, что Цыбин пьет только шампанское, Поперечный бросил колкость, как ему думалось: «Что, Андреич, завязали?» – «Мы не завязываем, – ответил тот с мужским достоинством. – Мы отдыхаем!». Я глянул по сторонам – взоры всех молодых были устремлены на Андреича, и было понятно, что они ждут, когда он останется один, и подступятся к нему со своими вопросами-просьбами: как, мол, их стихи, где лучше издать, не поможете ли в продвижении первой книжки? Он, заслуженно авторитетный, всем был нужен, как сама поэтическая, живительная атмосфера. Его отличала и щедрость материальная, у него активно печатавшегося и стихами, и прозой, водились деньги, хотя он мало где служил, имея возможность жить гонорарами. Так, Марку Ватагину, известному переводчику, обещавшему найти своему знакомому сумму для кооператива, редактору переводной книги АалыТокомбаева, изданной в Киргизстане, Владимир Андреевич отвалил целых восемьсот рублей, сумму, по тому времени, огромную.

Еще одна молва, хотя свидетелями ее фактической основы являлись мои близкие люди... Помимо издательского редактора переводной объемистой книги «Перед зарей» контрольным (такова существовала практика) был приглашен Михаил Луконин. При расчете за работу Владимиру и ему за-

платили по целому рублю за строку, на двоих более двадцати тысяч. Они увезли с собой два туго набитых портфеля – по тогдашним ценам четыре легковых автомобиля.

Просьба у него ко мне была единственная – на 8-м съезде писателей (1986 г.), на котором я был делегатом, на том самом, в Кремле, когда первый секретарь Союза Георгий Марков при чтении отчетного доклада потерял связь речи и доклад дочитывал Владимир Карпов, после очередного перерыва он подошел ко мне: «Сейчас будут выборы Правления, так ты поддержи...» Да он и не сомневался, кого я поддержу. И единственно проскочило охлаждение в наших отношениях, и виной, вернее, причиной этому был Евгений Винокуров, да и не он сам, а студенты-слушатели его поэтического семинара в Литинституте. Я, работая редактором русской литературы в издательстве «Киргизстан», готовил к выпуску сборник переводных стихов киргизских поэтов. Прислал заказанные переводы Владимир Цыбин – на уровне, даже добротные, в духе близкого мне поэта, отлично знавшего Республику, ее землю, обычаи и нравы, и киргизскую литературу. А когда прислал свои переводы Евгений Винокуров – неведомо, кто предоставил ему подстрочники, может, Владимир, – я оказался в расстройности:

Высокий терем Ала-Тоо,
И там живут козлы-теке.
Пасутся на лугах коровы,
И волки воют – у! – вдалеке.

Во-первых, «Высокий терем Ала-Тоо» – это строка из Сергея Фиксина – поэта-старожила Фрунзе, друга юности Александра Твардовского, почти классическая:

Высокий терем Ала-Тоо,
Ручья крученая струя.
Край синего и золотого –
Вторая родина моя.

В голове моей зрело размышление: ну, не мог замечательный поэт взять чужую строку, во-вторых, не мог он и наворачкать насчет теке, коров и волков. Постепенно я пришел к заключению: Винокуров за неимением времени или по каким

другим причинам раздал подстрочники своим семинаристам, и те выдали «нетленки», вроде на тренинге. Разумеется, такие переводы невозможно было включить в сборник, о чем я и сообщил Винокурову, который пожаловался на меня Цыбину. Они вдвоем написали опровержение руководству издательства, но руководство не могло не занять мою позицию. Со временем это недоразумение затушеввалось...

«Женя, здравствуй! Я получил твое письмо. Спасибо. На счет Бережного (фрунзенский поэт. – Е. К.) – согласен, напишу. У меня с «Комсомолкой» добрые, доверительные отношения. Пусть высылает стихи. М.б., я и в другие места пристрою. Кстати, вышли и ты.

Мне предлагают быть редактором «Дня поэзии» на 71 год. Тогда, конечно, помогу. Стихи свои вышлю в апреле. На счет гонорария подтолкни, будь добр. Привет от Ады, Юры. Жду хороших вестей.

Володя. 14/11 – 69».

Перед уходом из жизни он заметно сдал, жаловался на «зубопад», богатырская сила его покидала. Он и скончался – полгода не дожил до семидесяти лет – богатырски: был дома, пошел на кухню и перед дверью рухнул... «Царствовал» над миром поэзии сорок с лишним лет.

В будущем году исполнится 85-летие со дня рождения видного «шестидесятника» с русской стороны». И полагаю, что у почитателей его щедрого поэтического дара найдутся положенные слова в честь крупного литературного деятеля, который сверхточно выразил свою человеческую сущность:

Я довожусь роднею
утру – по крови и крову.
Я могу над землю
гнуть радугу, как подкову...

Я весь из почек и завязи:
Живу, взорваться грозя!
И слышу, как прорезаются
На сердце моем глаза.

А что же «Лунный всадник»? Романтичный подросток

Женя Марьин, живший на природе и природой, в серых пятнах на полной луне видел всадника на скачущем, вздыбленном коне. «Я повернул к мосту через старицу и побежал в осоковую рощу. Низко, мне по грудь, стлался туман, и я бежал, рассекая его, словно плыл по воде – плыл навстречу с в о е й земле, а за мной по верхушкам осокорей скакал лунный всадник». (Повесть «Луна – цыганское солнце»).

В те времена была плановая система, в том числе и в книгоиздании. После беседы в «Современнике» моя рукопись благополучно оказалась в плане подготовки к выпуску, а затем и самого выпуска. По выходе книги в свет пошли рецензии. «Дороги, ведущие в романтику, заманчивы, особенно для писателя-поэта... Романтики и в зрелости всегда ищут. Продолжает искать и Евгений Колесников. Хочется пожелать ему новых удач». (Олег Коряков, «Литературная газета»). «Книга пронизана проблемной общностью, присущей всем повестям, – это становление личности, ее духовный рост, совершенствование, нравственное самопознание, противостояние злым силам на земле». (Евгений Озмитель, доктор филологических наук, местная пресса).

P.S. «ДИПЛОМ

Евгений Колесников за книгу повестей «Лунный всадник» (М., «Современник», 1975) удостоен звания лауреата премии Ленинского комсомола Республики.

Первый секретарь ЦК ЛКСМ Киргизстана А. Рысмендиев».

Было известно, что подобные дипломы не выдавались без одобрения «сверху». Поистине пути господни неисповедимы...

Кратко об авторах

АКРАМОВ Эрнст

Родился в 1936 году в г. Фрунзе. Окончил Киргизский государственный медицинский институт. 56 лет работает хирургом. В настоящее время – зав. отделением хирургии Чуйской областной больницы, директор Центра реконструктивно-восстановительной хирургии. Доктор медицинских наук, профессор, лауреат Государственной премии КР в области науки и техники, Герой Кыргызской Республики.

АЛЕКСАНДРОВ Вячеслав

Родился в Беларуси в 1947 году, в семье офицера Советской Армии. Живет в Киргизии с 1954 года. Окончил Киргизский государственный университет по специальности экспериментальная физика. Командовал два года мотострелковой ротой в Советской Армии. Затем строил датчики для космических спутников. Потом резкий поворот в судьбе. Как при слаломном спуске с горы на лыжах. Работа на телевидении в качестве снимающего корреспондента, сценариста, телеведущего, режиссера. Затем – кинооператора документальных фильмов – «Испытание», «Пятый угол», «Конечная остановка». И снова резкий поворот. На этот раз на стезю бизнеса в области туризма. С бизнесом столкнулся впервые, а с туризмом, альпинизмом и горными лыжами был давний роман, который продолжается до сих пор. Автор книг «Азиатские Белые Горы», «Алеет Восток» и др.

ВОЛОСЮК Иван

Родился в 1983 году в г. Дзержинске Донецкой области в семье шахтера.

Выпускник русского отделения филологического факультета Донецкого национального университета.

Публиковался в журналах «Знамя», «Дружба народов», «Волга», «Юность», «Литературная учеба». Стихи переведены на болгарский язык.

Участник 12 и 15 Форумов молодых писателей России, СНГ и зарубежья (Липки, 2012).

До начала боевых действий на Востоке Украины жил в г. Донецке, с августа 2014 года – вынужденный переселенец, живет в г. Дружковка Донецкой области.

ДУДАШВИЛИ Сергей

Родился 21. 01 1951 года на юге Кыргызстана, в селе Араван Ошской области. Окончил Киргизский государственный институт физической культуры по специальности туризм. Известный спелеолог и первооткрыватель большинства пещер в Центральной Азии. Автор 16 книг. Президент компании Международный центр путешествий «Горы Азии», фонда сохранения и исследования пещер. Член-корреспондент Всемирной энциклопедии путешествий.

ЗЕЛИЧЕНКО Александр

Родился во Фрунзе (ныне Бишкек) в 1957 году в семье офицера милиции. Окончил Высшую школу МВД СССР (Караганда, Казахстан) и Академию МВД СССР (Москва). Начав службу в уголовном розыске, затем последовательно возглавлял городской отдел внутренних дел, уголовный розыск области, республиканскую службу по борьбе с наркобизнесом, Государственную комиссию при Правительстве КР по контролю наркотиков, Главный Штаб МВД КР, Департамент паспортно-визовой работы и Центр реформирования МВД Кыргызстана. Являлся советником председателя республиканской службы по контролю наркотиков. Полковник в отставке, кандидат исторических наук.

Печатается с 1981 года. Публиковался в Кыргызстане, Казахстане, Украине, России, Великобритании, США, Швеции, Польше, Израиле, Сербии на русском, английском, кыргызском, казахском, сербском и польском языках.

Член Союза журналистов, Союза писателей Кыргызстана. Награжден двумя медалями ООН «За службу во имя мира», государственной наградой Кыргызской Республики медалью «Эрдик» («Мужество»), юбилейными медалями.

Живет в Бишкеке (Кыргызстан).

ИВАНОВ Александр

Прозаик, член Союза писателей СССР с 1976 года. Заслуженный деятель культуры Кыргызской Республики.

Родился в 1938 году в г. Чимкенте. Окончив школу, учился на филологическом факультете Киргосуниверситета. Работал в газетах «Комсомолец Киргизии», «Комсомолец Таджикистана», на республиканском телевидении, в ЦК Компартии Киргизии. С 1984 года – главный редактор журнала «Литературный Кыргызстан». Оставаясь в этом качестве, был с 1988 по 1998 год корреспондентом Всесоюзной «Литературной газеты», а с 2003 – главным редактором издательства «Жизнь замечательных людей Кыргызстана».

Первая книга прозы выпущена им в 1969 году – «Памирские были». С тех пор издано четырнадцать книг, в том числе – «Эдельвейсы остаются внизу», «Флаг над перевалом», «Не жди, когда уснут боги», «Маленькое чудо под ногами», «Снег в сентябре», «Верхом на облаке» и другие.

Автор увлекается всем, чем увлекаются герои его произведений.

КАМЕНСКИЙ Алексей

Родился в Москве в 1938 году. Окончил высшее художественное промышленное училище им. Строганова, отделение монументально-декоративной живописи. В Киргизии с 1962 года. Занимался оформлением столичного музея им. Фрунзе, Кыргызской государственной филармонии, здания Дворца бракосочетания г. Бишкека и др. Как живописец участвовал во многих республиканских и международных выставках. Работает в Академии художеств Кыргызстана. Народный художник Кыргызской Республики, академик АХ КР, профессор.

КАРАХАНИДИ Константин

Доцент, кандидат филологических наук, зав. кафедрой «Организация работы с молодежью и развития русского языка». Закончил КГУ им. 50-летия СССР. Педагогический стаж более 35 лет. Ведет практический курс русского языка для студентов технических специальностей в КГУСТА им. Н. Исанова. Читает курсы лекций по «Теории литературы», «Истории рус-

ской критики», «Истории русской литературы». Автор более 40 научных публикаций.

КОЙЧУЕВ Бахтияр

Родился в 1963 году в Бишкеке. Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и теории литературы Кыргызско-Российского Славянского университета. Опубликовал более 80 литературно-критических и научных работ по истории и теории мировой литературы, в том числе – о творчестве русскоязычных писателей Кыргызстана. Член Национального Союза писателей КР.

КОЛЕСНИКОВ Евгений

Родился в 1935 году в Алтайской глубинке. Окончил филологический факультет Киргосуниверситета. Работал редактором издательства «Кыргызстан», заведующим отделом прозы журнала «Литературный Кыргызстан», консультантом Союза писателей Кыргызстана, а затем – Международного сообщества писательских союзов в Москве. Автор более десятка книг художественной прозы и поэзии, изданных как в Кыргызстане, так и за рубежом.

САГАЙДАК Дмитрий

Родился в 1989 году в г. Фрунзе (ныне Бишкек). Окончил школу-гимназию № 26 с углубленным изучением французского языка. В 2012 году окончил Бишкекскую финансово-экономическую академию по специальности «Бухгалтерский учет, анализ и аудит». Работает в аудиторской фирме.

Увлечаться поэзией начал в школе. Публиковался в газете «Слово Кыргызстана», в журнале «Литературный Кыргызстан». Ведет свой блог в сети Интернет, где публикует собственные стихи, фотографии, а также рецензии на творчество музыкальных групп.

Пишет стихи на русском, английском и французском языках.

Лауреат литературного конкурса «Золотая табуретка-2012» в номинации «За лучшее философское отражение мира в поэзии».

Увлечения: литература, фотография, рок-музыка, футбол.

СВЕТЛИЧНАЯ Диана

Родилась в Томске. Живет в Бишкеке. Журналист. Препо-
дает на кафедре международной журналистики КРСУ. Утвер-
ждает, что к жизни и к своим текстам относится легко.

СУСЛОВА Светлана

Родилась в Забайкалье, с 1952 г. живет в Киргизии.
Окончила филфак Киргосуниверситета. Автор 15 оригиналь-
ных поэтических сборников и более 20 переводных. Лауреат
Всесоюзной премии Ленинского комсомола, кавалер Ордена
Дружбы и Ордена «Данакер». Заслуженный деятель культуры
КР. Заместитель главного редактора «ЛК», ведущий специалист
НЦ «Перевод» КРСУ.

ФЕДОРОВ Владимир

Среднюю школу окончил во Фрунзе в 1955 году, а в
1962 г. – Уральский госуниверситет, факультет журналистики.
С этого же года работал в системе Всесоюзного радио и
Центрального телевидения (ОРТ, Первый канал, 35 лет - в
программе «Время», заведующий корпунктом в Киргизии).
Заслуженный журналист Киргизской ССР, член Союза
кинематографистов СССР. Автор двадцати документальных
фильмов, снятых за время работы в Киргизии в системе
Госкино СССР. Среди них – «Продается на слом» (премия
на престижном фестивале в немецком Оберхаузене).

В 1996 году переведен в Воронеж заведующим
крупнейшим корпунктом - шесть областей Центрального
Черноземья. С 2002 года переведен в Москву - специальный
корреспондент столичной группы программы «Время».

Финалист премии ТЭФИ 1997 года в номинации
«Лучший репортер». Награжден медалью ордена (так это
называется) «За заслуги перед Отечеством» - в Кремле из
рук Президента Путина.

Последние пять лет – шеф-редактор службы доку-
ментальных фильмов телеканала «Россия – 1». В качестве
автора сделал для канала ряд документальных фильмов. В
том числе «Хирург от Бога» (премия фестиваля «Радонеж»)

- о великом хирурге Н. Пирогове. Отмечен премией Союза журналистов России.

ХЛЫПЕНКО Георгий

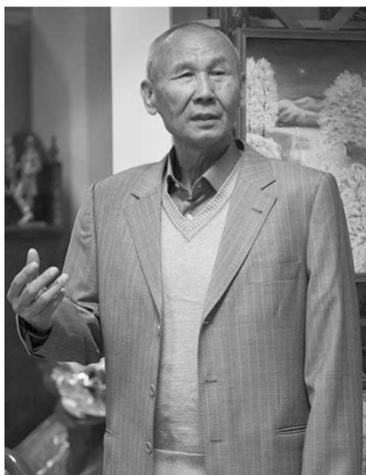
Родился 16 сентября 1938 года в селе Садовом Чуйской области. Окончил филологический факультет Киргизского университета и очную аспирантуру при нем. Работал в качестве научно-педагогического сотрудника в различных вузах Киргизии. Научные специализации – русская литература Кыргызстана и киргизско-украинские литературные связи. Член Союза писателей СССР и Национального Союза писателей КР по номинации «критика и литературоведение», профессор кафедры истории и теории литературы Кыргызско-Российского Славянского университета. В «Литературном Кыргызстане» публикуется, начиная с 1964 года.

ШАПОВАЛОВ Вячеслав

Родился в 1947 году в г. Фрунзе (ныне Бишкек, Кыргызстан). Народный поэт КР, заслуженный деятель культуры КР, лауреат международной Русской премии (РФ, Москва). Автор 12 поэтических сборников, более 30 книг переводов киргизской народной поэзии и лирики XX века, поэзии Запада и Востока. Стихотворения и поэмы публиковались в странах Европы и Азии, на ряде языков.

Доктор филологических наук, профессор, автор пяти научных монографий, около 300 научных и публицистических статей. Член ряда академий (Россия, США). Лауреат Государственной премии КР.

ПАМЯТНИК, СОТВОРЕННЫЙ СЛОВОМ

Смысл жизни постигается смертью... Покинул земной мир Талип Ибраимов – большой друг и постоянный автор «Литературного Кыргызстана». Родился он в 1940 году в селе Сары-Булак Калининского района Киргизии. После окончания филологического факультета Киргосуниверситета учился в Москве на высших курсах сценаристов и режиссеров.

Талип Ибраимов – известный сценарист, режиссер и редактор, преподаватель, академик Киноакадемии Кыргызстана, удостоен звания заслуженного деятеля искусств, награждён медалью «Данк» за особые заслуги в развитии культуры Кыргызстана.

В «Литературный Кыргызстан» он пришёл в «лихие» 90-е, уже состоявшейся и известной в республике личностью. «Проза – моя мечта», – признался в одном из интервью Талип Ибраимович, и к своей мечте он шел очень долго, почти 40 лет. Объясняя это тем, что к написанию прозы нужно относиться серьезно и заниматься этим основательно. Талип Ибраимов постоянно подчёркивал, что «Литературный Кыргызстан», способствовал его открытию, как прозаика, и помог ему войти в большой мир русской художественной литературы.

В 2006 году Талип Ибраимов стал лауреатом международного литературного конкурса «Русская Премия» – в номинации «Малая проза» (за сборник повестей «Старик и Ангел»),

в 2013 году достойно представлял русскоязычную литературу Кыргызстана на «Днях русской книги и русскоязычных литератур» в Париже, где вышла к данному мероприятию отдельным изданием его повесть «Ангел».

Все свои произведения Талип Ибраимов первоначально публиковал в «Литературном Кыргызстане», подчёркивая, что «... русский язык и русская литература – наиболее экономичный и знаковый путь в мировую цивилизацию, и у журнала «Литературный Кыргызстан» впереди великое будущее».

Наш замечательный автор, наш большой друг Талип Ибраимов, родившийся у подножия сары-булакских гор, честно, достойно, на творческом подъеме прошел отмеренный ему земной путь и нашёл упокоение на родной земле. Памятником ему – вечно седые кыргызские горы, безмолвные свидетели истории народа и высоких человеческих судеб.

Памятником ему также – оставленный нам Кыргызстан, который воссоздан его художественным словом в произведениях: «Старик», «Ангел», «Плакальщица», «Гнездо кукушки», «Женщина у стремени», «Пауза для выдоха», «Запах джиды»... Он успел сказать сокровенное «Простите меня» и спеть «Арман» – пронзительную песню любви и скорби по брэнной жизни...

***Редколлегия журнала
«Литературный Кыргызстан»***

*Корректурa Инны Пешехоновой
Компьютерная верстка и дизайн Светланы Терезуловой*

Подписано в печать 30.05.2016 г.
Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная.
Гарнитура Arial. Заказ 15.
Тираж 300 экз.